Открытіе Китая

и др. ст. академика В. П. Васильева.

Съ портретомъ автора.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая ул., № 12.
1900.

Пров. 1959

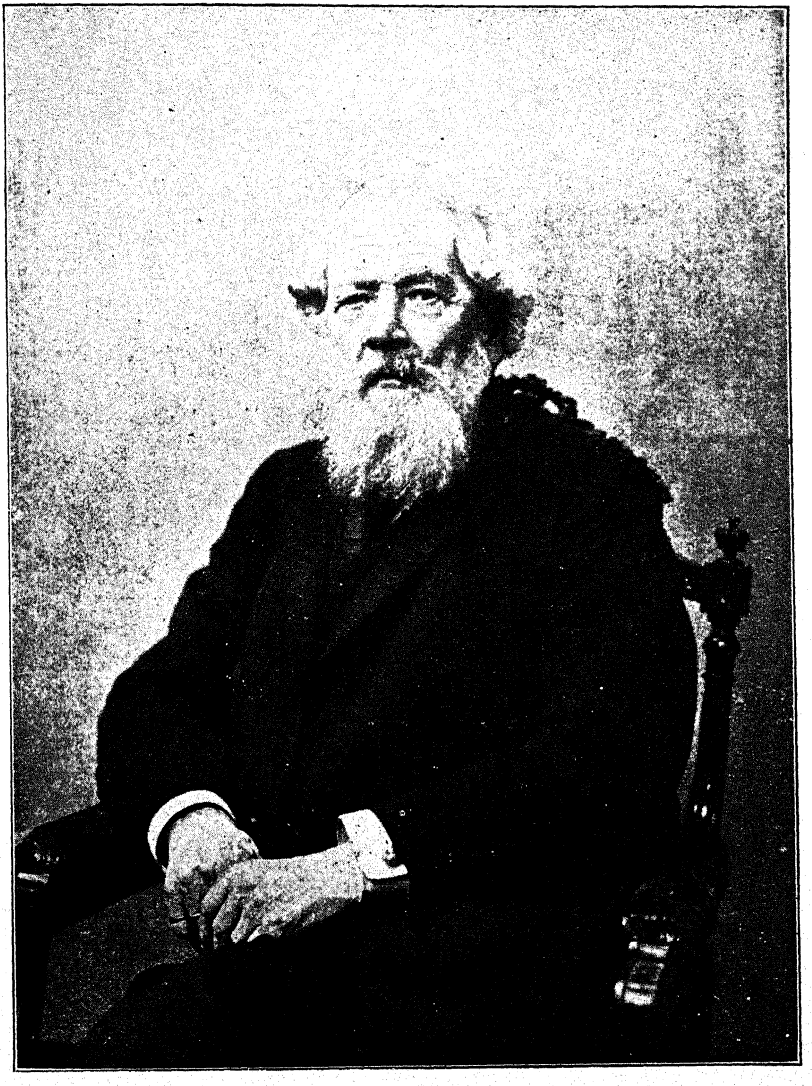
ОГЛАВЛЕНІЕ *).

	Стр.
I. Памяти В. П. Васильева	I—VIII
II. Открытіе Китая	1
III. Воспоминанія о Пекинѣ	34
IV. Русско-китайскіе трактаты	63
V. Магометанство въ Китаѣ	106
VI. Китайскій прогрессъ	139

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОЙ
128614
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
368
59

*) Печатаніе этой книги было задержано пожаромъ въ типографіи Меркушева, въ которой сгорѣли полученные нами оригиналы статей академика В. П. Васильева, которые пришлось возобновлять съ большимъ трудомъ. Во время печатанія появилась брошюра Бадмаева подъ заглавіемъ «Россія и Китай», вслѣдствіе чего измѣнено общее заглавіе статей В. П. Васильева.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Сентября 1900 г.



В. П. Васильевъ.

ПАМЯТИ

Василія Павловича Васильева.

Василій Павловичъ Васильевъ родился 22 февраля 1818 года въ семьѣ чиновника въ Нижнемъ-Новгородѣ. Шести лѣтъ отецъ отдалъ его въ уѣздное училище, а черезъ три года уже опредѣлилъ копіистомъ въ нижегородскій уѣздный судъ. Но когда въ 1827 г. послѣдовалъ указъ, запрещавшій принимать на службу лицъ моложе 14 лѣтъ, В. П. снова попадаетъ въ 3-й классъ уѣзднаго училища, откуда въ 1828 г. его переводятъ въ гимназію. По окончаніи курса, В. П. два года перебивается уроками въ Нижнемъ-Новгородѣ, не имѣя возможности поступить въ университетъ. Въ 1834 г. онъ, наконецъ, зачисляется на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета и по бѣдности принужденъ занять казенную вакансію по разряду монгольскаго и татарскаго языковъ. Подъ руководствомъ извѣстнаго оріенталиста Ковалевскаго, В. П. обнаружилъ недюжинныя способности въ случайно избранномъ имъ спеціальномъ предметѣ, и въ 1837 г. за диссертацію „Духъ Алтанъ-Герела“ удостоенъ степени магистра монгольской словесности. Упомянутая пер-

вая его крупная работа, посвященная разбору основъ философіи буддизма, заинтересовала ученый міръ и на молодого восточника было обращено вниманіе. Вскорѣ (1840 г.) ему было предложено занять мѣсто въ Пекинской духовной миссіи для изученія тибетскаго, санскритскаго и китайскаго языковъ. Десять лѣтъ провелъ Васильевъ въ Пекинѣ, и основательныя познанія въ языкахъ Востока, его литературѣ и жизни, пріобрѣтенныя имъ за это время заслужили ему, по возвращеніи изъ Китая, извѣстность первокласснаго оріенталиста. Въ 1851 г. онъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ китайской и маньчжурской словесности, а въ 1855 г. переведенъ въ Петербургскій университетъ. Учено-литературная дѣятельность его съ этихъ поръ идетъ параллельно съ педагогической, и какъ въ той, такъ и другой области извѣстность его переходитъ за предѣлы Россіи. Грамматики, словари, христоматіи и руководства, составленные имъ для своихъ слушателей, являются едва-ли не единственными не только у насъ, но и за границей.—В. П. состоялъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ съ 1866 г., а ординарнымъ академикомъ съ 1886 г. Скончался Васильевъ 27 апрѣля 1900 г.

Изъ сочиненій В. П. Васильева, кромѣ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ, укажемъ слѣдующія. *По исторіи религій*: «Буддизмъ, его догматы, исторія и литература» (капитальный трудъ, изданный въ 1857 г. академіей наукъ и переведенный вскорѣ на иностранные языки), «Буддійскій терминологическій лекси-

конъ» (1867 г.), «Исторія буддизма въ Индіи; сочиненіе Даронаты» (1869 г.), «Религіи Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ» (1873 г.). *По исторіи и географіи Востока*: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XII вв., съ присоединеніемъ переводовъ китайскихъ извѣстій о киданяхъ, чжурчженяхъ и монголо-татарахъ» (1861 г.), «Свѣдѣнія о маньчжурахъ во время династій Юанъ и Минъ» (1864 г.), «Выписки изъ дневника, веденнаго въ Пекинѣ» (1856 г.), «Центральная Азія и главные хребты горъ въ китайскихъ владѣніяхъ» (1852 г.), «Описаніе Маньчжуріи», «Записка о Нингутѣ» (1852 г.), «Описаніе большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ», «О существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи», «Географія Индіи, сочиненіе Миньчжулъ-Хутухты» (1897 г.), «По поводу ученаго путешествія Гюка и Габе въ Тибетъ» (1872) и мн. др. *Руководства:* «Маньчжурская христоматія для первоначальнаго преподаванія» (1862), „Маньчжурско-русскій словарь“ (1866 г.), „Графическая система китайскихъ гіероглифовъ“, „Опытъ перваго китайско-русскаго словаря“ (1867 г.), „Анализъ китайскихъ гіероглифовъ“ (1866 г.), „Элементы китайской письменности“ (1884 г.), „Китайская христоматія“ въ 3-хъ частяхъ (1868—1882 г.) „Очеркъ исторіи китайской литературы“ (1886 г.), „Матеріалы по исторіи китайской литературы“ (1888 г.) и др.

Много статей и замѣтокъ В. П. Васильева разбросано въ повременныхъ изданіяхъ—„Сѣверной Пчелѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Дневникѣ“, „Голосѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Но-

вомъ Времени“ и др. Изъ нихъ отмѣтимъ: „Три вопроса“ (1878), „Двѣ китайскія записки о паденіи „Кульджи“ (1872 г), „Исторія японскаго уголовнаго судопроизводства“ (1883 г.), „Россія и Средняя Азія“, „Китайскія посольства въ Россіи“, „Голодъ въ Китаѣ“, „О далай-ламахъ въ Тибетѣ“ „Ассигнаціи—деньги“, „О поземельномъ устройствѣ“ и др.

Предлагаемые очерки покойнаго академика В. П. Васильева не первый разъ появляются на свѣтъ: въ разное время, отъ 1859 г. до 1883 г., они были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ, по различнымъ поводамъ. Основаніемъ вторичнаго ихъ напечатанія отдѣльнымъ сборникомъ послужили слѣдующія соображенія, которыми руководились издатели.

Китайскій вопросъ неожиданно выдвинулся на очередь и, облекшись въ плоть и кровь, волнуетъ не однихъ присяжныхъ дипломатовъ, но даже людей, ничего общаго съ внѣшней политикою не имѣющихъ. Громадный спросъ на „китайскую“ литературу удовлетворяется либо скудными запасами залежавшагося въ книжныхъ складахъ матеріала, либо откровенно смѣлыми статьями нашихъ экзотическихъ публицистовъ, рисующихъ заманчивую „картину нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго сліянія съ Востокомъ“ и произвольно предрѣшающихъ исторію желтой расы, ея будущность и ту роль, которая ей готовится въ общемъ ходѣ человѣческой культуры. Эти попытки двинуть насъ въ Азію на поиски истинныхъ отъ вѣка уготован-

ныхъ задачъ, эти тенденціозныя, насильственныя параллели русскаго съ китайскимъ—вносятъ еще большую путаницу въ безъ того неясныя представленія наши о восточныхъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ мало знакомы съ тѣмъ народомъ, который внезапно сталъ центромъ общаго вниманія, съ его вѣрованіями, государственнымъ строемъ, съ его духомъ, стремленіями и завѣтами, что внутренній смыслъ совершающихся на нашихъ глазахъ событій, затемняемый къ тому-же ложными тенденціями, окончательно ускользаетъ отъ читателя и онъ попрежнему не знаетъ ничего или очень мало о Китаѣ и попрежнему повторяетъ съ чужого голоса общія мѣста о китайской отсталости, схоластикѣ и варварствѣ, и безъ руководящихъ указаній не можетъ разобраться въ перипетіяхъ смуты, царящей на Дальнемъ Востокѣ. Спеціально по Китаю мы не богаты популярными трудами, отвѣчающими всѣмъ запросамъ современнаго читателя, но среди тѣхъ, которые имѣются на лицо, работы Васильева занимаютъ первенствующее мѣсто. В. П. Васильевъ, къ сожалѣнію, не дожившій до нашихъ дней, когда его авторитетный голосъ много свѣта и ясности внесъ бы въ „китайскій“ вопросъ, оставилъ послѣ себя богатый научный матеріалъ, цѣлый рядъ изслѣдованій о Китаѣ, провѣренныхъ личными наблюденіями и освѣщенныхъ критическою мыслію человѣка науки. Эта принадлежность его къ классу ученыхъ оріенталистовъ—профессоровъ послужила къ тому, что сочиненія его мало проникали въ большую публику и теперь полузабыты.

Съ другой стороны, журнальныя и газетныя его статьи стали большою рѣдкостью. Между тѣмъ въ лицѣ В. П. Васильева мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ сочетаніемъ синолога академическаго склада съ живымъ наблюдателемъ публицистомъ, чутко отзывающимся на всѣ общественныя тревоги, имѣющія то или иное отношеніе къ его спеціальности.

Вотъ по этимъ то соображеніямъ, среди того хаоса, который господствуетъ теперь въ общественномъ мнѣніи по поводу китайскихъ событій, В. П. Васильевъ, по нашему мнѣнію, какъ руководитель, болѣе, чѣмъ кто либо иной, имѣетъ право на особое къ себѣ вниманіе. Его вѣское слово не устарѣло и въ наши дни и является лучомъ, способнымъ освѣтить полумракъ, застилающій отъ насъ истину въ китайскихъ дѣлахъ.

Открытіе Китая.

Къ настоящему Востоку не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, причислять ни Персію, ни Турцію: эти страны всегда были и находятся въ тѣсной связи съ той частью Европы, которую мы разумѣемъ подъ именемъ Запада.

Персія и Турція не болѣе, какъ югъ Запада, такъ же, какъ Россія и скандинавскія государства—сѣверъ Запада. Настоящій Востокъ—это нынѣшнія китайскія владѣнія съ югомъ въ Индіи и сѣверомъ въ Сибири.

Долгое время Востокъ и Западъ жили особенной жизнію; рѣдко происходили между ними столкновенія; выходъ варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, да временное валдычество чингисидовъ—вотъ и всѣ политическія столкновенія двухъ отдѣльныхъ половинъ міра. Нельзя отрицать, что два великія открытія, совершенныя въ Китаѣ: книгопечатаніе и порохъ, не способствовали ко вторичному, такъ сказать, открытію ихъ Гуттенбергомъ и Бартольдомъ Шварцемъ. Но этимъ и ограничивается все умственное вліяніе Востока на Западъ.

Теперь пришла очередь Запада, и онъ начинаетъ платить визиты Востоку. Его сѣверъ уже принадлежитъ Россіи, его югъ — Англіи. Но настоящее ядро Востока—Китай—не было еще потревожено въ полномъ своемъ составѣ. До сихъ поръ слабое вліяніе на него Запада было болѣе политическое; съ 1858 года начинается пора умственнаго вліянія. Востокъ вступаетъ въ тѣсныя связи съ Западомъ, и мы не думаемъ, чтобы эти связи были, какъ и прежде, временныя, случайныя: нѣтъ, настала пора, когда человѣческая семья должна выйти изъ раздѣленія, разрозненности, должна слиться въ одно цѣлое, чтобы

дружественно развивать идеи добра и правды и общими силами работать надъ силами природы.

Въ одно время разнеслись по Европѣ двѣ вѣсти: о трактатѣ, заключенномъ Китаемъ съ западными державами, и о проведеніи электрическаго телеграфа по дну Атлантическаго океана. Это два великіе факта въ исторіи человѣчества, въ исторіи просвѣщенія. Историческое значеніе ихъ важнѣе открытія Америки или разрушенія Римской имперіи восточными варварами. Съ нашего времени наступаетъ *новая исторія*.

Но мы не усомнимся *открытію Китая* отдать преимущество предъ устройствомъ атлантическаго телеграфа. Телеграфъ—роскошь въ сравненіи съ той неотлагаемой потребностью европейской цивилизаціи, которую ощущаетъ Востокъ. Можно ли было хладнокровно смотрѣть на то, что сотни милліоновъ людей, большая половина рода человѣческаго, чужды великихъ изобрѣтеній, которыя усвоилъ остальной міръ, съ помощью которыхъ онъ развиваетъ свое довольство, удлиняетъ свою жизнь. Съ этой точки зрѣнія легко могутъ быть оправданы и тѣ дѣйствія западныхъ державъ, которыя привели дѣло къ настоящему результату. Послѣдняя война Англіи съ Китаемъ, конечно, была болѣе насильственной и болѣе несправедливой, чѣмъ прежняя, поднятая изъ-за опіума. Мы не приводимъ ея въ примѣръ для будущихъ временъ, но прямо высказываемъ свое мнѣніе, что какъ скоро великія націи, сдѣлавшіяся представителями человѣчества, предположатъ себѣ какую либо цѣль во имя общечеловѣческаго образованія, то, осуществляя свои благіе замыслы, онѣ не должны затрудняться никакими встрѣчаемыми на пути препятствіями. На отвѣтственности и обязанности великихъ націй лежитъ развитіе просвѣщенія въ человѣчествѣ. Распространяя его, онѣ не обязаны очень много церемониться съ варварствомъ и невѣжествомъ.

Мы не политическую статью пишемъ, и потому отстраняемъ отъ себя подробную оцѣнку дипломатической ловкости европейскихъ державъ, заключившихъ съ Китаемъ тянь-цзинскій трактатъ. Не станемъ на томъ же основаніи разсуждать и о томъ, на долю

которой державы выпало болѣе чести при дѣлѣ „открытія Китая“, которая изъ нихъ осталась болѣе въ выигрышѣ. Чести достанетъ на долю всѣхъ: и Англіи, и Франціи, и Россіи, и Соединенныхъ Штатовъ; но на долю двухъ послѣднихъ державъ выпала та честь, что онѣ, по возможности, спасли китайскую имперію отъ униженія. Не будучи въ войнѣ съ Китаемъ, онѣ первыя заключили трактаты и доставили китайскому правительству то утѣшеніе, что оно приступило къ переговорамъ съ англійскими и французскими дипломатами не подъ громомъ пушекъ, а по добровольному внушенію и при посредничествѣ двухъ великихъ державъ—Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Для всякаго правительства, даже самаго варварскаго, тяжело чувство униженія, и это чувство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ правительство больше имѣетъ подданныхъ, чѣмъ больше глазъ смотритъ на него съ упрекомъ. Каково же было китайскому правительству, у котораго въ большей или меньшей зависимости находится половина человѣческаго рода? Россія и Соединенные Штаты спасли Китай отъ этого униженія, и китайцы хорошо поняли это. Кажется, не нужно послѣ этого распространяться, до какой степени дружественны могутъ быть наши сношенія съ пекинскимъ дворомъ. Китайцы неблагодарностью не отличаются.

Но, повторяемъ, мы пишемъ не политическую статью, и потому, оставляя въ сторонѣ наши дипломатическіе успѣхи, порадуемся лучше за человѣчество, которое не можетъ не рукоплескать совершившемуся великому дѣлу, — дѣлу примиренія двухъ половинъ человѣчества. Выгоды этого дѣла неизмѣримы; но самое радостное, самое отрадное въ будущемъ составляетъ—соединеніе дружественныхъ усилій цѣлаго рода человѣческаго для достиженія одной общей цѣли—*свѣта, добра* и *правды*. Осуществляется наконецъ затаенная мысль всѣхъ народовъ, разнесенная людьми въ разныя стороны еще во времена доисторическія съ развалинъ столба вавилонскаго, мысль, что *всѣ люди—одна семья*.

Мы не хотимъ, мы не можемъ заподозрѣвать то знамя, подъ которымъ англичане и французы сражались въ Кантонѣ и Тянь-Цзинѣ. Мы не вѣримъ,

что слово „просвѣщеніе“ исходило изъ устъ ихъ, только какъ холодный дипломатическій терминъ. Нѣтъ, если бы они сами отреклись отъ сознанія важности слова, ими произносимаго, мы бы сказали имъ, что они заблуждаются, что они говорятъ неправду, что, если они и не сознавали, что они дѣйствовали во имя просвѣщенія, то все-таки они дѣйствовали во имя его. Да, представители образованнаго міра дѣйствовали подъ вліяніемъ глубокаго убѣжденія, добытаго всѣмъ человѣчествомъ,—убѣжденія, перешедшаго изъ головы въ сердце. Иначе чѣмъ же объяснить всеобщія, единодушныя рукоплесканія, которыя раздались во всей Европѣ при первой вѣсти о тянь-цзинскомъ мирѣ? Отчего же не раздавалось такихъ же единодушныхъ кликовъ радости при полученіи вѣстей объ успѣхахъ англичанъ, подавлявшихъ индійское возстаніе? Оттого, что китайская война была ведена во имя просвѣщенія, а борьба англичанъ съ индусами происходитъ подъ знаменемъ корысти. Оттого что китайская война была дѣломъ всего человѣчества, а индійская — частное дѣло Англіи, которому постороннія державы не сочувствуютъ и не могутъ сочувствовать. Повторяемъ, что война китайская была дѣломъ *всего* человѣчества, а потому благотворному исходу ея сочувствуетъ *все* человѣчество. Быть можетъ, Европа, сама того не зная, сдѣлала для Китая то, что, рано или поздно, китайскій народъ самъ бы вытребовалъ отъ своего правительства. Зная Китай и китайцевъ не по однѣмъ книгамъ европейскимъ, но и по книгамъ китайскимъ и по опыту десятилѣтней жизни, проведенной нами въ Пекинѣ, мы смѣло объявляемъ, что въ отсталости Китая должно винить не народъ, а правительство. Принадлежа къ чужеземной (маньчжурской) расѣ по происхожденію, оно смотрѣло на огромныя и разнообразныя страны: Монголію, Цзюнгарію, Туркестанъ, Тибетъ и Китай, какъ на свою добычу, и съ жадностью слѣдило, чтобъ оградить эти страны отъ всякаго соприкосновенія съ остальнымъ міромъ. Чѣмъ другимъ можно объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что на протяженіи вѣрныхъ десяти тысячъ верстъ русской границы съ китайскими владѣніями, начиная отъ Восточнаго

океана до Капала, намъ открыта была всего только одна Кяхта? Чѣмъ объяснить, что по берегу Восточнаго океана отъ 50 до 18 градуса широты, на протяженіи слишкомъ четырехъ тысячъ верстъ, намъ и вообще Европѣ, Азіи и Америкѣ былъ открытъ всего только одинъ портъ—Кантонъ? Для китайскаго правительства было довольно того, чѣмъ оно владѣло, но достаточно-ли это было для многочисленныхъ его подданныхъ?

Мы видимъ, что Туркестанъ, начиная отъ Кашгара до Хамула, со II вѣка до Р. Х., былъ естественной дорогой изъ Персіи, Рима, Византіи и Халифата въ Китай. Нынѣшнее китайское правительство заградило этотъ путь, какъ скоро овладѣло Туркестаномъ; оно даже не позволяетъ жителямъ его и вообще всѣмъ безъ исключенія подвластнымъ ему магометанамъ выходить изъ китайскихъ владѣній для исполненія религіозной обязанности, налагаемой на нихъ кораномъ, — странствовать въ Мекку на поклоненіе Каабѣ. Тибетъ, въ которомъ живетъ далайлама, прежде былъ доступенъ для всѣхъ иностранцевъ, и послѣдователи буддизма безпрепятственно могли ходить въ Хлассу для исполненія религіозныхъ требованій. Они приходили сюда и съ береговъ Каспійскаго моря, и изъ долины Кашмира, и отъ устья Брамапутры *). Китайское правительство, присвоивши себѣ протекторство надъ Тибетомъ, поставило себѣ первымъ долгомъ запереть по возможности эту страну для всѣхъ иностранцевъ. Посѣщаютъ ли Китай близкіе его сосѣди: бирманы, сіамцы и кохинхинцы? Позволено ли оффиціально китайцамъ пробираться въ эти сосѣдственныя владѣнія?

Что было на Восточномъ океанѣ, то извѣстно Европѣ; но припомните, для соображенія о двухъ слѣдующихъ гибельныхъ мѣрахъ китайскаго правительства: оно запретило своимъ подданнымъ измѣнять форму судовъ и ѣздить въ Южный океанъ; оно рѣшилось окончательно погубить всякое усовершенствованіе въ мореплаваніи. Результаты всѣхъ этихъ правительственныхъ мѣръ и прижимокъ достаточно извѣстны.

---

*) По неправильному произношенію европейцевъ—Буремпутеръ.

Страны Монголіи, Тибета и Маньчжуріи были подъ бокомъ Китая; но онѣ съумѣли охранить себя отъ излишняго насилія. Здѣсь раздолье пустынь; а бѣдный Китай самъ себя продаетъ въ неволю европейскимъ авантюристамъ, то и дѣло вывозящимъ китайцевъ изъ ихъ отечества, населеннаго такъ тѣсно, что въ немъ даже трудно жить людямъ.

Говорятъ, что народъ рождаетъ правительство, а не правительство — народъ. На словахъ это громкая истина, на дѣлѣ выходитъ не то. Слово народъ не тождественно со словомъ исторія. За то, что двѣсти лѣтъ тому назадъ Китай былъ завоеванъ маньчжурами, нельзя обвинять нынѣшнихъ его обитателей. Да и тогдашнихъ-то китайцевъ нельзя винить за то, что они были завоеваны. Развернемъ китайскую исторію, и ясно увидимъ, что и тогда въ порабощеніи иноплеменниками Китая виноватъ былъ не народъ, а правительство. Еще надобно удивляться, какъ, при маньчжурскомъ правительствѣ, китайскій народъ сохранилъ свою смѣтливость, свое искусство, какъ онъ сохраняетъ свое терпѣніе. Впрочемъ, теперь въ Китаѣ уже нѣтъ правительства: имъ правитъ—*нужда!*

Этотъ-то гибельный порядокъ въ Китаѣ былъ низвергнутъ вмѣстѣ съ фортами, препятствовавшими побѣдоносному европейскому просвѣщенію явиться подъ стѣнами Тянь-Цзина! Мирные трактаты, заключенные въ этомъ городѣ, вымогли у китайскаго правительства то, чего должна была добиться отъ него сама нація. Чужеземцы явились посредниками въ семейныхъ дѣлахъ государства. Вотъ какъ мы смотримъ на совершившійся фактъ, по отношенію къ Китаю. Мы убѣждены, что такъ будетъ смотрѣть на него впослѣдствіи и исторія человѣчества.

Чего добилась въ этомъ случаѣ европейская дипломатія? Доступа въ Китай просвѣщенія, ознакомленія половины человѣческаго рода, обитающей въ этой странѣ, съ тѣми чудными изобрѣтеніями, честь которыхъ принадлежитъ малой, но образованной Европѣ. Вотъ лицевая сторона вопроса. Если же страсти народовъ видятъ совсѣмъ другое „въ уступкахъ“, сдѣланныхъ въ Тянь-Цзинѣ китайскимъ правительствомъ, такъ это происходитъ только оттого,

что они не позволяютъ себѣ смотрѣть на предмет прямо, а желаютъ выворотить его на изнанку. Д въ войнѣ, оконченной столь благотворно, одержа верхъ общечеловѣческое просвѣщеніе, одержалъ і бѣду разумъ человѣческій надъ животною долей ловѣчества. Это не Кагулъ, не Полтава, не Аустлицъ, не Ватерлоо. Самыя побѣды Александра І ликаго, побѣды эллинскаго просвѣщенія надъ д мотой персидскаго Востока—одна лишь слабая тѣ побѣды общечеловѣческаго просвѣщенія, одержанн въ 1858 году. Эта цифра ярко будетъ сіять на лѣ писныхъ скрижаляхъ человѣчества. Отнынѣ кита ское правительство не въ силахъ уже закрыва глаза цѣлой половинѣ рода человѣческаго, отталкивать отъ него все хорошее, только на томъ основаніи, что оно не родилось или не изобрѣтено на китайской почвѣ.

Кто приметъ дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлѣ грядущаго съ Запада на Востокъ общечеловѣческаго просвѣщенія? Своекорыстное ли маньчжурское правительство, или утѣсненная имъ китайская нація? Кто будетъ передовымъ, кто кого будетъ руководить? Это уже вопросъ второстепенный, хотя и существенный въ политической судьбѣ Китая. Это вопросъ, касающійся судьбы самого маньчжурскаго правительства. Этотъ вопросъ выражается другими словами: удержатся ли послѣ тянь-цзинскаго трактата маньчжурскіе императоры на своемъ престолѣ, или нѣтъ? Но что бы ни послѣдовало въ этомъ отношеніи, какъ бы ни разрѣшили маньчжурскій вопросъ, общечеловѣческое просвѣщеніе все-таки непремѣнно распространится въ Китаѣ. Отнынѣ европейцы будутъ проникать внутрь страны, отнынѣ китайская нація уже не можетъ быть слѣпою и, глядя на изобрѣтенія европейскаго разума, не будетъ безсмысленно, безъ подражанія удивляться тому, что въ самомъ дѣлѣ удивительно. Послѣднія побѣды заставятъ преклониться предъ наукой и искусствомъ упрямую гордость маньчжурскаго правительства, передаваемую въ плоть и кровь порабощеннаго имъ великаго народа, великаго уже потому одному, что онъ составляетъ цѣлую половину человѣческаго рода. Но въ какомъ

видѣ явится европейское просвѣщеніе въ Китаѣ? Это жный вопросъ. Въ Европѣ у всѣхъ на устахъ лово „просвѣщеніе“, и всѣмъ легко понять, что та-ое значитъ это слово. Но въ дѣлѣ „просвѣщенія“ омаднаго своей многочисленностію народа,—народа ке самостоятельно развитаго, всякій шагъ, неловко цѣланный, можетъ повлечь за собой милліоны го-естныхъ послѣдствій, неисправимыхъ цѣлыми сто-вѣтіями. Вѣдь и на Сандвичевы острова занесено вропейское просвѣщеніе; но какія отъ того вышли по-лѣдствія?

Мы убѣждены, что Китай съумѣетъ избѣжать всего езполезнаго и вреднаго, хотя бы, по мнѣнію нѣко-торыхъ, это безполезное и считалось вывѣской про-свѣщенія. Въ этомъ предположеніи убѣждаютъ насъ сама исторія Китая, благоразуміе и разсудительность всей китайской націи.

Впрочемъ, на грѣхъ мастера нѣтъ. Человѣчество никогда не приходило къ свѣту, добру и правдѣ неуклонно-прямымъ путемъ. Не бывало ему пути безъ сучка, безъ задоринки. Доказательство тому — исторія.

Въ томъ или другомъ видѣ разольется въ Китаѣ просвѣщеніе, съ этимъ вопросомъ тѣсно связаны и тѣ частные интересы, которыми руководствовались европейскія державы во время послѣдней войны и при заключеніи тянь-цзинскаго трактата. Представимъ, что китайцы, увлеченные вихремъ европейскаго вліянія, вздумаютъ вдругъ измѣнить весь прежній образъ жизни, что они будутъ одѣваться по-европейски, ѣсть по-европейски, строить дома по-европейски, какое важное послѣдствіе было бы тогда для человѣчества? Потирали бы отъ удовольствія руки англійскіе, французскіе и германскіе фабриканты, магазинщики, модистки, повара и даже кучера. Не одну, а тысячу войнъ могла бы тогда предпринять Англія съ Китаемъ, чтобы достигнуть сбыта своихъ суконъ и котонажей для облаченія цѣлой половины рода человѣческаго. Четыреста милліоновъ новыхъ требователей! цѣлая половина человѣчества! О, тутъ найдется работы для какихъ нибудь тридцати милліоновъ съ тысячами станковъ и машинъ.

Представимъ, что въ китайскомъ обществѣ войдутъ въ моду болтовня на иностранныхъ языкахъ, балы, вечера съ концертами и пр. Сколько потребуется учителей, танцмейстеровъ, музыкантовъ! О, тогда настанетъ второе переселеніе народовъ, тогда будетъ нашествіе двуногой саранчи на непочатыя кладовыя сначала китайской аристократіи, а потомъ и прочихъ сословій, которыя, по естественному закону моды, уже непремѣнно потянутся за аристократіей.

Но мы даже не хотимъ вѣрить, чтобы китайцы увлеклись ложнымъ блескомъ внѣшней европейской жизни; мы увѣрены, что если они и займутъ изъ нея кое-что, такъ не будутъ утрировать до невозможности, какъ островитяне, которыхъ путешественники видятъ въ блестящемъ мундирѣ безъ исподняго платья. Китайцы обновятъ, одушевятъ свою настоящую жизнь, не перевернувъ ея вверхъ дномъ.

Не внѣшній лоскъ европейской жизни разумѣемъ мы подъ словомъ „просвѣщеніе“, не онъ необходимъ для Китая, не его жаждетъ огромный китайскій народъ. Подъ словами „европейское просвѣщеніе“ мы даже не разумѣемъ и знанія нашихъ граматикъ, риторикъ, піитикъ, западной философіи и исторіи. У китайцевъ есть своя литература, своя богатая исторія, свои философскія системы. Все, что ни произвелъ Западъ въ этой области знаній, пусть будетъ предметомъ изученія лишь нѣсколькихъ китайскихъ спеціалистовъ. Пусть обществу китайскому все это будетъ извѣстно настолько же, насколько наше общество знаетъ о китайской литературѣ и исторіи. Вѣдь эти знанія равняются у насъ нулю; а, между тѣмъ, кто же изъ насъ, не зная ни исторіи, ни литературы, ни философіи цѣлой половины человѣчества, думаетъ, что онъ непросвѣщенъ! Всякому свое.

Гражданское устройство, образъ правленія слагаются изъ исторіи народа; но просвѣщеніе равно доступно и монархической Франціи и демократической Америкѣ. При томъ, въ Китаѣ, въ странѣ, въ которой наука, какая бы она ни была, считается единственнымъ правомъ на полученіе чиновъ и правъ аристократическихъ, въ странѣ, въ которой богдыханъ допускаетъ высказывать себѣ самыя горькія

истины и не только не старается скрывать такіе доклады, но даже оглашаетъ всѣ свои и приближенныхъ къ нему дѣйствія посредствомъ печатнаго слова, истинному общечеловѣческому просвѣщенію будетъ очень легко ужиться съ мѣстными формами государственнаго правленія.

Да въ чемъ же будетъ заключаться это просвѣщеніе Китая, спросите вы. Въ чемъ же оно будетъ заключаться, если не нужно Китаю не только французской кухни, англійскихъ котонажей, итальянской оперы и швейцарскихъ гувернеровъ, но даже и германской философіи, даже и европейской лингвистики и исторіи? Да, остается немногое; но, по нашему убѣжденію, это немногое — самое важное и для китайца и для всего вообще человѣчества.

Западъ силенъ не своей общественной жизнью, но своими уставами и наукой. Эта-та наука и должна быть перенесена на китайскую почву. Истинная наука не знаетъ ни различія климатовъ, ни различія національностей, ни различія религій. Она не остается тамъ только, гдѣ выдумали или обработали какой либо тезисъ. Нѣтъ, истинная наука тотчасъ же разсылаетъ его по всему свѣту. Китайцами, равно какъ и всѣмъ человѣчествомъ, должны быть усвоены всѣ новѣйшія европейскія усовершенствованія и открытія въ области физики, механики, химіи, технологіи, мореплаванія, астрономіи и т. п. Если китайцы станутъ наравнѣ съ европейцами въ знаніи всѣхъ точныхъ и математическихъ наукъ, тогда они сами будутъ продолжать разработку ихъ. А тогда развѣ можно будетъ сказать, что просвѣщеніе въ Китаѣ неполное?

Припомнимъ, что Китай нѣкогда самъ протягивалъ руки къ европейскому, общечеловѣческому просвѣщенію. Не онъ ли съ такимъ уваженіемъ принималъ іезуитовъ-миссіонеровъ за ихъ знанія, не онъ ли жадно ловилъ каждое слово образованнаго европейца-монаха и спѣшилъ, съ свойственными обитателямъ его смѣтливостью и терпѣніемъ, примѣнить каждое ихъ слово къ дѣлу, не онъ ли не стыдился сознаться въ своемъ невѣжествѣ? Вошло въ пословицу: „отсталость Китая“, „неподвижность Китая“. Мало того: всклепали на китайцевъ, будто они не желаютъ обще-

человѣческаго просвѣщенія, будто они глухи къ поучительному голосу Европы. Нѣтъ! китайскій народъ жаждетъ европейскихъ знаній, пресловутое китайское невѣжество вовсе не таково, какимъ огласили его іезуиты, а съ ихъ голоса и вся Европа. Было время, когда съ прибытіемъ въ Пекинъ іезуитскихъ миссіонеровъ начиналась для китайцевъ такая же реформа, какъ и у насъ въ дни Петра Великаго... Но не китайцы и даже не маньчжурское правительство виновато въ томъ, что начинавшееся дѣло просвѣщенія страны осталось безъ послѣдствій. Іезуиты до того надоѣли и китайскому правительству и китайскому народу, что Китай, при всей неодолимой жаждѣ европейскаго просвѣщенія, изгналъ провозвѣстниковъ его изъ своей страны. Если бы въ Китай явились тогда не іезуиты, а люди, чуждые духу пропаганды, истинные проповѣдники науки, не думаемъ, чтобы въ эти два столѣтія, истекшія послѣ появленія іезуитовъ на почвѣ небесной имперіи, китайцы не догнали бы Европу. Если сами китайскіе императоры обращались какъ съ первыми своими вельможами съ западными пришлецами, въ которыхъ непріятно поражала ихъ чрезмѣрная заботливость объ ихъ частныхъ религіозныхъ институтахъ, то какъ бы они обращались съ людьми истинной науки, въ которыхъ бы ничто ихъ не шокировало? Утвердилась мысль, будто китайское правительство недоступно для европейцевъ. Это неправда. А хотя и есть доля правды въ томъ, что китайцы подозрительны и недовѣрчивы къ европейцамъ, такъ виноваты въ томъ не они, а іезуиты.

По упроченіи тѣсныхъ связей съ Европой для Китая, конечно, на первомъ планѣ должно стать изученіе европейскаго военнаго искусства. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись, говоритъ пословица. Безъ сомнѣнія, китайское правительство прежде всего ухватится за ознакомленіе своихъ войскъ со средствами вѣрнѣе и удобнѣе истреблять своихъ враговъ. Такъ бывало повсюду, куда проникало просвѣщеніе; такъ было и у насъ при Петрѣ Великомъ. Со дней перваго знакомства нашего съ просвѣщенной Европой, правительство поставило себѣ главною заботою усовершенствованіе военнаго дѣла. Но вѣдь это дѣло не народное:

это дѣло правительства и касты, занимающейся военнымъ ремесломъ. Китайская же нація, какъ и наша, примется за науки, полезныя въ жизни. Такъ, думаемъ мы, должно совершиться великое дѣло просвѣщенія китайской половины рода человѣческаго.

Мы знаемъ общій предразсудокъ, которымъ льстятъ себѣ европейцы. Они говорятъ, что труса какъ ни учи, онъ все-таки побѣжитъ, что полкъ европейскаго войска всегда въ состояніи будетъ разбить корпусъ азіатской арміи. Мы не думаемъ такъ, мы не понимаемъ нынѣ слова „трусъ“ иначе, какъ синонимомъ „неискусный, слабѣйшій, поставленный противъ искуснаго и сильнаго“. Но въ чемъ заключается искусство, какъ не въ наукѣ, самая наука въ искусствахъ не требуетъ ли упражненія? Способны ли китайцы научиться военному искусству? Мы не будемъ говорить объ офицерахъ, для которыхъ требуется много свѣдѣній, но о солдатахъ. Солдату нужны только навыкъ и проворство; но гдѣ, въ какой странѣ солдатъ учится больше, чѣмъ въ Китаѣ? Для того, чтобъ поступить въ солдаты, онъ выдерживаетъ экзаменъ, на которомъ на одну вакансію является часто до сотни искателей, и къ этому экзамену онъ приготовляетъ себя съ дѣтства. Итакъ, перемѣните только требованія экзаменаторовъ, вмѣсто лука или сабли дайте въ руки китайскому солдату штуцеръ, и, повѣрьте, онъ будетъ стрѣлять изъ него такъ же мѣтко и такъ же проворно, какъ и англійскій солдатъ. Говорятъ, китайцы трусы по душѣ; но изъ чего это видно? Во всѣхъ схваткахъ съ европейцами видно было только незнаніе дѣла, неумѣнье, и даже удивительно еще, что при такомъ незнаніи, китайцы оказывали большую храбрость, чѣмъ слѣдовало ожидать.

Можетъ быть, китайцы никогда не будутъ мореходами, не съумѣютъ создать флота? Но если и теперь, на своихъ уродливыхъ джонкахъ, они плаваютъ по океану, то почему не будутъ они плавать на хорошо устроенныхъ судахъ? Будутъ ли они умѣть ихъ дѣлать сами? Но когда нашъ графъ Путятинъ строилъ судно въ Японіи, то японскіе плотники оказались столярами, краснодеревцами; китайцы же не уступятъ въ строительномъ искусствѣ японцамъ. Найдется-ли

въ Китаѣ лѣсъ? Но горы южныхъ провинцій покрыты драгоцѣннымъ канфарнымъ деревомъ, провинція Сы-Чуанъ можетъ послать по Цзяну свои великолѣпные кедры. Какая страна болѣе выгодно расположена для мореплаванія, какъ не Китай? Предъ нимъ на 25 градусовъ раскинулся океанъ, принимающій въ себя широкія, многоводныя, судоходныя рѣки, пересѣкающія поперекъ всю страну. Что касается до морской артиллеріи, то намъ кажется, что пушки стрѣляютъ, когда къ нимъ приложатъ фитиль, не разбирая, какая рука приложила его—бѣлая или черная, европейская или китайская.

Способна ли китайская нація къ воспріятію тѣхъ усовершенствованій, которыя изобрѣла европейская наука? Но спрашивается: и на Западѣ въ какихъ мѣстностяхъ прежде всего потребовался призывъ науки? Не въ странахъ ли, переполненныхъ избыткомъ народонаселенія? Не тамъ ли пришлось пособлять искусствомъ, гдѣ природа не давала занятія рукамъ? Мы не отрицаемъ, что наука есть созданіе новѣйшаго человѣчества, что она есть гордость европейца, который сталъ чрезъ нее во главѣ свѣта, сдѣлался предводителемъ всѣхъ своихъ собратовъ; но какая страна, кромѣ Европы, болѣе способна воспользоваться примѣненіями науки, какъ не Китай? Не здѣсь ли человѣкъ впрягаетъ въ плугъ вмѣсто быка самого себя, не здѣсь ли онъ готовъ на всѣ тягости труда для насущнаго пропитанія? Всѣмъ извѣстны китайская усидчивость, аккуратность и неутомимость, которыя такъ необходимы для приведенія въ исполненіе предписаній науки. Если китайцы обращали свою изобрѣтательность на мелочности, то почему же они не могутъ быть способными къ разработкѣ общихъ законовъ настоящей науки, неспособны быть ея продолжателями и даже двигателями?

Но здѣсь начинается и обратная сторона медали тянь-цзинскихъ трактатовъ. Допустимъ, что китайцы сблизятся съ просвѣщеніемъ Запада и усвоятъ его себѣ, не говоря уже о томъ, что превзойдутъ (наука переходчива), а только усвоятъ,—что тогда выйдетъ изъ того, какую тогда роль приметъ Китай въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ, къ ко-

торымъ вызванъ какъ бы поневолѣ? Какія выгоды послѣдуютъ для тѣхъ, которые его вызвали къ новой жизни?

Прежде всего разберемъ послѣдствія, которыми можетъ воспользоваться китайское правительство, когда оно будетъ имѣть въ своихъ рукахъ вооруженные по-европейски армію и флотъ. Конечно, оно прежде всего подавитъ внутреннія возмущенія и будетъ прочно владѣть тѣмъ, что ему уже принадлежитъ. Осмѣлится ли тогда какое-нибудь иностранное владѣніе приступить къ Китаю, какъ съ ножемъ къ горлу, подобно тому, какъ сдѣлали въ прошломъ году западныя державы? Не будетъ ли оно скорѣе держать себя въ почтительномъ отдаленіи, какъ скоро будетъ знать, что оно можетъ встрѣтить порядочный отпоръ? Не скорѣе ли превратится прежняя запальчивость въ осторожное чувство самосохраненія: Китай можетъ выставить не стотысячныя, а милліонныя арміи; слѣдовательно, въ количественной силѣ съ нимъ будетъ мудрено тягаться, если китайскій солдатъ будетъ вооруженъ одинаково съ европейскимъ и изучитъ западное военное ремесло. Скажутъ, что Китай не можетъ создать такого громаднаго флота, какъ Англія. Но сдѣлаемъ и мы хоть одно замѣчаніе, мы, отвѣчавшіе уже на нѣсколько возраженій. Китай не имѣетъ долговъ, и тотъ, кто до конца дѣла успѣлъ сохранить свѣжія силы, тотъ непремѣнно останется побѣдителемъ.

Просимъ читателей, пусть потрудятся они взглянуть на карту Восточнаго океана. Впереди Китая выдается нескончаемый рядъ огромныхъ острововъ, начиная отъ Люсона до Новой Зеландіи. Здѣсь уже повсюду китайцы превосходятъ своимъ количествомъ европейскихъ переселенцевъ, мѣстныя власти на всѣхъ этихъ островахъ уже принимаютъ мѣры ограничить переселенія китайскихъ колонистовъ, тогда какъ потребности странъ требуютъ ихъ присутствія. Что, если китайское правительство вникнетъ въ свое положеніе и, почувствовавъ свои силы, захочетъ наложить руку свою на эти острова? Въ силахъ ли будетъ тогда противостать этому желанію конвенція всѣхъ государствъ, заинтересованныхъ владѣніемъ

острововъ Восточнаго океана, поставятъ ли Китаю отпоръ Англія вмѣстѣ съ Голландіей, Португаліей и Испаніей? Нужно ли непремѣнно, чтобъ Китай когда нибудь отплатилъ Западу такой же высадкой, какой онъ принудилъ его недавно къ исполненію своихъ требованій? Но у него найдется и безъ того достаточно средствъ. Китайскому правительству стоитъ только запретить вывозъ чаю, и, когда оно съумѣетъ защитить свое внутреннее распоряженіе, такъ и этого уже будетъ достаточно, чтобъ державы Запада явились передъ нимъ съ покорностію.

Кто знаетъ? Можетъ быть, усмиряемая въ настоящую минуту Индія возвратитъ себѣ свободу только съ помощію китайскаго оружія?.. Но, повторяемъ, мы не политическую статью пишемъ и все это выдаемъ ни за что болѣе, какъ за игру своей фантазіи, а потому и оставимъ въ сторонѣ китайское правительство. Признаемся, мы на него меньше надѣемся, чѣмъ на народъ. Достаточно будетъ и того, если правительство хоть только не будетъ мѣшать просвѣщаться Китаю. Что будетъ, когда китайцы познакомятся съ новѣйшими изобрѣтеніями механики, технологіи и физики? До сихъ поръ первое мѣсто въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ принадлежитъ безспорно державамъ мануфактурнымъ, но это — искаженіе естественнаго порядка. Тамъ, гдѣ населеніе ищетъ работы помимо земли для своихъ рукъ, ввозъ мануфактурныхъ произведеній чистая аномалія, вредное послѣдствіе одного только невѣжества. Такимъ образомъ, Англіи и остальной Европѣ мало добраго можно ожидать отъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, какъ скоро въ немъ водворятся техническія познанія. Да и теперь намъ уже извѣстно, что въ открытыхъ портахъ, въ самомъ Гонконгѣ, европейцы прибѣгаютъ къ китайскимъ портнымъ въ потребностяхъ туалета и обуви: китайцы шьютъ и даже моютъ на нихъ бѣлье, повара и булочники приготовляютъ имъ кушанье, въ самыхъ конторахъ европейскихъ негоціантовъ занимаются дѣлами китайцы, которые читаютъ европейскія газеты, держа въ зубахъ гаванскія сигары. Все это произошло въ послѣднія десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Китай задѣтъ былъ только слегка.

Что же будетъ теперь, когда правительство настежь растворило для европейцевъ запертыя доселѣ двери внутрь обладаемой имъ страны.

Мы боимся распространяться, очень хорошо понимая, что насъ стали бы обвинять въ преувеличеніи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, сколько бы мы ни распространялись объ этомъ, мы бы сказали еще мало.

Въ этомъ случаѣ націямъ земледѣльческимъ, какъ наша,—націямъ, въ которыхъ народонаселеніе далеко не удовлетворяетъ потребностямъ страны и природы, опасаться нечего. Напротивъ, имъ должно желать скорѣйшаго оживленія Китая, усиленія въ немъ мануфактурной дѣятельности, которая, скажемъ мимоходомъ, и безъ того не такъ незначительна, какъ обыкновенно думаютъ (въ Пекинѣ на одну лавку, торгующую европейскими миткалями и ситцами, приходится по тысячѣ лавокъ, производящихъ торгъ домашнимъ бумажнымъ холстомъ)! Чѣмъ больше будутъ работать китайцы, тѣмъ болѣе потребуютъ они сырыхъ произведеній, которыхъ неоткуда взять на ихъ густонаселенной почвѣ. Итакъ, Америка и Россія могутъ спокойно смотрѣть на процвѣтаніе своего сосѣда: къ нимъ первымъ обратится Китай за спросомъ ихъ произведеній. И, при томъ, Россія можетъ считать свои сношенія съ Китаемъ тѣмъ болѣе прочными, что ея произведенія принадлежатъ такому климату, какого не найдется въ районѣ даже тѣхъ острововъ, которые могутъ достаться китайцамъ. Правда, нынѣшнему правительству принадлежатъ степи Монголіи и долины Тибета, которыя способны къ тонкорунному овцеводству; но распространится ли оно тамъ, при всѣхъ успѣхахъ просвѣщенія, даже во сто лѣтъ, рѣшить пока еще трудно. Но у насъ есть еще много богатствъ, которыми мы можемъ торговать съ Китаемъ независимо отъ масловыхъ и мизерицкихъ суконъ, хотя они и стоятъ нынѣ на первомъ планѣ въ торговлѣ съ Китаемъ. Наши плисы всегда будутъ имѣть вѣрный сбытъ въ Китаѣ; наши мѣха всегда будутъ тамъ въ спросѣ. Мы имѣемъ изобиліе въ минералахъ; наши сахальяньскія каменноугольныя копи будутъ первыми посредниками всего пароходства на всемъ Восточномъ океанѣ; наши

неистощимые лѣса, покрывающіе берега Амура и Восточнаго океана, будутъ всегда требоваться въ безлѣсномъ сѣверномъ Китаѣ. Наконецъ, нашъ хлѣбъ, продуктъ, торговлѣ которымъ Китай покровительствовалъ и прежде заключенія всѣхъ трактатовъ, будетъ всегда требоваться въ странѣ, въ которой человѣческихъ желудковъ гораздо больше, чѣмъ десятинъ земли. Амурскій край нашъ богатъ рыбой; онъ присоединитъ къ этому и мясо, которое, на первыхъ порахъ, можетъ получать изъ Маньчжуріи, лишившейся естественнаго водяного сообщенія, которымъ она никогда не смѣла воспользоваться. Коснувшись будущихъ сношеній нашихъ съ китайцами, должно замѣтить, что эти сношенія не могутъ быть подведены подъ одну общую рамку съ сношеніями всякой другой европейской или американской державы. Тамъ ведетъ одинъ путь въ Китай: это—море, начиная отъ береговъ Маньчжуріи до южной оконечности острова Хайнань. Можетъ быть, Англія, утвердившись въ Индіи, поспѣшитъ воспользоваться также, хотя отчасти сухопутнымъ сообщеніемъ, но этотъ путь никогда не будетъ имѣть того огромнаго значенія, который всегда будетъ въ ея морскихъ сношеніяхъ. Напротивъ, для Россіи чѣмъ далѣе она будетъ развиваться, тѣмъ сухопутное сообщеніе будетъ принимать все больше и больше значенія. Мы пишемъ не для настоящей только минуты, не о нынѣшнемъ только положеніи дѣла: цѣль наша—высказать свои замѣчанія и мнѣнія для тѣхъ, которые желаютъ видѣть подальше, любознательность которыхъ подстрекаетъ заглянуть и въ будущность, не такъ далекую, чтобы до нея не дожили нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ. Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда то, что сегодня осуждается, какъ несбыточная мечта, завтра принимаетъ характеръ вѣроятія, а на слѣдующій день уже приводится въ исполненіе. Раза два заводили уже у насъ рѣчь о телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ чрезъ Сибирь, будемъ надѣяться, что въ третій разъ мы уже услышимъ о чемъ-нибудь болѣе положительномъ, нежели о слухахъ. Въ настоящій вѣкъ развитія науки, торжествующей надъ фантазіей, или, лучше, осуществляющей

Институт Литературы
ФУНДАМЕНТ
БИБЛИОТ

то, что выдумываетъ фантазія, сухопутныя сообщенія готовятся окончательно восторжествовать надъ водяными, или въ соединеніи съ ними обхватить весь земной шаръ непрерывной сѣтью. Недалеко то время, когда желѣзныя дороги пойдутъ отъ насъ къ границѣ Китая, а тамъ современемъ проникнутъ и внутрь этой страны. Тогда сношенія Запада съ Востокомъ должны будутъ совершенно измѣниться.

Россія должна естественно покровительствовать этому направленію: въ томъ заключается ея несомнѣнный интересъ, такъ же, какъ ей не для чего полагать преграды и просвѣщенію своего сосѣда. О будущихъ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ нельзя судить по ничтожности настоящихъ, хотя это ничтожество и почитается уже значительной выгодой. Если мы воспользуемся всѣми выгодами, которыя безобидны для обоихъ государствъ, то мы никогда не возбудимъ претензій китайцевъ, какъ торговля опіумомъ или миткалями англичанъ. Безобидно для сосѣда пользоваться его выгодами — обязанность всякаго просвѣщеннаго государства. Имѣть съ одной стороны своей сосѣдкой Европу и съ другой такого сосѣда, какъ Китай, съ населеніемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 400 милліоновъ, и обладать обширными странами, которыя могутъ удовлетворить требованіямъ и той и другой стороны, хотя бы въ нихъ былъ данъ всевозможный просторъ дѣятельности,—что можетъ лучше внушить самыя миролюбивыя взаимныя связи?

Но мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что намъ не нужно теперь же заботиться о развитіи морской торговли. Въ сношеніяхъ столь огромныхъ странъ, какъ Россія и Китай, всему найдется мѣсто. Китай съ одной стороны переглядывается съ перломъ индійскихъ острововъ—Явой, а съ другой упирается въ наше укрѣпленіе Вѣрное и посылаетъ изъ себя истоки величественныхъ рѣкъ сибирскихъ. Россія также сосредоточена не вокругъ однѣхъ горъ Уральскихъ; слѣдовательно, сказать, что непремѣнно долженъ быть одинъ, исключительно выгодный путь для нашихъ сношеній съ Китаемъ значило бы ограничиваться всегда и во всемъ вредной односторонностью. Для нашихъ прибалтійскихъ странъ всегда будетъ

выгодно поддерживать съ Китаемъ сообщеніе моремъ; для бассейна черноморскаго, съ прорытіемъ Суэзскаго перешейка, обѣщается вскорѣ новое развитіе отдаленныхъ сношеній. Здѣсь должна со временемъ сосредоточиться до высшей степени развитая морская торговля съ Востокомъ, разумѣя подъ нимъ не берега Сиріи и Египта, а отдаленные предѣлы Индіи, Индійскіе острова до самой Камчатки включительно. Блестящая участь ожидаетъ нашу юную кампанію на Черномъ морѣ, но мы желали бы также, чтобъ и американская наша кампанія расширила какъ можно болѣе кругъ своей дѣятельности: она уже старая привыкшая хозяйка на Восточномъ океанѣ, суда ея уже давно, какъ знакомые гости, посѣщаютъ китайскіе порты. Стоитъ ей только завести тамъ собственныхъ агентовъ, увеличить свои капиталы, и, мы думаемъ, что она выполнитъ эту лежащую на ней обязанность въ отношеніи къ балтійско-за-атлантическому русскому мореходству.

Но Россія все же не въ одномъ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, замкнутыхъ проливами, которые находятся въ чуждой власти. Тамъ, на Восточномъ океанѣ, тоже наша отчизна; въ тамошнихъ жителяхъ видѣли мы ту же преданность великому царству, какъ и въ сердцѣ его. Сверкали въ Камчаткѣ русскіе штыки, побросавшіе съ высотъ Петропавловска на морской берегъ французовъ и англичанъ; въ глубокой бухтѣ залива Де-Кастри наши удалые казаки прилетѣли же, какъ птицы, нежданно-негаданно и отразили высадку непріятельскаго войска. Отдаленныя наши владѣнія на Востокѣ должны быть милы всякому русскому сердцу; на нихъ каждый истинный русскій можетъ указать съ такой же гордостью, съ какой Западная Европа указываетъ на Америку. Съ незначительными средствами мы сдѣлали для человѣчества все, что могли: въ страны отъ сотворенія міра не видавшія осѣдлой жизни, — въ страны, предоставленныя на волю звѣрей и такихъ людей, которые походили на многочисленныхъ своихъ четвероногихъ сожителей, мы внесли осѣдлость, бросили первыя сѣмена цивилизаціи и провозгласили истиннаго Бога всѣмъ дикарямъ до лѣсовъ, обитаемыхъ

колошами. До сихъ поръ наши дѣйствія были медленны, почти негласны; но за то не будутъ ли прочнѣе блестящихъ дѣйствій европейцевъ XVI и XVII столѣтій, когда заводились и развивались въ Азіи и Америкѣ колоніи? Намъ было больше труда. Мы должны были бороться съ климатомъ и естественными преградами. И все это дѣлалось негласно, незнаемо для всего нашего народа и потому безъ сочувствія его къ великому дѣлу, безъ того всенароднаго клика одобренія, который внушаетъ новыя силы, новую бодрость всякому дѣятелю на поприщѣ государственной и общественной дѣятельности. Теперь новая эра начинается для нашего Востока. Амуръ, эта богатая, чудная рѣка, которой давно такъ нетерпѣливо ожидала Россія, вдругъ потекла по нашимъ владѣніямъ и понесла наши наскоро срубленныя лодки къ берегамъ океана на пространствѣ 3,000 верстъ. Отъ предѣловъ Кореи до Ситхи образуется изъ твердой земли естественная арка, поперекъ соединенная цѣпью Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, примыкающихъ къ нашему Сахалину. Не сама ли природа поставила здѣсь тріумфальныя врата для будущаго величія русскаго военнаго и купеческаго флота? Уже тысячи переселенцевъ стремятся на берега Амура изъ внутренней Россіи; но мы думаемъ, что впослѣдствіи не одна Россія вышлетъ сюда дѣятелей. Китайцы, такъ охотно оставляющіе свою тѣсную родину даже въ качествѣ плѣнниковъ, безъ сомнѣнія, поспѣшили бы явиться на берега Амура по первому нашему призыву. А японцамъ и корейцамъ стоитъ сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы ступить на русскую почву. Скажутъ, что такимъ образомъ мы сами добровольно откажемся отъ своихъ владѣній, передадимъ ихъ въ руки новыхъ пришлецовъ, и съ нашимъ Амуромъ можетъ случиться тоже самое, что предвѣщали мы островамъ Восточнаго и Индійскаго океановъ, куда стремятся теперь выселяющіеся изъ Китая китайцы. О, нѣтъ! вездѣ, гдѣ является хозяиномъ русскій человѣкъ, онъ не даетъ себя осилить и скоро одерживаетъ перевѣсъ не только надъ пришлецами, но даже и надъ туземцами. Въ нашей Сибири теперь больше русскихъ, чѣмъ инородцевъ, а, между тѣмъ,

и въ самой Россіи кто можетъ поручиться за себя, что въ немъ не течетъ хоть капля крови чуваша, черемиса, татарина, нѣмца или финна? Мы не истребляемъ инородцевъ мечами, а сливаемъ ихъ съ собой, обращаемъ въ русскихъ. Это дѣлается съ самаго начала русскаго государства: уже многія племена совсѣмъ обрусѣли, другія русѣютъ, третьи на очереди.

Мы знаемъ, что у насъ есть много завистниковъ—жителей Амура; но рѣчей ихъ не стоитъ и опровергать. Сдѣлаемъ одно только замѣчаніе: своими словами они оскорбляютъ тѣхъ, которымъ говорятъ или кого заставляютъ читать свои печатныя бредни. Неужели они въ самомъ дѣлѣ считаютъ публику до такой степени безсмысленною, что она не можетъ отличить бѣлаго отъ чернаго? Всѣ ихъ возгласы разсѣиваются съ перваго взгляда на карту нашихъ владѣній. Наша Сибирь была недоконченною безъ Амура, она не имѣла свободнаго выхода въ океанъ, на которомъ простираются за ней наши же владѣнія. Какъ можно оспаривать достоинство рѣки, текущей не какъ всѣ наши сибирскія рѣки—въ пустынный Ледовитый океанъ, а на востокъ—въ волны океана Восточнаго, которому судьба уготовала въ будущемъ имѣть тоже значеніе, какое имѣло въ древности Средиземное море, но только несравненно въ болѣе громадныхъ размѣрахъ? Какъ можно оспаривать достоинство рѣки, впадающей въ океанъ подъ такими градусами широты, до которыхъ не доходитъ даже и наша южная граница остальной Сибири? Какъ можно судить по первымъ результатамъ плаванія по рѣкѣ, неизвѣстной о размѣрахъ плаванія по ней въ будущности? Къ чему послужили бы намъ всѣ вновь открытыя великолѣпныя гавани на берегахъ бывшей Маньчжуріи? И, между тѣмъ, отъ этихъ гаваней всего какихъ-нибудь десять съ небольшимъ градусовъ разстоянія до центра приморскаго Китая. Очевидно, что здѣсь долженъ будетъ образоваться главный узелъ нашихъ мореходныхъ сообщеній съ Китаемъ. Чтобы ни говорили, какія бы мѣры ни предпринимали, естественное сообщеніе всегда возьметъ наконецъ верхъ предъ искусственнымъ. Мы разумѣемъ здѣсь не желѣзныя дороги, а тѣ искусственныя мѣры, которыя

предпринимаетъ какое-нибудь правительство къ направленію торговли въ ту или другую сторону,— мѣры, которыя и производятъ международныя столкновенія. Сверхъ того, не одинъ Китай открылся намъ съ пріобрѣтеніемъ Амура: передъ Восточной Сибирью лежатъ теперь Японія съ Кореей и Америка, далѣе манятъ ее къ себѣ острова Тихаго океана и самая Индія. Положимъ, что не всѣ товары пойдутъ отсюда въ Россію: для этого-то мы и повели рѣчь съ упоминанія о морской торговлѣ со стороны Балтійскаго и Чернаго морей. Предоставимъ Сибири провозъ товаровъ лишь настолько, насколько она можетъ. Пусть въ первые годы продовольствуетъ она Амуръ, Забайкальскій край; потомъ торговля проникнетъ въ Иркутскую и Енисейскую губерніи, затѣмъ коснется и Западной Сибири. Здѣсь товары, привезенные изъ одной страны чрезъ Амуръ, естественно, должны столкнуться съ товарами, привезенными къ берегамъ Балтика или Чернаго моря. Но во всякомъ случаѣ, тѣмъ или другимъ путемъ пойдетъ торговля, результатъ для Россіи одинъ. Но во всякомъ случаѣ ей нужны улучшенные пути сообщеній повсемѣстно, чтобы было въ ней правильное распредѣленіе богатствъ, населенія и развитія.

Сдѣлайте эти пути, только эти пути, если хотите блага отечеству, а тамъ все остальное предоставьте естественному ходу торговли. И она достигнетъ несравненно лучшихъ результатовъ. Вѣдь всегда и вездѣ торговля туго и уродливо развивается подъ опекой. Торговля любитъ свободу и просторъ.

Обладаніе Амуромъ открываетъ исключительно нашей торговой дѣятельности страну, которая по положенію своему [1]) и по величинѣ, равняется цѣлой Франціи: это—средняя и сѣверная Маньчжурія, которую омываетъ Сунгари, почитающаяся не безъ основанія главнымъ русломъ Амура. Обойденная съ восточной стороны нашими владѣніями, Маньчжурія не можетъ сообщаться естественно съ самымъ Китаемъ иначе, какъ чрезъ устье Амура, которое принадлежитъ намъ по обоимъ берегамъ. Страна эта обла-

[1]) Географическому, т. е. подъ одними градусами широты.

даетъ уже достаточнымъ народонаселеніемъ, состоящимъ. изъ китайцевъ и туземныхъ жителей; произведенія ея разнообразны и драгоцѣнны. Россія не только можетъ сбывать сюда свои мануфактурныя произведенія безъ всякаго соперничества, но сверхъ того, можетъ служить посредникомъ въ торговлѣ Маньчжуріи съ самимъ Китаемъ, рынки котораго такъ обильно снабжаются маньчжурскими сырыми матеріалами.

Но съ развитіемъ торговой дѣятельности на Амурѣ должна будетъ пасть Кяхта, возразятъ съ сожалѣніемъ нѣкоторые. То, что созидалось болѣе, чѣмъ въ столѣтіе, должно быть принесено въ жертву выгодамъ, написаннымъ на водѣ, позлащеннымъ призракамъ, которые сулятъ еще въ будущности. Такъ говорятъ защитники неприкосновенности и непогрѣшительности Кяхты.

Но прежде, чѣмъ мы будемъ отвѣчать на это, приведемъ возгласы и другой стороны. Кяхта, говорятъ они, есть зловредное гнѣздо монополіи, которое не приноситъ никакой пользы государству, лежитъ тяжелымъ ярмомъ на милліонахъ потребителей въ пользу нѣсколькихъ десятковъ людей, которые своей алчностью компрометируютъ интересы отечества и дома и за границей. Они сдаютъ за бездѣлицу русскія произведенія, потому что увѣрены, что выручатъ понесенный ими убытокъ на русскихъ потребителяхъ чая и выручатъ еще съ большимъ барышомъ. Такія и подобныя имъ возраженія стали раздаваться все сильнѣе и сильнѣй въ послѣднее время. Не споримъ, въ Кяхтѣ было и есть много злоупотребленій; но не всѣхъ ихъ возможно было избѣжать при существовавшемъ порядкѣ. Могли ли мы прежде торговать съ Китаемъ другимъ путемъ, а если бы и могли, то получали ли чаи того самаго достоинства за цѣну болѣе дешевую изъ другихъ рукъ? Чаи шанхайскіе, безспорно, дешевле; но кто изъ насъ станетъ ихъ покупать добровольно? А не выдаютъ ли ихъ и теперь въ торговлѣ обманомъ за кяхтинскіе? Слѣдовательно, въ злоупотребленіи намъ бы пришлось укорять не однихъ кяхтинскихъ, но и другихъ купцовъ Европейской Россіи. Правда, наши товары продаются въ южномъ

Китаѣ дешевле той стоимости, въ которую обходятся въ Москвѣ; но чѣмъ до сихъ поръ можно было пособить этому горю? Еще вопросъ: пошли ли бы наши товары въ Китай по болѣе возвышенной цѣнѣ? Да и почему мы знаемъ дѣйствительную ихъ стоимость фабрикантамъ, когда видимъ, что у насъ всякіе товары въ мелочной продажѣ возрастаютъ часто на 30 и болѣе процентовъ? А какъ справиться съ ловкостью и знаніемъ торговли дѣла китайскихъ купцовъ, которые принадлежатъ къ самой знаменитой по торговлѣ и капиталамъ китайской провинціи? Торгующіе съ Кяхтой шансійскіе купцы имѣютъ торговыя связи со всѣмъ Китаемъ, исключая развѣ Кантона; въ рукахъ ихъ находится вся торговля средней Азіи, начиная отъ глубины Маньчжуріи до Кашгара, отъ Чугучака до Хлассы. Они торгуютъ прямо съ Фуцзяномъ, гдѣ получаютъ тѣ превосходные чаи, которые привозятъ въ нашу Кяхту, такъ сказать, подъ носомъ у англичанъ. Если бы мы не имѣли правильныхъ сношеній съ чайными плантаторами, то, быть можетъ, давно бы уже должны были покупать для себя чай изъ рукъ англичанъ. Выгодна-ли была бы тогда наша торговля, не пришлось ли бы намъ вовсе бросать то, что теперь уступаемъ толъко дешево? По нашему мнѣнію, китайскіе купцы продаютъ намъ чаи и принимаютъ за нихъ наши товары, насколько они могутъ продать ихъ въ своей странѣ. Требованіе на тотъ или другой товаръ во всѣхъ китайскихъ провинціяхъ шансійскіе купцы знаютъ хорошо и принимаютъ ихъ къ соображенію при кяхтинскомъ размѣнѣ. Китай не любитъ дорогихъ товаровъ: чѣмъ они дешевле, тѣмъ болѣе на нихъ является потребителей; потому китайскій купецъ очень хорошо разсчитываетъ, до сколь высокой цѣны онъ можетъ поднять свой товаръ. Если бы было возможно, то китайскіе купцы, уже конечно, стали бы продавать наше сукно по дорогой цѣнѣ. Китаецъ вовсе не до такой степени безкорыстенъ, чтобы продавать дешево только потому, что товаръ и ему достался дешево.

Выгодна ли для насъ мѣновая торговля съ Китаемъ? Но вотъ бѣда: чѣмъ опредѣлить выгоды и потери, что взять за единицу измѣренія? Обыкновенно при-

нимаютъ звонкую монету; но всегда ли это—вѣрное мѣрило?

Развѣ одинакова стоимость рубля серебромъ и въ Англіи, гдѣ онъ заработывается въ сутки, и въ Россіи, гдѣ для пріобрѣтенія его надобно прокорпѣть надъ работою пять дней, и въ Китаѣ, гдѣ изъ-за полученія количества серебра въ русскій цѣлковый работникъ осуждаетъ себя на самую тягостную полумѣсячную работу? Въ торговыхъ сношеніяхъ международныхъ та торговля, по нашему мнѣнію, правильна и добросовѣстна, которая мѣняетъ товары не по ихъ капитальной стоимости, а мѣняетъ трудъ на равный трудъ: иначе, которое нибудь государство платило бы другому дань. Спрашивается: менѣе ли рукъ потребно на обработку десяти милліоновъ фунтовъ чаю, чѣмъ на выдѣлку двухъ милліоновъ аршинъ сукна? Мы не думаемъ этого, зная дешевизну заработной платы въ Китаѣ и зная, сколько хлопотъ за обработкой чайныхъ плантацій, за собираніемъ и обработкой листьевъ. По крайней мѣрѣ, прежде, чѣмъ произнесемъ рѣшительный приговоръ, нужно напередъ высчитать все положительно.

Мы не слыхали, чтобъ въ китайской Кяхтѣ (Маймаченѣ) возникали мгновенно и такъ часто изъ простыхъ приказчиковъ милліонеры, какъ это случается въ русской Кяхтѣ. По этому можно судить о большей правильности китайскихъ оборотовъ и о томъ, что китайскіе купцы не наживаютъ необычайныхъ и мгновенныхъ барышей. Но это же самое обстоятельство и ручается за то, что паденіе Кяхты не совершится ни въ какомъ случаѣ быстро, если только не будетъ прибѣгнуто къ какой-нибудь особой мѣрѣ. Долго еще этотъ пунктъ будетъ главнымъ пунктомъ нашей торговли съ Китаемъ, и онъ будетъ падать медленно, по мѣрѣ медленнаго возрастанія другихъ пунктовъ, и при томъ будетъ полезнымъ соперникомъ, не дозволяющимъ другимъ сдѣлаться монополистами.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ коснуться еще одного вопроса. У насъ очень много толкуютъ о томъ, что если бы не возить чаевъ чрезъ Сибирь, а моремъ, такъ они были бы гораздо дешевле. Какимъ обра-

зомъ это могло бы сдѣлаться, мы, право, не понимаемъ. Не знаемъ, чего стоилъ бы намъ провозъ чаевъ изъ Шанхая до Петербурга, но ужъ вѣрно, что не больше этой суммы истрачиваетъ китайскій купецъ для перевоза чаевъ изъ Фуцзяна до Кяхты прямымъ путемъ по рѣкамъ въ Китаѣ и по степямъ на верблюдахъ или на быкахъ въ Маньчжурію. Мы не хотимъ скрывать и того обстоятельства, что провозъ чаевъ моремъ и по Амуру долженъ обходиться не многимъ развѣ дешевле. Тогда чаи должны будутъ итти моремъ до залива Де-Кастри или устьемъ Амура, оттуда на другихъ судахъ, подыматься вверхъ по рѣкѣ до устья Зеи, тутъ перегружаться на другія, болѣе мелкія суда и итти на нихъ до Читы и, наконецъ, слѣдовать сухимъ путемъ до Верхнеудинска, гдѣ сходится дорога съ другою вѣтвію, идущей изъ Кяхты, которая гораздо короче, чѣмъ отъ Читы. Но выгода на сторонѣ амурскаго пути будетъ заключаться въ томъ, что весь провозъ останется въ нашихъ рукахъ, что наши купцы сами будутъ мало-по-малу пріобрѣтать изъ первыхъ рукъ чай и вмѣстѣ съ тѣмъ другіе товары. Посредствомъ этого разовьется наше мореплаваніе на Восточномъ океанѣ, и мы не будемъ въ зависимости ни отъ европейцевъ, ни отъ самихъ китайцевъ. Что касается до мнимой тягости провоза китайскихъ товаровъ чрезъ нашу Сибирь, то мы замѣтимъ, что обыкновенно провозная цѣна отъ Кяхты до С-Петербурга стоитъ съ пуда 4 р. сер., слѣдовательно потребители несутъ убытка, если онъ есть, въ дѣйствительности всего 10 копеекъ на фунтъ чая, изъ-за чего, право, не стоитъ много кричать. Большого ущерба нѣтъ никакого, помимо неопытности купцовъ. Будетъ ли привозиться чай прямо моремъ, или сухимъ путемъ, онъ не можетъ сравняться въ дешевизнѣ съ англійскимъ, когда правительство на европейскихъ таможняхъ будетъ брать ту же пошлину, что и въ Кяхтѣ. Но оно очень справедливо можетъ надбавить эти пошлины десятью или пятью копейками на европейскихъ таможняхъ противъ сибирскихъ, предоставляя эту надбавку на поощреніе сибирской промышленности, которая привыкла създавна видѣть провозъ китайскихъ товаровъ чрезъ

свои земли. Вмѣстѣ съ этимъ все остальное должно быть предоставлено естественному ходу конкурренціи.

Мы сказали, что Кяхта падетъ, но она падетъ только современемъ. Торговая дѣятельность этого пункта, равно какъ и другихъ пограничныхъ мѣстъ Забайкальскаго края, должна будетъ сосредоточиться на внутренности Монголіи и сѣвернаго Китая, какъ ближайшихъ къ нимъ странъ. При благоразумной смѣтливости нашихъ купцовъ, при развитіи образованности въ самыхъ пустыняхъ Монголіи, эта торговля можетъ еще достаточно вознаградить Кяхту за лишеніе исключительнаго права монопольной торговли съ Китаемъ, которымъ она пользовалась до начала нынѣшняго десятилѣтія. Если мы, живя въ Пекинѣ, съ удивленіемъ слышали отъ пріѣзжавшихъ туда амбойцевъ и тибетцевъ, которые, кажется, такъ далеки отъ всякихъ сношеній съ Россіей, что на ихъ родинѣ высоко цѣнятъ нашъ головной сахаръ, наши погребцы, сундуки или сафьяны, то какъ не ожидать большого развитія торговли этими, напримѣръ, предметами, когда все приметъ болѣе разумные предѣлы съ предоставленіемъ свободы сообщенія.

На западъ отъ Кяхты, вплоть до береговъ Иртыша, мы не можемъ указать ни на одинъ пунктъ, который бы могъ обѣщать хотя со временемъ сдѣлаться сколько-нибудь значительнѣе ея въ сношеніяхъ съ средней Азіей. Высокіе горные хребты представляютъ здѣсь естественную преграду; но не то представляется намъ по другую сторону Иртыша. Самая эта рѣка можетъ быть хорошимъ проводникомъ въ Монголію съ запада. Чрезъ озеро Зайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, мы подходимъ къ первому монгольскому городу Кобдо; за нимъ далѣе слѣдуетъ Уля-Сутай, и еще далѣе дорога перекрещивается другой, ведущей прямо изъ Кяхты, которую мы только что оставили. Иртышъ и Селенга, неподалеку отъ которой лежитъ Кяхта, Кэрулэнь, впадающій въ Амуръ—вотъ естественныя дороги, ведущія съ востоко-запада и центра нашей Сибири въ окраины Монголіи и оттуда внутрь ея.

Но все это пути, которымъ должно ограничиться только самой Монголіей, обитаемой пока большею

частью кочевниками, которые, пожалуй, и рады бы покупать, да не знаютъ, чѣмъ расплачиваться. Если же вы хотите прямыхъ непосредственныхъ сношеній съ самимъ Китаемъ, то если предпочитаете кратчайшій сухопутный путь болѣе отдаленному, морскому прямо къ берегамъ европейскихъ морей, или на половину сухопутному и на половину водяному, идущему чрезъ Амуръ, то этотъ естественный и ближайшій путь начинается далѣе отъ Иртыша. Съ которой точки вы не коснетесь китайскихъ границъ, идя отъ Семипалатинска на югъ къ укрѣпленію Вѣрному, расцвѣтшему мгновенно у подножія горъ, опоясывающихъ озеро Иссы-Кюль (Тэмурту-Норъ), на этомъ протяженіи уже давно извѣстны нашей торговлѣ два пункта: Чугучакъ и Или, и доступъ къ нимъ съ запада находится въ нашихъ рукахъ, съ обладаніемъ Семирѣчнымъ краемъ въ киргизскихъ степяхъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Кашгара [1]), къ которому уже придвинулись наши границы, мы владѣемъ всѣми сухопутными путями, ведущими въ Китай съ востока, сѣвера и запада. Какое блестящее поприще открывается для нашихъ будущихъ сношеній, если не разрушится настоящій составъ Китайской имперіи! Читатели! вы ясно видите, что мы не придерживаемся ничьей партіи и, оцѣнивая всякій пунктъ въ краткихъ чертахъ по достоинству, не кричимъ: закройте всѣ остальные, а оставьте только вотъ этотъ или тотъ! Мы думаемъ, что для всѣхъ найдется своя дѣятельность, всякій пунктъ принесетъ свою пользу и вызоветъ новую жизнь, новую отрасль торговли.

Но если бъ насъ спросили, какой же путь самый предпочтительный, самый вѣрный, то мы, не обинуясь, указали бы на дорогу, ведущую на Чугучакъ и Или. Сошедшись у Урумчи (Хунъ-ляо), караваны легко доходятъ отсюда по привольнымъ степямъ къ Кукэ-

---

[1]) Кашгаръ лежитъ по дорогѣ, по которой Кокандъ, Бухара и чрезъ нихъ Персія и Индія могутъ сообщаться съ Китаемъ сухимъ путемъ. Тутъ сходятся почти всѣ главные обитатели Азіи, въ томъ числѣ кашемирцы и тибетцы, по крайней мѣрѣ обитатели Ладака. Впрочемъ, для насъ этотъ путь важенъ не столько для сношеній съ Китаемъ, сколько для сношеній съ Туркестаномъ и Тибетомъ, а чрезъ него и съ Индіей.

хото (Гуйхау-Чэнъ), одному изъ самыхъ главныхъ пунктовъ Средней Азіи. Кукэхото лежитъ неподалеку отъ Хуанхэ, тамъ, гдѣ караваны оставляютъ Монголію, чтобъ снова вступить въ Китай, слѣдовательно, въ центральномъ пунктѣ, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія изъ Монголіи въ Китай и, наоборотъ, изъ Китая въ Монголію. Изъ глубины Маньчжуріи, съ береговъ Амура, отъ подошвы Алтая торгаши всѣхъ мѣстностей, всѣхъ разнообразныхъ произведеній, свозятъ сюда всѣ свои товары. Наша кяхтинская дорога перекрещивается здѣсь же. Въ Кукэхото по каналамъ и рѣкамъ везутъ изъ Китая всѣ товары, назначенные для Кяхты, Монголіи и Цзюнгаріи.

Другая вѣтвь дороги отъ Урумчи ведетъ, уклоняясь болѣе на юго-западъ. Къ ней примыкаетъ длинная линія пути, ведущаго изъ Кашгара. Усилившись этимъ присоединеніемъ, дорога чрезъ крѣпость Цзя-Юй-Гуань вводитъ въ сѣверо-западную провинцію и соединяется другимъ путемъ, ведущимъ изъ Тибета. Лань-Чжоу, главный городъ этой провинціи, конечно, уступитъ Кукэхото въ торговомъ значеніи, но если принять въ расчетъ, что у насъ здѣсь подъ бокомъ провинціи Сычуанъ, одна изъ самыхъ богатѣйшихъ и совершенно удаленная отъ сообщенія съ Европой, то русская торговля и по этому пути можетъ извлечь огромныя выгоды.

Здѣсь же являются и купцы тибетскіе. Дорога на Кукэхото, поѣдете ли вы въ Китай съ береговъ Волги на Екатеринбургъ или Троицкъ, все равно, будетъ самая прямѣйшая и удобнѣйшая. На проѣздъ въ Кукэхото или Лань-Чжоу потребуется лишь столько же времени, сколько и до Кяхты или до Читы; а между тѣмъ, вы вдругъ очутитесь уже въ самомъ Китаѣ. Кромѣ того этотъ путь пролегаетъ (исключая пространства между Урумчи и Кукэхото, которое, однакожъ, привольнѣе для каравановъ, чѣмъ путь отъ послѣдняго города въ Кяхту) по заселеннымъ мѣстностямъ, которыя и сами оживятъ торговлю, особенно, если примемъ въ расчетъ Туркестанъ и Тибетъ. По этому пути и самая Монголія не останется въ сторонѣ. Если надобно желать, чтобы желѣзныя дороги проводимы были въ глубину Азіи, то, конечно,

дорога въ Кукэхото должна быть первой въ международныхъ сношеніяхъ. Она должна быть даже предпочтена дорогѣ черезъ Сибирь, гдѣ такія рѣки, какъ Иртышъ, Обь, Енисей и Ангара, представляютъ большія затрудненія и потребуютъ огромныхъ издержекъ при устройствѣ чрезъ нихъ постоянныхъ мостовъ. Теперь желѣзная дорога изъ Москвы къ Саратову уже готовится къ осуществленію [1]). Отсюда она со временемъ будетъ подвигаться на Востокъ и, хоть только для сообщеній съ Бухарой и Индіей, приметъ почти то же направленіе, которое мы указываемъ.

Однако, мы зафантазировались; мы заглянули въ такую будущность, которая, быть можетъ, еще очень далека отъ насъ. Для осуществленія нашей фантазіи нужно, чтобъ не одно только русское, но и китайское правительство прониклось мыслью необходимости проложенія желѣзнаго пути изъ Россіи въ Китай. Но мы твердо убѣждены, что рано или поздно путь чрезъ киргизскія степи и Цзюнгарію,—путь, по которому двигались нѣкоторыя орды и полчища варваровъ, проходившихъ съ Востока на отдаленный Западъ, превратится нѣкогда въ великій путь международныхъ сношеній.

Но само собой разумѣется, что въ настоящее время этотъ путь не можетъ быть предпочтенъ всѣмъ другимъ путямъ, которые мы перечислили выше. Желать, чтобъ онъ теперь же сдѣлался главнымъ, дать ему привиллегіи, значило бы дѣйствовать въ подрывъ собственныхъ русскихъ выгодъ. Провозъ чрезъ Сибирь китайскихъ товаровъ остается за нами, а провозъ до Чугучака будетъ доставлять выгоды китайцамъ. Всѣ главныя статьи китайскихъ товаровъ, участвующія на всемірныхъ рынкахъ, получаются изъ приморскихъ провинцій Китая; слѣдовательно, желать какими-нибудь насильственными мѣрами обратить ихъ на длинный сухопутный трактъ, существующій пока еще въ допотопной формѣ, значитъ отягощать потребителей и ограничивать самое количество вывоза.

---

[1]) Думаемъ, что полезнѣе было бы вести ее какъ можно южнѣе—ближе къ соединенію Волги съ Дономъ. Къ Саратову и другимъ приволжскимъ пунктамъ могли быть проведены побочныя вѣтви. *В. В.*

За всѣмъ тѣмъ, частная торговля съ Китаемъ со стороны киргизскихъ ордъ и въ настоящемъ положеніи можетъ возвыситься до громадныхъ размѣровъ. Представимъ, что самымъ отдаленнымъ пунктомъ этой торговли будутъ только двѣ китайскія провинціи: Ганьсу и Сычуань. Это провинціи, какъ мы уже замѣтили, самыя богатѣйшія; въ нихъ растетъ чай (вывозимый въ Тибетъ, Кашгаръ и отчасти въ Чугучакъ), собирается отличный шелкъ; въ нихъ народонаселеніе простирается до пятидесяти милліоновъ. Эти провинціи находятся въ отдаленіи отъ моря; слѣдовательно, здѣсь мы легко можемъ избѣжать соперничества со всѣми другими европейскими націями. Кромѣ того, этимъ же путемъ и чрезъ Кашгаръ мы войдемъ въ край, совершенно новый для европейской торговли, въ китайскій Туркестанъ, обитаемый съ незапамятныхъ временъ осѣдлымъ народонаселеніемъ, богатый шелкомъ, хлопчатой бумагой и минералами (золото, нашатырь и нефритъ, который будетъ покрасивѣе нашего малахита). Путь чрезъ Кашгаръ, при развитіи Средней Азіи, мы считаемъ прямымъ въ Индію; по крайней мѣрѣ, наша торговля можетъ проникнуть этимъ путемъ, если не въ Индію, то въ Тибетъ, куда заносятся же наши товары.

Вотъ какъ мы смотримъ на *открытіе Китая* вслѣдствіе тянь-цзинскаго трактата. Мы вовсе не хотѣли выставлять на показъ нашихъ свѣдѣній о малоизвѣстныхъ еще мѣстностяхъ Востока, но желали только открыть глазамъ тѣхъ, которыхъ можетъ это интересовать, тѣ широкіе размѣры, которые можетъ принять современемъ наша пробужденная дѣятельность. Глазамъ смотрящихъ на все новое слегка многое въ этой статьѣ можетъ показаться фантастическимъ, но въ самомъ-то дѣлѣ мы высказываемъ еще очень немногое и лишь только то, что попадало подъ перо, какъ самое естественное.

Мы желаемъ добра и пользы нашимъ согражданамъ, выгодъ, несопряженныхъ съ ущербами. Указанные пути, по крайнему нашему убѣжденію, самое вѣрное средство къ прочности будущихъ нашихъ торговыхъ сношеній. Они не возбудятъ вражды и зависти туземцевъ; мы явимся въ Среднюю Азію и

Китай, не держа въ одной рукѣ меча и яда, а въ другой аршина. Но, если захотятъ насъ послушать, выскажемъ еще одинъ задушевный совѣтъ. Пусть частная дѣятельность выбираетъ тотъ или другой пунктъ, тотъ или другой предметъ торговли, пусть она начнетъ свою предпріимчивость тотчасъ же по ратификаціи трактата; но необходимо, чтобъ немедленно послѣ ратификаціи составилось нѣсколько ученыхъ корпорацій для изслѣдованія странъ, съ которыми мы намѣрены торговать. Мы говоримъ *нѣсколько* потому, что Китай очень великъ для того, чтобы услѣдить за нимъ одной ученой экспедиціи. Такъ поступила нѣкогда Франція при посольствѣ Лагрена; но и безъ этого примѣра мы должны были бы сдѣлать тоже самое въ странѣ новой. Каждая экспедиція должна состоять изъ дѣльныхъ и свѣдущихъ комиссіонеровъ, купцовъ, технологовъ, естествоиспытателей. Намъ не нужно пока роскоши, не нужно въ экспедиціи литераторовъ и пейзажистовъ, но нужно, однакожъ, чтобъ кто-нибудь съ знаніемъ туземныхъ языковъ, служа посредникомъ между изслѣдователями и обитателями, изучалъ ихъ нравы и обычаи, что необходимо въ торговыхъ связяхъ.

Но отнюдь не нужно, чтобъ на такое предпріятіе правительство употребляло казенныя деньги. Связывая себя частнымъ дѣломъ, оно поневолѣ должно будетъ прибѣгать къ формальностямъ, а формальности всегда искажаютъ науку, облекая ее въ несвойственныя ей бюрократическія формы. Неужели у насъ со смерти П. В. Голубкова, который съ такимъ горячимъ усердіемъ (не во время) ратовалъ о русскихъ интересахъ въ Средней Азіи, теперь, когда настала существенная потребность въ подобныхъ ему людяхъ, никто не явится на помощь общему благу? Да вовсе и не нужно, чтобъ одинъ кто-нибудь сдѣлался меценатомъ: еще болѣе было бы чести нашему обществу, если бы составились нужныя суммы по подпискамъ. Это было бы самымъ лучшимъ доказательствомъ, что мы не ошиблись въ сочувствіи русскихъ къ „открытію Китая“.

Предполагаемъ, что особая экспедиція должна объѣхать приморскій Китай и заглянуть, какъ можно

далѣе внутрь страны. Собственно, тутъ нашлось бы дѣла и не одной, а нѣсколькимъ экспедиціямъ. Другая экспедиція должна спеціально изучить Маньчжурію и прилегающія къ ней мѣстности Монголіи. Мы слышали, что кяхтинское купечество отправило уже отъ себя комиссіонера въ Пекинъ. Кяхтинское купечество всегда отличалось щедростью, и оно, конечно, не затруднится ни на часъ, если только ему позволятъ ассигновать суммы на изученіе Монголіи (отъ Урги до Кукэхото, Долоннора и Мугдэна) и сѣвернаго Китая (провинціи Чжили, Шаньси и Шэньси). Наконецъ, третья экспедиція должна быть направлена для изученія Цзюнгаріи, китайскаго Туркестана и провинціи Ганьсу и Сычуань.

Для успѣшнаго и правильнаго развитія торговли съ Китаемъ мы желали бы, чтобъ у насъ образовались торговыя компаніи на всѣхъ этихъ пунктахъ, но съ непремѣнными двумя условіями: *отсутствіемъ всякой монополіи и полною свободою частной предпріимчивости.*

II.

Воспоминанія о Пекинѣ.

Пройдя нѣсколько горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ Монголію отъ Китая, путешественникъ, купецъ или завоеватель, входитъ на обширную равнину, въ которой взоръ далѣе къ югу нигдѣ уже не усматриваетъ горъ; это—начало собственнаго Китая; пройденныя сейчасъ горы составляли нѣкогда убѣжище инородцевъ, которые были, наконецъ, истреблены и поглощены китайской націей, имѣвшей нѣкогда удивительную способность расширяться и поглощать другіе народы. Далеко отсюда стелется на югъ и на западъ гигантская имперія, глиняныя ноги которой подбиты только недавно, и на первой же окраинѣ помѣстилась столица всей націи. Что за причина такого страннаго выбора? Климатъ здѣсь отнюдь не лучшій для всего Китая; въ зимнее время васъ вмѣсто снѣгу обдаетъ столбами пыли, которая наносится съ вывѣтривающихся горъ, лишенныхъ всякой растительности. Почва земли тоже никакъ не можетъ похвалиться плодородіемъ: здѣсь только китайское терпѣніе и трудолюбіе, благодаря сильному унавоживанію, добываетъ кое-что изъ этой известковой почвы, но, несмотря на это, неурожаи случаются то и дѣло, вслѣдствіе засухъ или наводненій. Безъ подвоза съ юга хлѣба, а съ сѣвера, изъ Монголіи, мяса, рыбы и дичи, страна, при нынѣшнемъ населеніи, не была бы въ силахъ прокормить не только столицы, но и себя. Въ Пекинъ подвозится 4 милліона четвертей хлѣба для собственнаго его употребленія. Возьмемъ и другіе предметы, напримѣръ, строительные матеріалы: дерево идетъ сюда изъ Монголіи (иногда съ русской

границы) или съ юга Китая, оттого хорошая перекладина или деревянная колонна стоитъ не менѣе 200 р. на наши деньги; порядочнаго гроба (безъ всякой обивки и украшеній) нельзя купить за эту сумму, а есть деревянные гробы, которые стоятъ по 4 тыс. рублей! Загляните въ пекинскія лавки: какихъ нѣтъ въ нихъ товаровъ и холста, и шелку, которые составляютъ главную потребность въ одѣяніи! а есть ли изъ всего этого хоть нитка мѣстнаго произведенія? Многіе думаютъ, что если попалъ въ Пекинъ, такъ ужъ срываешь чайные листья прямо съ дерева и кладешь въ чайникъ; какъ они ошибаются! Чайнаго дерева здѣсь нѣтъ и въ поминѣ; весь чай привозится съ юга и едва ли дешевле нашего кяхтинскаго, не говоря уже о кантонскомъ. Благодаря тысячелѣтнимъ населеніямъ китайцевъ, на ихъ почвѣ не найдете вы ни одной дикой ягоды, да и самыя пѣвчія птицы, исключая воронъ и воробьевъ, едва ли не миѳъ для пекинскаго жителя...

По всему Пекину, благодаря множеству плотинъ, разносится все одинъ только ключъ, который вы едва замѣчаете на днѣ великолѣпныхъ, обложенныхъ гранитомъ канавъ. Не думайте, чтобъ кто-нибудь могъ пить эту канавную воду; никто не можетъ обойтись безъ колодезной воды, а хорошіе колодцы только за городомъ, потому что внутри, навѣрно, и отъ густоты населенія и оттого, что китайцы, топча свою землю тысячелѣтія, впитали въ нее свой сокъ, вода горька и нездорова, какъ въ болотѣ.

И въ такомъ-то закоулкѣ стоитъ одна изъ величайшихъ столицъ въ мірѣ! Пусть бы она принадлежала еще какой-нибудь другой націи, а не китайцамъ, которые хвалятся тѣмъ, что едва они родились, какъ уже утвердились на *неподвижной серединѣ*! А вѣдь, какъ почитать ихъ книги, такъ какихъ мудростей не наговорятъ они всѣ и о значеніи столицы, о ея вліяніи, о требованіяхъ мѣста! Кое-какія оправданія представляютъ они и въ настоящемъ выборѣ: видно, что люди вездѣ люди, и когда согласятся что хвалить, то во всемъ найдутъ поэтическія стороны. А по нашему, главной виной всякого несчастнаго выбора,—исторія. Давно ли еще насъ учили въ шко-

лахъ, что историческія начала самыя священныя, которыхъ никто не долженъ касаться? Жаль только, что наши учителя и профессоры нисколько не знакомы съ китайской исторіей; тогда они заговорили бы совсѣмъ другое, потому что со стороны всего виднѣе; къ китайскимъ историческимъ началамъ мы могли бы быть не такъ пристрастны, какъ къ своимъ собственнымъ, и тогда убѣдились бы въ истинѣ нашей русской поговорки; одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, а десятеро умныхъ его не вытащатъ!..

Вотъ что разсказываетъ исторія о томъ, какъ Пекинъ сдѣлался столицей: собственно, какъ городъ, онъ началъ свое существованія за столько лѣтъ до Р. Хр., за сколько вы вѣрите историческому существованію всего человѣчества и особенно китайской исторіи. Вѣрите вы, что у китайцевъ были императоры Яо и Шунь за 2.500 лѣтъ до Р. Хр., такъ непремѣнно должны вѣрить и въ Хуанди, перваго по китайской исторіи историческаго императора, который отличался своими подвигами подлѣ Пекина и взятъ былъ отсюда на небо. Этотъ государь жилъ еще раньше,—за 3.000 лѣтъ, для круглаго счета. Что до насъ, то мы смѣемся надъ всѣми этими китайскими исторіями; что у нихъ за историки? развѣ это тоже, что наши Геродоты или нѣмецкіе ученые, которые такъ убѣдительно доказываютъ существованіе у халдеевъ историческихъ свѣдѣній за 30.000 лѣтъ или вѣрятъ, что Махабарата и Рамаяна были написаны раньше гомеровой Иліады? Мы иначе объясняемъ себѣ китайскую исторію. На огромномъ пространствѣ нынѣшняго Китая, населеннаго нѣкогда разнородными племенами, пожалуй, дикими, въ самомъ центрѣ его, на берегахъ Хуанъ-хэ, по выходѣ этой рѣки изъ горъ, именно на ту равнину, на краю которой стоитъ и Пекинъ, сформировалось правильное государство между націей, отъ которой мы производимъ нынѣ всѣхъ китайцевъ. Находясь въ срединѣ другихъ племенъ, оно захотѣло или было вынуждено ихъ покорять. Такимъ образомъ во всѣ концы новаго царства къ границамъ его были приставлены своего рода маркграфы, которые, дѣйствуя сначала для государя,

потомъ стали думать о себѣ, оттого ихъ дѣйствія пошли успѣшнѣе и дѣло кончилось тѣмъ, что пограничные маркграфы превратились въ удѣльныхъ князей, сдѣлались сильнѣе прежнихъ своихъ государей, которымъ некуда было ширяться. (Мы дѣлимся здѣсь такими свѣдѣніями, которыя стоили намъ многихъ трудовъ и которыхъ не выработали тысячелѣтніе труды китайскихъ историковъ и столѣтніе европейскихъ синологовъ). Распространеніе новаго государства могло совершиться быстро на равнинѣ; въ то время Хуанъ-хэ впадала въ Чжилійскій заливъ именно около прославленныхъ въ послѣднее время Тянь-Цзина и Цагу, и потому китайскіе маркграфы на сѣверѣ этой рѣки, у подножія горъ, окаймляющихъ равнину, должны были защищаться отъ горныхъ жителей или нападать на нихъ. Мѣстоположеніе Пекина— одно изъ самыхъ стратегическихъ: онъ лежитъ на главной дорогѣ, по которой Китай во всѣ историческіе вѣка сообщался съ сѣверомъ. Удѣльные князья, жившіе въ Пекинѣ, владѣли впослѣдствіи огромными землями какъ на равнинѣ, такъ и въ горахъ и за горами; они думали, можетъ быть, нѣкогда завладѣть всѣмъ Китаемъ, но цѣлый олень, какъ выражаются китайскіе историки, попалъ не въ ихъ лапы. Когда Китай соединился въ первый разъ, то Пекинъ остался главнымъ провинціальнымъ городомъ, и эта честь постоянно почти была за нимъ, долго и послѣ Р. Хр., въ продолженіе почти тысячи лѣтъ. Во все это время ни одинъ китайскій государь не думалъ однако же сдѣлать изъ него столицы. (Сколько здраваго смысла было у тогдашнихъ китайскихъ государей!). Но вотъ на Китай является невзгода: онъ возмущенъ, раздробленъ; снова великая нація, тогда уже занимавшая гораздо большее пространство, чѣмъ во времена оны, представляетъ собой оленя, на котораго со всѣхъ сторонъ стремятся охотники. Въ это время на сѣверѣ, т. е. въ нынѣшній Монголіи, жили сильные кидане. Одинъ изъ охотниковъ (какъ ужъ его проклинаютъ прошедшіе и *нынѣшніе* китайцы), былъ подогадливѣе, позвалъ себѣ на помощь этихъ киданей и съ помощью ихъ ухватилъ оленя. Въ благодарность за это онъ отрѣзалъ имъ кусокъ изъ своей

добычи, а въ части этого куска былъ и Пекинъ; это было въ X столѣтіи нашей эры. Въ глазахъ новыхъ повелителей Пекинъ представлялся совсѣмъ съ другой стороны; это была уже точка опоры для того, чтобы дѣйствовать на Китай, а убраться изъ него они могли во всякое время, потому что неподалеку отсюда находились горы. Это нужно было даже для номадовъ въ лѣтнее время, такъ какъ они не привыкли къ китайскимъ жарамъ. И вотъ Пекинъ въ первый разъ получаетъ названіе столицы, съ той только разницей, что у киданей такихъ столицъ было пять и при томъ предъ всѣми прочими ихъ владѣніями, лежавшими на сѣверѣ, онъ имѣлъ неоспоримое преимущество: хотя бы взять, напримѣръ, одно его сообщеніе съ богатымъ всегда и торговымъ Китаемъ. Судьбы перемѣнчивы: киданьскія владѣнія въ XII-мъ вѣкѣ достались чжурчженямъ, предкамъ нынѣшнихъ манчьжуровъ. Пекинъ остался столицей и при этихъ новыхъ завоевателяхъ. Прошло еще столѣтіе, является Чингисханъ, забираетъ все, что только попадалось ему на свѣтѣ. Пекинъ становится и столицей монголовъ, которые, сказать мимоходомъ, владѣютъ, между прочимъ, всѣмъ Китаемъ; правда, можно было бы отыскать столицу болѣе центральную, но для государя, вышедшаго изъ Монголіи, предпочтеніе, оказанное Пекину киданями, становится еще понятнѣе; онъ на порогѣ своей родины, онъ дышитъ почти одинакимъ воздухомъ, онъ во всякое время у себя дома. И это оправдалось на опытѣ: старые китайцы, какъ еще болѣе бодрые, чѣмъ новѣйшіе, не такъ долго повиновались чуземнымъ государямъ: счастіе вѣнчаетъ одного монастырскаго послушника, и онъ вступаетъ на тронъ Яо и Шуня въ Нанкинѣ, посылаетъ своихъ генераловъ взять Пекинъ и потомокъ Чингисхана убирается во-свояси такъ же легко, какъ нынѣшній маньчжурскій богдыханъ при приближеніи французо-англовъ. Въ первый разъ, послѣ водворенія чисто китайской династіи, Пекинъ лишился званія столицы, но надолго ли? Прошло тридцать лѣтъ и, по смерти счастливаго послушника, сынъ его, которому отцомъ былъ пожалованъ удѣлъ въ Пекинѣ, не захотѣлъ повиноваться

своему племяннику, пришелъ съ войскомъ въ Нанкинъ, провозгласилъ себя императоромъ и однакожъ не остался въ южной столицѣ, неувѣренный, что всѣ искренно признали его права, а также отчасти и по пристрастію къ городу, который проложилъ ему путь къ престолу. Такимъ образомъ Пекинъ (что значитъ собственно „сѣверная столица“) остался резиденціей чисто-китайской династіи, владѣвшей всѣмъ Китаемъ. Здѣсь то эту династію и накрыли нынѣшніе манчжурскіе государи, которые, конечно, имѣли всѣ причины, по примѣру киданей и монголовъ, не выбирать другого мѣста для столицы. Говорятъ, можетъ быть, что если бы столица нынѣшняго Китая не была такъ близка къ морю, то союзники ничего не могли бы сдѣлать съ императоромъ и не заключили бы столь выгоднаго мира. Правда ли это? Мы не знаемъ, какія были серьезныя цѣли союзниковъ, и можемъ сомнѣваться въ ихъ ознакомленіи съ Китаемъ, но припоминая прошлое, не думаемъ, что если бъ они захотѣли и знали, какъ приняться за дѣло, то не могли бы пробраться до столицы, хоть бы она была за тысячу верстъ отъ морского берега. Китайцы въ военномъ дѣлѣ не ушли впередъ далеко отъ своихъ предковъ, живших за 800 лѣтъ передъ этимъ, а кидане и чжурчжени, не говоря уже о монголахъ, не боялись проникать далеко внутрь страны и безъ многочисленныхъ армій. Ужели же нынѣшнія первыя европейскія державы хуже номадовъ и дикарей средней Азіи?

Поднимемся опять въ тѣ горы, съ которыхъ мы начали, для того, чтобы попасть въ столицу китайской имперіи. Мы будемъ описывать тотъ путь, которымъ сами попали въ первый разъ въ Пекинъ. За послѣднимъ предгорьемъ ихъ по ту сторону простирается обширная долина, по которой тысячи путешественниковъ проѣзжали, можетъ быть, безъ всякаго вниманія, а между тѣмъ тутъ нѣкогда было знаменитое сраженіе, въ которомъ императоръ китайскій былъ взятъ въ плѣнъ цзюнгарами или олетами и его двухсот-тысячная армія разсѣяна. Ближе къ горамъ дорога поднимается; тутъ стоитъ крѣпость Чадао, и за ней тянется новая великая стѣна, также

прочно устроенная, тянущаяся по всѣмъ направленіямъ горнаго хребта, по крутымъ скатамъ въ бездну, по неприступнымъ утесамъ въ заоблачную высоту; и вездѣ по ней можно свободно ѣхать въ экипажѣ. Сколько поучительнаго въ этомъ памятникѣ трусости, въ этой безполезной тратѣ труда! — Но намъ еще много пути впереди; пойдемъ поскорѣе! За стѣной начинается лощина, которая постепенно съуживается между горами, переходитъ въ ущелье, которое то подымается, то опускается, то поворачивается налѣво, то загибается вправо; одними каменьями, бросаемыми съ горъ, которыя часто сходятся такъ близко, что можно перекинуть камень съ одной стороны на другую, можно было бы забросать цѣлую армію, но камней всевозможной величины и безъ того уже такъ много разбросано по дорогѣ, что мулъ, который васъ везетъ, едва находитъ мѣсто, гдѣ ступить; но какъ ни увѣрены вы въ крѣпости мула, а не во всякомъ мѣстѣ рѣшитесь сидѣть на немъ и предпочтете лучше скатиться какъ нибудь на ногахъ, чѣмъ подвергаться опасности вмѣстѣ съ животнымъ... Мѣстами кое-гдѣ приткнуты къ горнымъ скатамъ хижины, пріосѣненныя виноградомъ; мѣстами, на вырубленномъ утесѣ возвышается уединенная пагода, въ двухъ-трехъ мѣстахъ есть харчевни и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даютъ даже даромъ, на счетъ благочестивыхъ жертвователей, чай изнуреннымъ путешественникамъ; но главное, въ продолженіе 25 верстъ самой изнурительной и труднѣйшей дороги по ущелью, вы проѣзжаете по безлюдному пространству, если не хотите притти къ мысли, что камни, валяющіеся кругомъ васъ, суть тѣ же люди, которые обитаютъ въ этихъ странахъ, какъ камни, такъ же неподвижные, такъ же безформенные. Вотъ краткое описаніе того знаменитаго ущелья, по которому мы выѣхали на пекинскую равнину почти въ то самое время, когда англичане пробирались, только не такъ счастливо, на возвратномъ пути изъ Кабула, чрезъ клеберское ущелье. Сколько тогда было описаній этого ущелья! а о нашемъ Цзюй-юнъ-Гуанѣ никто и не вспомнилъ, тогда какъ мы увѣрены, что онъ превосходитъ всѣ другія ущелья. За то думали ли мы тогда, что, чрезъ нѣ-

сколько лѣтъ, тѣ же англичане будутъ неподалеку отъ того ущелья, которое прежде доступно было только однимъ монголамъ?

Отъ выхода изъ ущелья до Пекина считается около 50 верстъ, но эта дорога не такъ оживлена, какъ бы надобно было предполагать, по близости такой населенной столицы, въ такомъ многолюдномъ государствѣ. Зимой, конечно, гораздо болѣе движенія, но проѣзжіе принадлежатъ къ сосѣдней монгольской націи и тогда степной верблюдъ съ мѣрными размашистыми шагами встрѣчается чаще, чѣмъ сѣменящій ногами осликъ или неуклюжая повозка. Причину этого надобно полагать въ томъ, что страна не такъ производительна для того, чтобъ снабжать столицу своими произведеніями; всякій обработываетъ землю только для того, чтобъ кормиться самому; остатокъ онъ сбываетъ въ города, лежащіе по дорогѣ, а Пекинъ, какъ мы сказали, продовольствуется извнѣ, по другимъ дорогамъ съ востока и запада. На послѣднихъ кипитъ совсѣмъ другая жизнь. За то въ каждомъ изъ проѣзжаемыхъ вами городковъ васъ обдаетъ страшная суета и толкотня. Сначала вы думаете, что этотъ народъ высыпалъ смотрѣть на васъ; ничуть не бывало! это обыкновенные посѣтители городскихъ улицъ; проѣзжаете по деревнѣ и удивляетесь, откуда взялось такое множество мальчишекъ; взрослые всѣ заняты работами, только одни дѣти бѣгаютъ по улицамъ и, по количеству ихъ, вы убѣждаетесь, что разсказы объ огромномъ народонаселеніи — не выдумка. Впрочемъ, въ этой сторонѣ большихъ деревень, встрѣчаемыхъ по дорогѣ, отнюдь не болѣе, чѣмъ въ нашихъ подмосковныхъ губерніяхъ; но не забывайте, что китаецъ избираетъ деревню больше для какого нибудь промысла, что онъ любитъ селиться на томъ самомъ участкѣ, который принадлежитъ ему; слѣдовательно, во всѣхъ направленіяхъ отъ деревни тамъ и сямъ разбросаны еще отдѣльно стоящіе домики. Однакожъ глазъ вашъ не находитъ ничего отраднаго вокругъ себя. Мѣстность кажется мертвенной, потому что здѣсь очень мало воды и деревъ; при томъ вамъ часто приходится ѣхать въ дорожной пади, между двухъ земляныхъ

стѣнъ, за возвышеніемъ которыхъ идутъ поля. Путешественники не разъ уже замѣчали съ удивленіемъ, что китайцы выневилировали свои дороги и не затруднились просѣчь для этого горы, тѣмъ болѣе прорыть земляныя покатости. Не знаю, насколько однакожъ послужила въ пользу такая система, т. е. облегчила ли она систему сообщенія, или только затруднила ее еще болѣе. Послѣ сильныхъ дождей, на этихъ дорогахъ всегда страшная грязь, а часто случается даже, что онѣ превращаются въ русло рѣки; тогда сообщеніе прервано и самый край наводненъ.

Но вотъ вы приближаетесь къ Пекину! мѣстность принимаетъ болѣе оживленный видъ и вы всюду замѣчаете группы красивыхъ рощъ, самая дорога почти усажена деревьями, то и дѣло встрѣчаются домики, попадаются какіе-то памятники. Дѣло въ томъ, что окрестности Пекина во всѣхъ направленіяхъ покрыты кладбищами. О такихъ кладбищахъ, какія у насъ, т. е. гдѣ на извѣстномъ клочкѣ земли помѣщаются другъ подлѣ друга могилы всѣхъ умирающихъ, въ Китаѣ, бѣдномъ землей, не имѣютъ и понятія; тамъ хоронятъ только самыхъ бездомныхъ бѣдняковъ и безвѣстныхъ пришельцевъ. Если лицо сколько нибудь побогаче, такъ кладбище одного его занимаетъ пространства гораздо больше, чѣмъ даже одно изъ нашихъ столичныхъ кладбищъ, а о княжескихъ, тѣмъ болѣе императорскихъ, кладбищахъ и говорить нечего: на нихъ построились бы цѣлые города. Такъ, недалеко отъ того ущелья, которое мы описывали выше, лежатъ кладбища императоровъ минувшей династіи; они уже сокращены противъ прежняго своего объема, но тѣмъ не менѣе отъ начала ихъ грани до первой только залы считается не менѣе пяти верстъ, и какихъ чудесъ нѣтъ по этой дорогѣ! вы встрѣчаете по ней изсѣченныя изъ цѣльнаго камня фигуры слоновъ, верблюдовъ, людей и прочаго, и все въ колоссальныхъ размѣрахъ; вы проѣзжаете мимо и торжественныхъ воротъ, и колоннъ, и обелисковъ египетскихъ. Вообще, въ Китаѣ богатые хотятъ пожить и по смерти; потому они стараются отвести себѣ мѣстечко, какъ можно получше и пообширнѣе, чтобъ имъ было спокойно; обстраиваютъ его различными

зданіями, усаживаютъ деревьями, между которыми бѣлокорые кедры такъ гармонируютъ съ идеей о загробной жизни.

Благодаря этимъ-то обстоятельствамъ, ближайшія окрестности Пекина обставлены довольно красиво, но все-таки мертвенно, потому что, пока не перевелся или не разорился родъ покойника, то отъ кладбища требуется, чтобъ на немъ было какъ можно болѣе тишины. Одинъ разъ какъ-то потомокъ Конфуція, стерегущій его кладбище, былъ строго наказанъ за то, что на кладбище его предка пускали посѣтителей, которые протоптали дорожки по травѣ. Вотъ до чего простирается кладбищенскій этикетъ!

Наконецъ, подвигаясь далѣе, вы усматриваете самый Пекинъ. Но что бы вы думали, вы усматриваете собственно? Не болѣе, какъ одну башню съ выгнутой кровлей и торчащими по бокамъ ея стѣнъ свѣсами, которые составляютъ какъ бы продолженіе другихъ низшихъ рядовъ крышъ; не болѣе. Во всякомъ другомъ мѣстѣ путешественникъ волей или неволей обязанъ разсказать о впечатлѣніи, произведенномъ на него тѣмъ городомъ, къ которому онъ подъѣзжалъ. Кто не умѣетъ распространяться при описаніи оживленной картины или панорамы, ему представляющейся, тотъ долженъ непремѣнно проситься, чтобъ его послали путешествовать въ Китай; онъ можетъ быть спокоенъ, что всѣ 1,500 городовъ китайскихъ не заставятъ его задуматься надъ описаніемъ при приближеніи къ нимъ; всѣ 1,500 городовъ, а равно еще большее число замѣчательныхъ мѣстечекъ, закрыты отъ докучливыхъ глазъ стѣнами, изъ-за которыхъ вы ровно ничего не видите. Не подумайте, что, еслибъ вы подъѣзжали къ Пекину съ другой какой нибудь стороны, то онъ открылся бы предъ вами живописнѣе; нѣтъ, всякая дорога привела бы васъ непремѣнно къ какой нибудь башнѣ, возвышающейся надъ воротами, чрезъ которыя вы должны въѣхать въ столицу, или, иначе, дороги, разумѣется не тропинки, проведены только къ башнямъ и воротамъ. Ну, надъ такой архитектурой, какъ эти башни, нельзя много задуматься; объ нихъ поэтъ не скажетъ, что онѣ уходятъ въ облака, мечтатель не сравнитъ ихъ

граціозность съ стройностью красавицы; развѣ только археологъ составитъ себѣ понятіе о томъ, какъ въ древности люди въ Вавилонѣ строили столбъ, и то потому, что первыя послѣпотопныя формы не могли слишкомъ разниться отъ допотопныхъ; массивность, неуклюжесть, безвкусіе—все тутъ; что-то тяжелое ложится на вашу душу при взглядѣ на эту башню, которая представляется скорѣе какимъ-то только что правильно обрубленнымъ утесомъ, поставленнымъ на ровномъ пространствѣ. Итакъ, благодаря стѣнамъ, въ городѣ ничего не видно; чтобъ видѣть что нибудь, надобно подняться на горы, которыя ближе всего къ Пекину съ западной стороны, но и тогда что же вы увидите? рядъ крышъ, не болѣе. Другіе города, даже мусульманскіе, отличаются высотой своихъ храмовъ, а здѣсь нѣтъ ни одного храма, который былъ бы такъ высокъ, какъ дворцовыя залы; между тѣмъ, золоченыя *) крыши царскихъ палатъ издали сливаются съ обывательскими; только два-три предмета, какъ-то: бѣлый обелискъ, поставленный на возвышеніи, башни съ колоколомъ и барабаномъ, и развѣ еще такъ называемая по просту гора каменноугольная (мѣйшань), покрытая деревьями, изъ которыхъ выставляются граціозные павильоны, остановятъ на себѣ вашъ взоръ, но и то надобно, чтобъ вы въ такой дали смотрѣли на нихъ въ сильную зрительную трубу. Иначе, чтобъ насладиться зрѣлищемъ на Пекинъ, вы должны взойти на городскую стѣну, его окружающую, но и тутъ только ближайшіе предметы вамъ кажутся довольно разнообразными; вы видите и площадки, и прудики, и хижины, и дворцы съ ихъ садами, а далѣе все опять сливается въ необозримый рядъ крышъ, которымъ не видите конца. Мы должны сознаться, что съ городскихъ стѣнъ часто зѣвали на Пекинъ и не видали даже всѣхъ его башень или воротъ, на противоположной сторонѣ этихъ стѣнъ, которыя такъ обширны.

Но для того, чтобы добраться до этихъ башень или городскихъ воротъ въ стѣнѣ, надобно еще проѣхать долго съ того пункта, съ котораго мы ихъ

*) Крытыя желтой черепицей.

увидѣли. Отъ кладбищъ, отъ сельскихъ домиковъ вы незамѣтно въѣзжаете въ предмѣстье, т. е. непрерывный рядъ домовъ или улицъ, которыя называются предмѣстьями. Эти предмѣстья встрѣчаются предъ каждымъ китайскимъ городомъ, — мало этого — почти впереди каждыхъ воротъ всякаго города, и потому, по числу городскихъ воротъ, вы уже заранѣе можете опредѣлить количество городскихъ предмѣстій. Иное предмѣстье въ Пекинѣ, т. е. главная улица этого предмѣстья тянется на пять и болѣе верстъ, кромѣ того, что въ сторону идетъ еще много переулковъ и улицъ. Когда вамъ говорятъ о трехмилліонномъ народонаселеніи Пекина, то, конечно, вы не можете исключать изъ этого счета предмѣстій, даже всѣхъ мѣстъ, лежащихъ внутри городской черты, которая простирается очень далеко отъ городскихъ стѣнъ; въ этомъ случаѣ огромная цифра, покоющаяся однако едва ли не на одномъ предположеніи, никакъ не покажется чрезмѣрной для того, кто знакомъ съ окрестностями Пекина; къ ней можно, пожалуй, даже прикинуть еще съ милліончикъ для эффекта. Но поспѣшимъ скорѣе въ самый городъ.

Собственно говоря, вѣдь мы давно уже въ городѣ; кто у насъ называетъ городомъ только то пространство, которое лежитъ внутри стѣнъ? хотя слово городъ и предполагаетъ ограду, тѣмъ не менѣе такую ограду мы называемъ уже крѣпостью, а городъ начинается за стѣнами. У китайцевъ такъ все наоборотъ: тамъ не всякое даже огражденное стѣнами мѣсто носитъ названіе города, и какъ стали бы они обвинять насъ въ тщеславіи за то, что мы называемъ городами такія мѣстечки, которыя, по ихъ понятію, ниже ихъ селенія! Итакъ, если мы уже въ китайскомъ городѣ, или предмѣстіи, такъ вы потребуете отъ насъ отчета о томъ, какое впечатлѣніе произвела на насъ первая улица въ величайшей столицѣ міра. А вотъ погодите! мы ужъ скоро за-разъ будемъ говорить о столичныхъ улицахъ внутри стѣнъ. Скажемъ только, что нѣкоторыя предмѣстья Пекина имѣютъ каменную мостовую, т. е. вся улица устлана огромными плитами изъ гранита или дикаго камня; однакожъ это не гарантируетъ вамъ, что вы можете спокойно си-

дѣть въ китайской таратайкѣ, если на ней въѣзжаете въ городъ. Мостовая, сдѣланная уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, достаточно покоробилась, а главное, китайскія повозки съ своими зубчатыми шинами (что считается шикомъ), пожалуй, и очень удобными для каменной мостовой (меньше точекъ прикосновенія), протерли въ этой мостовой глубокія колеи, въ которыя васъ бросаетъ такъ же, какъ если бы вы ѣхали на почтовыхъ въ обыкновенной телѣгѣ по обыкновенной русской почтовой дорогѣ, на которой только что замерзла бывшая еще наканунѣ грязь.

Такъ какъ въ предмѣстьяхъ народонаселеніе и дома главнымъ образомъ сгруппированы вдоль улицы, идущей отъ городскихъ воротъ, то между этими мѣстами часто находятся большіе промежутки, по которымъ разбросаны огороды и частныя кладбища; здѣсь, въ тѣни рощицъ, лѣтомъ, вы встрѣтите нерѣдко раскинутые лѣтніе рестораны, въ которыхъ горожане прохлаждаются чаемъ, играютъ въ шахматы, занимаются загадками, а иногда даже и стихотворствомъ; есть и постоянные загородные рестораны съ прудами, аллеями и прочими удовольствіями. Рекомендую, напримѣръ, Сяо-ю-юй-фанъ, маленькій комфортъ за южнымъ предмѣстьемъ. Другіе промежутки заняты кумирнями и площадями, на которыхъ производятся маневры и ученье войскъ... Сюда выходятъ также небольшія дружескія компаніи знаменныхъ съ луками и стрѣлами; они учатся по охотѣ и часто заканчиваютъ свою прогулку, по обычаю, заведенному еще до Конфуція, въ лѣтнемъ ресторанѣ. Вотъ толпа собралась около одной лошади передъ небольшой рытвиной, т. е. узенькой дорожкой, прямо проведенной по землѣ; едва сядетъ кто нибудь на эту лошадь, какъ она несется во весь галопъ до конца дорожки и потомъ сама останавливается и идетъ тихимъ шагомъ назадъ; это значитъ, что здѣсь учатся верховой ѣздѣ; лошадь такъ хорошо пріучена къ своей дорожкѣ и своей обязанности, что ея не надо понукать, но поѣзжайте вы на ней въ другое мѣсто, вздумайте погарцовать—вы съ ней намучаетесь. А между тѣмъ, на такихъ-то манежныхъ лошадкахъ выѣхала маньчжурская кавалерія противъ союзныхъ войскъ!

Но вотъ предмѣстье кончилось, городскія стѣны тянутся предъ вами нескончаемой линіей, потому что пять верстъ, съ каждой стороны довольно правильнаго четвероугольника легко только сказать, а на такомъ пространствѣ вы не увидите конца стѣны. Впрочемъ, вы еще не прямо вступите въ ворота; надобно знать, что если каждый китайскій городъ окруженъ стѣнами, то почти каждая китайская стѣна еще окружена рѣкой или, попросту, рвомъ, въ которомъ должно быть сколько нибудь воды. Да и какъ иначе, безъ рва, построили бы вы городскія стѣны? откуда бы вы взяли землю для того, чтобъ сбить массу толщиною и высотою въ нѣсколько сажень? Не думайте, что, если вы видите снаружи камень и кирпичъ, то и вся внутренность состоитъ изъ этого же матеріала: тамъ нѣтъ больше ничего, кромѣ земли и глины. Нѣтъ, китайцы за одинъ разъ убиваютъ двухъ зайцевъ: они копаютъ землю, чтобъ сколотить стѣну, а на томъ мѣстѣ, гдѣ роютъ, сама собой образуется канава; это очень просто и выгодно. Также точно и въ садахъ ихъ вы дивитесь затѣйливому сочетанію разнообразныхъ прудовъ и горокъ съ своенравными зигзагами, а между тѣмъ это дѣло тоже очень немудреное: на томъ мѣстѣ, гдѣ брали землю на горы, образуется самъ собой прудъ.

Само собою разумѣется, что вы по мосту должны переѣхать чрезъ окружающую городъ канаву; этотъ мостъ, разумѣется, каменный, на каменной аркѣ, потому что въ Китаѣ не знаютъ деревянныхъ мостовъ, а съ камнемъ умѣютъ обращаться такъ же, какъ съ деревомъ; огромныя глыбы гранита обсѣкаютъ такъ-же легко, какъ бревно; поселяне кладутъ хижины изъ *кругляковъ*, разбросанныхъ по берегу рѣчекъ; гранитныя набережныя, какъ по каналу, окружающему городъ, такъ и по каналу, проведенному по Пекину,— ничуть не рѣдкость; разумѣется, нынѣ все это пообвалилось и не поддерживается. Съ моста прямо въ ворота! Нѣтъ погодите! это возможно только для императора и то не во всѣхъ воротахъ; тамъ, гдѣ въ стѣнѣ ворота, впереди ихъ съ моста выдвигается еще полукруглая стѣна, которая совершенно скрываетъ отъ васъ главныя ворота, и китайцы называютъ

ее лунной, такъ какъ она имѣетъ форму полулунія. Если въ этой стѣнѣ насупротивъ моста и есть ворота, супротивныя тѣмъ, которыя находятся въ главной стѣнѣ, такъ они отворяются только для императора, когда ему нужно проѣхать, а вы извольте объѣхать лунную стѣнку и у соединенія ея съ главной стѣной найдете боковыя ворота, чрезъ которыя вы ѣдете сперва на огромную площадь, образуемую лунной стѣной. Не бойтесь, что предъ этими воротами стоитъ гауптвахта, длинное казарменное зданіе. Такое зданіе вы встрѣтите и по въѣздѣ въ городъ у другихъ воротъ, но вы не замѣтите здѣсь ничего воинственнаго, не ходитъ часовой съ ружьемъ, не видно ни пушекъ, ни луковъ, не спросятъ съ васъ и паспорта. Нѣтъ, виноватъ! тутъ есть таможенные, которые могутъ осмотрѣть ваши вещи, чтобы вы не провезли чего нибудь подлежащаго пошлинѣ, но такъ какъ вы — иностранецъ, то кто осмѣлится васъ безпокоить? Какое житье будетъ англичанамъ и вообще всѣмъ промышленнымъ націямъ, когда они будутъ въѣзжать внутрь Китая съ своими товарами! Вѣдь они могутъ даже браться для китайскихъ купцовъ провозить ихъ собственные товары, чтобъ избавиться отъ пошлины; положимъ, что впослѣдствіи китайское правительство не будетъ такъ уступчиво какъ теперь, что потребуетъ пошлины, но осмѣлятся ли когда нибудь таможенные притѣснять такъ иностранца, какъ они притѣсняютъ китайскаго подданнаго? Припомнимъ, что до сихъ поръ народы, посылавшіе къ пекинскому двору посольства съ данью, сокрушались только о томъ, что имъ не позволяли представлять этой дани чаще: за мелочною данью, слѣдовавшею ко двору, за которую отъ него платилось все-таки свыше стоимости (по старинному правилу: давай больше, чѣмъ берешь), всегда слѣдовали караваны купцовъ, которые, подъ защитой посольства, провозили свои товары и вывозили купленные, мало того, что безпошлинно, но еще и на казенныхъ лошадяхъ!

Итакъ мы внутри китайскаго города, да еще и столичнаго! видѣть обыкновенные китайскіе города не трудно: въ нихъ пріѣзжаетъ и киргизъ съ границъ омской линіи; наши кяхтинскіе купцы живутъ всего

въ двухъ шагахъ отъ китайскаго города; русскіе, плывущіе по Амуру, также заѣзжаютъ въ китайскій городъ, Сахаліянь-улу; европейцы давно уже познакомились съ приморскими городами. Но побывать въ столицѣ Китая, до послѣдняго побѣдоноснаго туда вшествія союзныхъ войскъ, составляло прежде предметъ зависти. Какъ досадовали еще недавно европейцы на то, что мы, русскіе, одни бываемъ въ Пекинѣ! Дѣйствительно, одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ путешественниковъ, Тимковскій, такъ начинаетъ свое занимательное описаніе: „Судьба даровала мнѣ рѣдкое счастіе: я былъ въ Пекинѣ". А тотъ изъ русскихъ, который проводилъ, бывало, жизнь въ этомъ городѣ по десяти лѣтъ, не видя ни одного новаго лица ни изъ европейцевъ, ни изъ своихъ соотечественниковъ, сколько разъ приводилось ему въ отчаяніи произносить проклятія на это рѣдкое счастіе!... Для русскихъ, конечно, главное зло состояло въ томъ, что они были одни, ничто не подстрекало ихъ къ дѣятельности, ничто не поддерживало въ проявлявшихся подчасъ стремленіяхъ, ничто неутѣшало въ обманутыхъ надеждахъ или въ холодности окружающаго.... Нѣтъ сомнѣнія, что наше пребываніе въ Пекинѣ имѣло немалое вліяніе на стремленіе къ нему европейцевъ, но можно сказать утвердительно, что они ошибались въ своей зависти....

Однако ужели вы поспѣшите на пекинскія улицы, не останавливаясь болѣе предъ этими стѣнами, которыя остались позади васъ? Нѣтъ, не спѣшите такъ скоро къ живымъ людямъ! вы едва ли ихъ поймете такъ хорошо и вѣрно безъ тѣхъ неодушевленныхъ памятниковъ, которые они же соорудили; вглядитесь пристальнѣе и вы убѣдитесь, что въ нихъ вылилась вся душа китайскаго міра, а люди сами ходятъ уже, какъ бездушныя машины. Во всѣхъ странахъ люди стараются чѣмъ нибудь прославить свое существованіе и, конечно, то, чѣмъ они старались это выразить, составляло ихъ главную заботу, занимало [illegible] жизни. Такъ египтяне заранѣе смерть, сооружая эти великолѣпн нументы, которые мы называемъ древніе греки оставили намъ свои

того, что они жили для жизни; такъ средніе вѣка и вообще западный міръ оставилъ для потомства огромные храмы, одни въ память своего благочестія, другіе въ память фанатизма или изувѣрства (напримѣръ магометане), а у китайцевъ какихъ памятниковъ станете вы отыскивать? Они живутъ не для настоящаго и не для будущаго; всѣ ихъ умственныя силы направлены къ прошедшему, всѣ ихъ преданія увеличиваютъ въ нихъ только страхъ и робость въ настоящемъ. Все, что остается у нихъ отъ древности, такъ это—только могильные монументы: ни дворцы, ни храмы не проживаютъ здѣсь тысячелѣтій, благодаря климату и характеру архитектуры. Но между тѣмъ, по горамъ вьется двухтысячелѣтній памятникъ, готовый поспорить и безполезностью и гигантской работой съ египетскими пирамидами; это—великая стѣна. Однакожъ, что значитъ еще эта стѣна, которая извѣстна всякому школьнику на западѣ, въ сравненіи съ сложностью всѣхъ стѣнъ, которыми обведены всѣ китайскіе города и значительныя предмѣстія? Вотъ на что потрачены всѣ усилія исторической жизни Китая! на западѣ не имѣютъ понятія о томъ, что городъ надобно обносить стѣнами; тамъ крѣпость въ двѣ версты въ поперечникѣ уже считается значительною. Китайцы спѣшили обносить стѣнами не только свои жилища, но по возможности, и самыя пашни! Въ Китаѣ только мы убѣждаемся, что не вымышлены сказанія древнихъ о толщинѣ стѣнъ Экбатаны и объ обширности Вавилона, жители котораго только на третій день узнали, что ихъ городъ взятъ непріятелемъ; но въ Китаѣ не одинъ Пекинъ можетъ похвалиться обширностью своихъ стѣнъ; есть города, не только провинціальные, но и департаментскіе, которые состязаются съ нимъ пространствомъ. Но вотъ проектъ, существовавшій въ головѣ прошлой династіи: стѣна двадцати верстъ въ длину, вышиной въ 5, а шириной въ 8 саженъ, не считая выдающихся бастіоновъ и зубцовъ съ внѣшней стороны, тогдашнему правительству показалась недостаточной и оно хотѣло обнести всѣ предмѣстья, о которыхъ мы упоминали выше. Такимъ образомъ, внѣшняя стѣна обнимала бы пространство не менѣе 80 верстъ; однакожъ этотъ планъ не осущест-

вился вслѣдствіе слабости династіи; успѣли оградить только одно южное предмѣстіе, которое раскинулось вокругъ на 14 верстъ! Нужно ли говорить, что всѣ эти усилія имѣли одну цѣль: защиту отъ непріятеля и, пожалуй; еще; отъ разбойниковъ и бунтовщиковъ? Для насъ понятно, почему слабое государство строитъ крѣпости на границахъ сильнаго. Но кто могъ дерзнуть, подумать о состязаніи съ государствомъ, во всѣ вѣка превышавшимъ всѣ другія государства и народонаселеніемъ и богатствомъ произведеній? А между тѣмъ во всѣ вѣка Китай то и дѣло трепеталъ предъ горстью отважныхъ номадовъ или отчаянныхъ разбойниковъ: при первомъ приближеніи непріятеля, народъ, разсѣянный по деревнямъ, спѣшилъ укрыться со всѣмъ имуществомъ въ стѣнахъ того города, къ которому былъ приписанъ; но если непріятель былъ хоть сколько нибудь значителенъ, то къ чему помогали всѣ эти укрѣпленія? Развѣ въ первый разъ китайскіе города и столицы покоряются горстью непріятеля? Для европейцевъ нечего было и задумываться объ удачѣ. Еще, еслибъ не было стѣнъ, такъ, пожалуй, могла бы быть какая нибудь опасность въ многолюдной столицѣ, но китайскія стѣны именно построены для того, чтобъ немногочисленное непріятельское войско могло держать въ рукахъ многолюдные города: какъ скоро непріятель занялъ только одинъ шагъ на городскихъ стѣнахъ, то всѣ жители въ его рукахъ, какъ рыба въ садкѣ или въ неводѣ. Такой большой городъ, какъ Пекинъ, имѣетъ всего девять воротъ, слѣдовательно, непріятель, расположившись на городскихъ стѣнахъ, ширина которыхъ позволяетъ даже движенію артиллеріи, не выпуститъ изъ рукъ ни одного жителя; не прибѣгая ни къ какимъ усиліямъ, онъ можетъ переморить жителей голодомъ, если не позволитъ приносить съѣстныхъ припасовъ, можетъ брать, какія угодно, контрибуціи. Примѣръ Кантона уже показалъ европейцамъ, какъ для нихъ выгодно существованіе стѣнъ: въ Пекинѣ повторилась уже старая исторія!

Наслышавшись заранѣе о Пекинѣ, путешественникъ, въѣхавшій въ городъ, естественно, ожидаетъ, что его поразитъ что нибудь необыкновенное, невиданное доселѣ; европеецъ приготовляетъ себя напе-

редъ къ восторгу, который произведутъ въ немъ столичныя зданія съ своей вычурной архитектурой; онъ напередъ уже припоминаетъ себѣ вычитанное изъ „Тысячи одной ночи“ о чудесахъ Востока. Ну вотъ онъ и въѣзжаетъ въ широкую улицу, осматривается налѣво и направо, пропускаетъ частности, предполагая, что эти частности, чѣмъ дальше онъ будетъ ѣхать, тѣмъ будутъ выдаваться рельефнѣе, потому то онъ еще сдерживаетъ свое сужденіе, съ напряженнымъ вниманіемъ заглядываетъ впередъ: начало улицъ нисколько не столичное, говоритъ онъ себѣ, но вѣдь Пекинъ великъ,—и вотъ онъ ѣдетъ версту, другую, третью, все ждетъ чего то впереди и вотъ, наконецъ, онъ съ изумленіемъ узнаетъ, что уже проѣхалъ черезъ весь городъ. Что же это такое, ужели это не насмѣшка? ужели это правда? тѣ улицы, по которымъ мы проѣхали, точно такія же, какъ и во всемъ городѣ, пожалуй, еще лучше ихъ; чѣмъ же онѣ отличаются отъ улицъ въ другихъ проѣханныхъ прежде городахъ, отъ улицъ въ предмѣстьяхъ? Давайте разбирать внимательнѣе, отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что видѣли. Отъ воротъ, въ которыя вы ни въѣхали бы, обыкновенно тянется широкая (болѣе 20 сажень) улица, которая однакожъ не доходитъ до противоположной стѣны, а сворачиваетъ въ сторону, навстрѣчу другой улицѣ, идущей съ противоположнаго конца. Улицы, ведущія съ востока или запада, упираются обыкновенно въ красный городъ. Ровное, но или грязное, или пыльное шоссе, поднятое надъ общимъ уровнемъ дороги, пролегаетъ вдоль улицы; Боже сохрани, если оно полито! потому что поливается обыкновенно тѣми нечистотами, которыя оставляются прохожими въ кадкахъ и ямахъ. Это шоссе назначено собственно для проѣзда государя и чиновниковъ; но, благодаря развитію китайской свободы, по немъ ѣздитъ всякій; оно широко почти настолько, сколько нужно для того, чтобы разъѣхаться двумъ встрѣтившимся экипажамъ и чтобъ по бокамъ еще можно было пробраться пѣшеходамъ. По обѣимъ сторонамъ этого шоссе идутъ дороги, назначенныя для перевозки тяжестей, и такъ какъ полиція обращаетъ все вниманіе на поддержаніе только средней дороги (за-

мѣтьте, что здѣсь чистота улицъ не возлагается на домохозяевъ), то можно судить, въ какомъ состояніи находятся эти дороги; во время дождей, въ ямахъ этихъ дорогъ *рѣшительно* можетъ потонуть даже верблюдъ. Далѣе, за дорогой, вы видите большею частью возвышеніе, образующее родъ тротуаровъ для пѣшеходовъ, но невымощенное, исковерканное, перерытое; — тутъ нѣкогда пролегали водосточныя трубы, но то были давно прошедшія времена! Въ уровень съ этимъ возвышеніемъ идутъ строенія; почему должно заключить, что дорога, находящаяся нынѣ въ углубленіи, нѣкогда лежала на одномъ уровнѣ съ ними, но, со временемъ, отъ чищенія понизилась. Противное представляется въ южномъ предмѣстьи: тамъ въ переулкахъ дорога гораздо выше уровня, на которомъ стоятъ дома, и потому вы спускаетесь въ домъ по лѣстницѣ, какъ въ погребъ.

Прибавьте къ этому всякій хламъ, валяющійся по бокамъ средней дороги, хламъ, выносимый изъ домовъ, кадки, служащія для поливанія этой дороги, изъ которыхъ скверно пахнетъ; въ лѣтнее время васъ ожидаетъ другая пріятность: по дорогѣ вырываются большія ямы, въ которыя собираются всѣ нечистоты; этими благовоніями вы должны пользоваться нѣсколько мѣсяцевъ,—до тѣхъ поръ, пока ямы совсѣмъ не испарятся, и тогда ужъ ихъ зароютъ. Впрочемъ, не думайте, чтобъ вамъ на улицахъ не попадались фигуры въ тѣхъ позахъ, которыя требуются отправленіемъ естественныхъ нуждъ. Особенно вечеромъ китаецъ любитъ посидѣть, куря трубку, на открытомъ воздухѣ.

Это—дорога. Ну, а каковы строенія? Постараемся, по возможности, познакомиться и съ ними. На главныхъ улицахъ рѣдко встрѣчаются жилые дома; здѣсь, кромѣ нѣсколькихъ дворцовъ, кумирень, все прочее пространство занято сплошнымъ рядомъ лавокъ. Сколько лавокъ въ Пекинѣ, этого нѣтъ, думаемъ, никакой возможности описать; одинъ изъ нашихъ миссіонеровъ просилъ достать ему списокъ изъ полиціи и ему принесли кругленькій счетъ въ 200.000! Что-то невѣроятно, но съ другой стороны, если взять въ соображеніе, что въ этомъ счету показано всего

полторы тысячи цирюлень (что очень немного, судя потому, что въ Китаѣ, даже нищій, и тотъ не брѣется самъ, да при томъ здѣсь приходится брить не одну бороду, а и голову), то не смѣешь и опровергать такого показанія. Лавки, занимаютъ, обыкновенно, небольшое пространство по лицу улицы; каждая изъ нихъ имѣетъ свою характеристическую выставку, по которой вы узнаете издали, чѣмъ въ ней торгуютъ. Харчевня выставляетъ родъ самоваровъ съ бумажной бахрамой, мѣняла или банкиръ — огромную связку денегъ, сапожникъ—сапогъ величиною съ человѣка, и т. д. Все это представляетъ неимовѣрную пестроту, къ которой глазъ не скоро привыкаетъ, а между тѣмъ все это грязно, неопрятно, обветшало; хотя и въ Китаѣ купцы любятъ щеголять красотою своихъ лавокъ, но съ изяществомъ европейскихъ магазиновъ не можетъ быть никакого сравненія. Самыми красивыми лавкамн почитаются обыкновенно аптеки (попросту, москотельныя лавки) и чайные магазины на нихъ много рѣзьбы и позолоты, но, благодаря здѣшнему климату, позолота скоро утрачиваетъ свой блескъ, а въ рѣзьбу надобно близко всматриваться, чтобъ оцѣнить ея достоинство; обыкновенно лавки почитаются красиво отдѣланными, если въ нихъ столбы, столы и прочая мебель отлакированы, но на одну чистенькую лавку приходится, по крайней мѣрѣ, два десятка обветшалыхъ, съ обитыми порогами, съ облѣзлыми колоннами. Нечего и говорить уже о заведеніяхъ, назначенныхъ для самаго простого народа: тамъ грязь и нечистоты самыя отвратительныя; при входѣ, напримѣръ, въ театръ, вы, вмѣсто двери, встрѣтите такую занавѣску, что не отмоете весь день руки, прикоснувшись къ ней однажды. Теперь мы можемъ сказать справедливо, что женщина имѣетъ большое вліяніе на изящную обстановку. Въ Китаѣ женщина не входитъ въ магазины; потому для кого стараться о щегольской отдѣлкѣ? Намъ нѣсколько разъ приходилось слышать отъ китайцевъ восторженные отзывы о красотѣ ихъ магазиновъ въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Но это доказываетъ намъ, что мужчина не можетъ быть требователенъ, что только женщина научила

его заботиться *объ изяществѣ*. Намъ случалось заходить въ самые лучшіе рестораны Пекина, которые посѣщаются не менѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ городахъ, не только молодежью, но и людьми, занимающими значительные посты въ службѣ, а между тѣмъ обстановка этихъ ресторановъ далеко ниже опрятности. Почти вездѣ надобно пройти чрезъ кухню, которая стоитъ на первомъ планѣ, и здѣсь обдаетъ васъ жаромъ и всѣми возможными запахами. Вамъ отведутъ самую лучшую комнату, но въ чемъ состоитъ ея убранство? голый столъ, бумага въ окнахъ, диванъ и нѣсколько засаленныхъ стульевъ; прислужникъ въ засаленномъ платьѣ пересчитываетъ вамъ всѣ кушанья, которыя принесетъ на грязномъ деревянномъ подносѣ, и вдобавокъ вынетъ изъ верхней части исподняго платья пачку бумажекъ для обтиранія губъ во время ѣды,—ужели это доказываетъ, что въ китайцахъ чувство изящнаго понимается въ тѣхъ же формахъ, въ которыхъ мы его себѣ усвоили?

Когда со временемъ войдешь въ китайскую жизнь, привыкнешь къ этой нечистотѣ и неопрятности, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, то само собою разумѣется, что лучшее изъ этого дурного начинаетъ вамъ нравиться такъ же, какъ и въ самомъ лучшемъ европейскомъ городѣ, вы обращаете вниманіе только на тѣ предметы, которые выходятъ изъ среды другихъ. Впослѣдствіи и мы, приглядѣвшись къ Пекину, ѣздили по его улицамъ, останавливая взгляды на лучше другихъ отдѣланныхъ магазинахъ, но мы взялись припомнить и описать первое впечатлѣніе и повторимъ то же, что сказали уже выше; мы проѣхали вплоть до нашего подворья въ нетерпѣливомъ ожиданіи, скоро ли начнется настоящій Пекинъ, настоящій столичный городъ, съ чистыми улицами, съ роскошными магазинами, съ домами рѣдкой архитектуры, съ толпами прогуливающагося лучшаго общества. Увы! все это были мечты фантазіи, настроенной по-европейски, нисколько незнакомой съ восточной жизнью. Здѣсь люди не прогуливаются пѣшкомъ; здѣсь дома не выходятъ фасадомъ на улицу—по этому если линія лавокъ пресѣкается и слѣдуютъ жилища, то вы ничего не видите, кромѣ

голаго забора или глухой стѣны отъ службъ, принадлежащихъ дому, изрѣдка только какое-нибудь деревцо выглядываетъ изъ-за забора. Не разъ случится вамъ проѣхать мимо обвалившагося или вполнѣ развалившагося забора. Здѣсь полиція нисколько не вмѣшивается въ дѣло опрятности и чистоты города; она разсуждаетъ, что если бы вы имѣли состояніе, то и безъ ея побужденія поправили бы свои заборы. Итакъ проѣзжаете ли вы мимо дома богача, мимо княжескаго дворца, или знаменитой кумирни, вы все-таки не имѣете понятія о томъ, красивы или нѣтъ китайскія зданія и въ чемъ состоитъ лучшее украшеніе лучшихъ домовъ. Для этого вамъ надобно пройти во внутренность дома, миновать нѣсколько дворовъ, и тогда вы увидите, что чѣмъ дальше отъ улицы, тѣмъ становится чище; на первомъ дворѣ вы встрѣтите, можетъ быть, еще только конюшни и служительскія комнаты; на другомъ расположенъ кабинетъ хозяина, его главный салонъ; далѣе, на другихъ дворахъ идутъ женскія половины. Въ Китаѣ то, что у насъ называется передней, залой, гостиной, спальней, кабинетомъ, столовой и проч., всѣ эти комнаты помѣщены въ особыхъ домахъ, которыя расположены даже на особыхъ дворахъ; а о зданіяхъ въ нѣсколько этажей нѣтъ и помину (кое-гдѣ бываютъ однакожъ пародіи двухэтажныхъ зданій). Какъ опять не вспомнить, что люди—вездѣ люди и всякій хочетъ отличиться предъ толпой именно тѣмъ, что ей недоступно, т. е. тѣмъ, что несвойственно странѣ. У насъ такъ много мѣста, а наши дома лѣзутъ вверхъ; въ Китаѣ всякій клочекъ земли такъ дорогъ, и зато богачи стараются занять подъ свой домъ земли, какъ можно болѣе; китайцы считаютъ величину своихъ домовъ звеньями,— это то, что у насъ окно. Имѣть двѣ-три тысячи звеньевъ въ своемъ жилищѣ, разумѣется, съ приличнымъ садомъ вотъ о чемъ мечтаетъ китаецъ. Въ Пекинѣ много княжескихъ дворцовъ и мы, кажется, нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что многіе изъ нихъ занимаютъ пространства не менѣе нашей Петропавловской крѣпости. Впрочемъ, для своего жительства частные богачи избираютъ большею частью извилистые переулки. Мы

очертили характеръ большой улицы, шириною въ 20 сажень и болѣе, но на эту улицу со всѣхъ сторонъ выходятъ переулки, къ которымъ прикасаются уже закоулки, гдѣ насилу проѣдетъ и одинъ экипажъ. Тутъ-то живутъ главнымъ образомъ горожане; здѣсь менѣе шуму, меньше лавокъ (исключая главныхъ переулковъ), меньше ѣзды и, слѣдовательно, грязи; тутъ подлѣ дома бѣдняка поселился богачъ, который свезъ богатства изъ всѣхъ провинцій Китая; вы сейчасъ узнаете его домъ, потому что, хотя предъ вами одинъ только заборъ и стѣны конюшень, но кладка кирпича показываетъ, что это не простой домъ. Заборъ у бѣдняка кое-какъ держится на щекотуркѣ; онъ весь сложенъ изъ глины, въ которой только кое-гдѣ торчитъ для связи кирпичъ. У богатаго въ самомъ заборѣ кирпичъ выточенъ, пригнанъ къ другому кирпичу такъ, что едва замѣтенъ шовъ. Ворота, хотя и небольшія, потому что въ Китаѣ на все есть мѣра, но дерево вылакировано заново, полъ на первомъ дворѣ вымощенъ гладко-на-гладко. Пройдите далѣе, вы встрѣтите зданія одно чище другого; оконныя рамы — изъ цѣльнаго чернаго дерева, мебель—вся изъ кипариса, сандала или даже алое; бездна всякихъ бездѣлушекъ и дорогихъ вещей украшаетъ кабинетъ богача. Но мы беремся описывать одну наружность; дома богачей отличаются красотою крыльца, расписку свѣсовъ и выходящихъ наружу балокъ потолка; толстые столбы, цѣна которыхъ бываетъ баснословная, должны поддерживать эти балки; самыя стропила, которыя поддерживаютъ крышу, должны быть нарумянены въ своихъ концахъ чистой киноварью. Затѣмъ слѣдуютъ сады съ затѣйливыми прудами, гротами, цвѣтниками, бесѣдками. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Пекинѣ такихъ богатыхъ домовъ много, но для того, чтобы ихъ перечислить и составить о нихъ понятіе, надобно ѣздить не по улицамъ, а подняться вверхъ на воздушномъ шарѣ. Тогда, можетъ быть, мы найдемъ Пекинъ дѣйствительно заслуживающимъ названія столицы.

Можетъ быть, при этомъ замѣтятъ, что если въ Пекинѣ такъ ширятся богачи, то какимъ образомъ можно допускать въ немъ населеніе, превосходящее

всѣ столицы міра. Мы и сами готовы были не вѣрить такому предположенію. Припомнимъ, что, сверхъ обширныхъ домовъ богачей, въ Пекинѣ есть еще болѣе обширныя кумирни, еще обширнѣе ихъ княжескіе дворцы, мѣста, занятыя жертвенниками (небу, землѣ, солнцу, лунѣ и проч.) и, наконецъ, всѣхъ ихъ обширнѣе императорскій дворецъ. Кромѣ того, есть еще множество министерствъ и всякаго рода присутственныхъ мѣстъ, есть подворья для иностранцевъ и, наконецъ, площади. За всѣмъ тѣмъ, когда припомнимъ, что въ число народонаселенія столицы необходимо включить всѣ предмѣстья и загородныя мѣста, причисляемыя къ Пекину, что часть его, обнесенная только городскими стѣнами, съ южнымъ предмѣстьемъ, простирается на двадцать девять верстъ, что въ этой столицѣ считается до 5,000 кумирень съ 80,000 монаховъ, болѣе 30,000 однихъ потомковъ царскаго рода и не менѣе 200,000 такъ называемыхъ знаменныхъ, внесенныхъ въ списки и получающихъ жалованье, то огромное народонаселеніе сдѣлается снова вѣроятнымъ. Вѣдь если считать 200.000 знаменныхъ получающихъ жалованье, то это уже взрослое народонаселеніе, а не старики и дѣти. Сверхъ того не всѣ знаменные получаютъ жалованье; въ числѣ ихъ много и такихъ, которые не могутъ до смерти дождаться вакансіи; въ такомъ случаѣ число знаменныхъ семействъ должно положить, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ числа вакансій, а въ семействѣ китайскомъ нельзя положить менѣе пяти душъ: въ Китаѣ всѣ женятся съ ранняго возраста и всѣ заботятся имѣть потомковъ. Но мы не приняли еще въ разсчетъ невоенныхъ, т. е. всего чисто-китайскаго народонаселенія туземнаго и нахлынувшаго со всѣхъ концовъ имперіи. Всѣ куппы и сидѣльцы въ лавкахъ и въ ресторанахъ, весь рабочій классъ состоитъ изъ китайцевъ,—однихъ нищихъ здѣсь насчитываютъ сорокъ тысячъ. Хотя богатые дома и раскинулись широко, за то не надобно забывать, что въ нихъ много и прислуги. Дворня китайская многочисленна; азіатскій обычай набивать свой дворъ тунеядцами здѣсь господствуетъ во всей силѣ. И то правду сказать, здѣсь прислуга ничего почти не стоитъ; слуга до-

вольствуется жалованьемъ въ 60 коп. серебромъ въ мѣсяцъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ готовъ служить изъ-за куска насущнаго хлѣба. Точно также и княжескіе дворцы непустые: къ нимъ по штату приписано часто по нѣсколько сотъ семействъ; купеческія лавки по той же причинѣ переполнены сидѣльцами и прикащиками; поступить въ лавку желаетъ всякій, да не всякаго еще принимаютъ и даромъ; для этого нужны родство, протекція или, по крайней мѣрѣ, рекомендація. Кумирни не стоятъ также пустыми: въ Юнъ-хогунѣ считается до 1,000, въ другихъ по нѣсколько сотъ ламъ. Непусты и частныя кумирни: онѣ служатъ складомъ для товаровъ или даже постоялыми дворами. При томъ, если богатый людъ старается ширяться какъ можно болѣе, то незажиточный нисколько не требователенъ; одно звено или комната, немного болѣе квадратной сажени, служитъ помѣщеніемъ цѣлаго семейства; тутъ все: и кухня, и спальня, и кладовая, и пріемная; и такъ живетъ не одна сотня тысячъ знаменныхъ, а о пришлыхъ китайцахъ нечего и говорить.

Послѣ этого немудрено, что всѣ главныя улицы Пекина кишатъ народомъ, и ѣдущими, и пѣшеходами. Замѣтьте еще, что женщина весьма рѣдко показывается на улицѣ, и потому все движеніе принадлежитъ почти исключительно мужскому народонаселенію. Движеніе происходитъ въ одно время, на огромномъ пространствѣ и нерѣдко случается, что экипажи сгрудятся въ одномъ мѣстѣ и не могутъ разъѣхаться по получасу и болѣе.

Но постараемся представить картину оживленія китайскихъ улицъ такъ, какъ онѣ представились намъ на первыхъ порахъ. Въ городскихъ воротахъ всегда бываетъ порядочная давка. Одни спѣшатъ въ городъ, другіе изъ города. Вотъ вы обогнали огромную телѣгу, на двухъ колесахъ и на деревянной оси; она нагружена мѣшками всякаго сорта хлѣба, которые везетъ мужикъ на продажу; чего ужъ онъ не запрягъ въ эту телѣгу! и муловъ, и лошадей, словомъ, все, что было въ домѣ мужика, и ослика, и даже быка. Между тѣмъ, какъ тянется этотъ допотопный экипажъ, имѣющій впрочемъ на своей сторонѣ много выгодъ,

навстрѣчу вамъ спѣшитъ водовозъ, толкающій впереди свою тачку. Она устроена на одномъ колесѣ, укрѣпленномъ въ срединѣ оси; по бокамъ наложены четыре или пять боченковъ, въ которыхъ, когда бываетъ налита вода, будетъ всего съ половину доброй нашей бочки; если дать эту тачку здоровому, но непривыкшему мужику, онъ не сумѣетъ своротить ее съ мѣста или непремѣнно перевернетъ вверхъ дномъ. Но нашъ водовозъ идетъ сзади, придерживаясь за короткія оглобли тачки, отъ концовъ которыхъ къ его шеѣ проведена лямка. Между тѣмъ, васъ уже непремѣнно успѣли обогнать пять или шесть носильщиковъ съ зеленью, которую они спѣшатъ продать въ городѣ; коробушки ихъ, привязанныя къ длинному, но невыгнутому, какъ у насъ, а прямому, едва гнущемуся коромыслу, едва качаются; въ нихъ лежатъ капуста, дыни, свекла и прочая зелень. Смиренно ѣдетъ навстрѣчу вамъ повозка, запряженная осломъ; вы едва замѣчаете маленькое животное впереди огромной одноколки, имѣющей внутренность нашей русской печки, только отъ поду до свода нѣсколько повыше, такъ что можно и усѣсться въ этой повозкѣ, если все время держать голову наклоненною и сидѣть согнувшись, а между тѣмъ вы видите, что въ этой повозкѣ сидятъ цѣлыя пять душъ большихъ и малыхъ; ужъ какъ онѣ ухитрились усѣсться, кто на колѣняхъ, кто на облучкѣ (извощикъ самъ идетъ пѣшкомъ), этому надобно поучиться у китайцевъ. За нимъ выступаетъ вереница верблюдовъ, которые поставляютъ себѣ непремѣннытъ долгомъ протянуть свою шею въ вашу сторону, какъ будто хотятъ сказать, что они васъ замѣтили. На этой шеѣ непремѣнно виситъ колокольчикъ, издающій протяжный звукъ; на горбу верблюда навьючены мѣшки съ каменнымъ углемъ; это—обыкновенная обязанность столичнаго верблюда; другихъ тяжестей ему не поручаютъ пекинскіе хозяева; за то зимой на верблюдѣ пріѣзжемъ гарцуетъ зачастую какая нибудь монгольская княгиня, а на спинѣ другого лежитъ грузъ зайцевъ, кабановъ и дичи. За верблюдами начинается похоронная процессія; нищіе, босые, но въ парадномъ похоронномъ костюмѣ, т. е. въ черномъ кафтанѣ и черной шляпѣ, та-

щатъ попарно въ рядъ разныя эмблематическія фигуры, зонты, вѣера, копья, ручки и т. п. Часто эти эмблемы несутся на протяженіи доброй версты, затѣмъ несутъ носилки съ различными жертвенными принадлежностями, слѣдуетъ прекрасная бесѣдочка съ душой покойника, наконецъ, появляется и самый одръ, на которомъ поставленъ гробъ. Здѣсь нѣтъ катафалокъ. Самаго бѣднаго несутъ на рукахъ; у богатаго бываетъ до ста носильщиковъ. Похоронная процессія священна; для нея всѣ сворачиваютъ въ сторону. Нерѣдко случается, что навстрѣчу ей попадается свадебный поѣздъ, который можетъ тянуться также на огромномъ пространствѣ, потому что каждая вещь изъ приданаго невѣсты несется на особыхъ носилкахъ. Говоритъ ли о томъ, что въ Пекинѣ существуютъ особыя лавки, которыя снабжаютъ на прокатъ свадебными и похоронными принадлежностями? Въ Пекинѣ всего менѣе встрѣчается на улицѣ носилокъ, тогда какъ въ описаніяхъ путешественниковъ по другимъ провинціямъ то и дѣло упоминается о паланкинахъ. Въ носилкахъ здѣсь имѣютъ право ѣздить только князья первыхъ степеней и самые высшіе сановники; любо смотрѣть, съ какою быстротой мчатся носильщики! свита спереди и сзади едва поспѣваетъ за ними; носильщики—все народъ молодой, здоровый, и, разумѣется, хорошо одѣтый. Для того, чтобъ удостоиться чести носить на плечахъ князя, надобно большое искусство, во-первыхъ, чтобъ итти въ тактъ съ другими, во-вторыхъ, чтобъ важной особѣ было спокойно сидѣть; это же требуется и отъ носильщиковъ гроба: родственники покойника поставляютъ себѣ главною заботой, чтобъ онъ перенесенъ былъ въ новое жилище безъ всякихъ потрясеній. Впрочемъ, у богачей, не имѣющихъ право ѣздить въ носилкахъ, кучеръ обязанъ бѣжать все время подлѣ экипажа, т. е. такой же одноколки, въ какую мы видѣли запряженнымъ осла, только побольше и красивѣе отдѣланной. Читатели простятъ ли намъ за то, что нѣкогда и мы позволяли себѣ удовольствіе прокататься на человѣческихъ плечахъ, странствуя по горамъ тамъ, гдѣ не можетъ пробраться и осликъ! Обыкновенно берутъ въ ближайшей деревнѣ носиль-

щиковъ, которые, за какой нибудь рубль серебра, взносятъ васъ на самую вершину горы и доставляютъ благополучно къ противоположной подошвѣ, а если угодно, то и далѣе. Но здѣсь употребляются уже не носилки, а кресла, привязанныя къ двумъ жердямъ. Кромѣ удовольствія быть везеннымъ людьми, спокойствія немного, грудь и поясница начинаютъ болѣть отъ длинной дороги.

Мы уже говорили, что женщины рѣдко появляются на улицѣ; только въ нѣкоторые праздничные дни, мужья выпускаютъ ихъ изъ дому или съѣздить въ кумирню, или повидаться съ знакомыми. Тогда движеніе экипажей дѣлается еще замѣтнѣе. При этомъ горничныя дамъ сопровождаютъ своихъ госпожъ, сидя на облучкѣ экипажа, и чаще всего бываетъ, что горничная красивѣе самой хозяйки. Потому, кромѣ высшаго общества, которое разъѣзжаетъ по улицамъ или по дѣламъ службы или съ визитами, не ищите здѣсь красоты и свѣжести костюмовъ; конечно, и здѣсь есть своего рода денди, но большинство ѣдущихъ и пѣшеходовъ совершенно гармонируетъ съ опрятностью улицъ; изорванное платье или заплата, бросающаяся въ глаза, здѣсь нипочемъ; съ заплатой вы увидите стоящую у вороть хозяйку, торгующуюся съ разнощикомъ, и не подумайте, чтобы это была какая нибудь нищая. Нѣтъ нищіе имѣютъ свой особенный костюмъ, т. е. ходятъ, какъ родила ихъ мать-природа, прикрывшись грязью и струпьями. Нерѣдко на улицѣ встрѣтите вы не только работника, но и домохозяина, который вышелъ изъ своего дома въ одномъ исподнемъ платьѣ: но постойте,—вотъ мы подходимъ съ вами къ закладной лавкѣ;—видите ли вы впереди васъ человѣка, который имѣетъ такой точно костюмъ, какой мы сейчасъ описали, т. е. въ одномъ исподнемъ платьѣ? посмотрите, что онъ дѣлаетъ! снимаетъ съ съ себя и остальное, чтобъ войти въ лавку и заложить... Тамъ отказа не будетъ, потому что закладная лавка обязана все принимать...

III.

Русско-китайскіе трактаты.

Сношенія наши съ китаемъ были, до послѣдняго времени, такъ мало извѣстны публикѣ, что многіе не знаютъ ни съ чего они начались, ни въ чемъ заключались. Мы не будемъ разсказывать, какъ русскимъ сдѣлался доступнымъ Китай еще въ концѣ XVI столѣтія, какъ въ половинѣ XVII уже происходили дѣятельныя сношенія между Албазиномъ и Пекиномъ, какъ принято было первое наше офиціальное посольство Спафарія (1677 г.); все это были случаи, которые не повели еще ни къ какимъ обязательствамъ, обусловливаемымъ трактатами. Первое столкновеніе наше съ Китаемъ произошло на берегахъ Амура, потому что только здѣсь мы встрѣтились съ китайскими владѣніями. Въ то время монгольскія и цзюнгарскія земли, лежащія далѣе къ западу, вдоль нашихъ владѣній Сибири, еще не принадлежали маньчжурской династи. Русскіе, овладѣвъ Амуромъ и построивъ на немъ крѣпость, стали собирать дань съ жившихъ по берегамъ этой рѣки народовъ; послѣдніе, недовольные новыми пришельцами, стали естественно передаваться на сторону могущественнаго сосѣда, который старался привлекать ихъ на свою сторону всѣми мѣрами, не щадя никакихъ издержекъ. Однакожъ не всѣ были, несмотря на это, довольны китайскимъ правительствомъ; изъ числа собственныхъ его подданныхъ явились перебѣжчики, которые искали спасенія въ нашихъ предѣлахъ. Китайское правительство, подозрительное

вслѣдствіе историческихъ опытовъ, болѣе всего пугается такого рода переходовъ; оно дорожитъ въ этомъ случаѣ не столько честью, сколько боится, что перебѣжчики будутъ первыми руководителями его сосѣдей при вторженіи во внутреннія земли, что они передадутъ непріятелю, никому будто бы безъ этого неизвѣстное, состояніе имперіи. Эти же мысли руководили китайскимъ правительствомъ до новѣйшаго времени, при запрещеніи своимъ подданнымъ оставлять имперію и ѣздить на острова Восточнаго и Южнаго океановъ. Русскій дворъ, недовольный результатами посольства Спафарія, отложилъ намѣреніе сблизиться съ своимъ отдаленнымъ сосѣдомъ: онъ не былъ съ нимъ ни въ мирѣ, ни въ войнѣ; но китайское правительство хотѣло во что бы то ни было выйти изъ такого неопредѣленнаго положенія: оно опасалось за будущность своихъ владѣній, и сверхъ того русскіе изъ Албазина постоянно безпокоили передавшіяся маньчжурамъ мелкія племена. Царствовавшій тогда императоръ Канъ-си. освободившись отъ страшнаго возмущенія внутри Китая, и, конечно, возгордившись своей удачей, рѣшился нанести ударъ нашему владычеству на Амурѣ. Онъ послалъ напередъ отрядъ войска разыскать дороги, ведущія къ Албазину, но эта экспедиція, по его приказанію, должна была дать знать въ Нерчинскъ, что она не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ охоты за сохатыми. Убѣдившись въ возможности взять Албазинъ, богдыханъ не пожалѣлъ издержекъ. Съ сухого пути были проложены станціи; на Сунгари, впадающей въ Амуръ, выстроенъ цѣлый флотъ; на самомъ Амурѣ, ниже Албазина, воздвигли крѣпость. Сдѣланы были огромные запасы провіанта въ Маньчжуріи, сплавили по рѣкѣ множество пушекъ, набрали солдатъ не только въ Маньчжуріи, но и внутри собственнаго Китая. Зная тогдашнія слабыя средства наши въ Сибири, мы должны удивляться мужеству казаковъ, рѣшившихся сопротивляться въ своей деревянной крѣпости противъ огромнаго сравнительно количества маньчжурской арміи: они могли ждать помощи развѣ только въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, тогда какъ предъ ними были тысячи непріятеля (15,000). Албазинъ былъ

взятъ, но богдыханъ, опасаясь, при всей своей силѣ, обвиненія въ начатой войнѣ, особенно, если бы она приняла дурной оборотъ, велѣлъ напередъ обращаться съ русскими какъ можно ласковѣе, не дѣлать имъ никакого вреда, а предложить на волю ихъ или возвратиться въ Якутскъ или Нерчинскъ, или поступить къ нему въ подданство. На другой годъ русскіе однако же снова возвратились на прежнее пепелище, выстроили укрѣпленія, распахали поля, но были снова окружены маньчжурскими войсками. Осажденные оборонялись еще мужественнѣе прежняго: китайцы, несмотря на всѣ свои усилія, не могли взять крѣпости, и должны были довольствоваться тѣмъ, что обложили ее со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ китайское правительство, начавъ войну противъ русскихъ, въ то же время всячески старалось войти въ объясненія съ русскимъ правительствомъ, чтобы оно выслало уполномоченныхъ для постановленія трактатовъ о границахъ; для этого оно послало бумаги не только чрезъ Сибирь, но даже чрезъ бывшее тогда въ Пекинѣ, голландское посольство, вокругъ свѣта. Конечно предположенія китайскаго правительства, что сибирскіе воеводы скрываютъ отъ московскаго двора его бумаги, было несправедливы; но наше правительство, извѣщенное объ открытіи непріязненныхъ дѣйствій на Амурѣ, и, сознавая трудность подать дѣйствительную помощь такому отдаленному краю, принуждено было уступить настоянію пекинскаго двора. Изъ Москвы отправленъ былъ окольничій и намѣстникъ брянскій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ, который сдѣлалъ ту важную ошибку, что, вмѣсто того чтобы явиться на театръ дѣйствія, въ Албазинъ, предпочелъ переговариваться съ китайскими уполномоченными въ Нерчинскѣ. Извѣщенные объ его отправленіи, китайцы хотя и оставили непріязненныя дѣйствія противъ Албазина, но не сняли совершенно блокады, а между тѣмъ ихъ полномочные Сонготу, Тунъ-го-ганъ, Лантань и проч. явились для переговоровъ въ Нерчинскъ не съ одной свитой, а въ сопровожденіи войска; такимъ образомъ, посольство привлекло непріятеля къ новому пункту, на который сначала онъ и не думалъ нападать. Когда нашъ по-

сланникъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи никакого значительнаго отряда, не соглашался на требованія китайцевъ, которые сначала хотѣли постановить границей рѣку Лену, о которой они прежде этого, навѣрно, и не слыхали, то маньчжуры приняли угрожающій видъ; войска ихъ начали военные маневры, и по словамъ китайскихъ документовъ, это было главной причиной заключенія выгоднаго для Китая трактата. Припоминая себѣ всю китайскую исторію, мы не находимъ въ ней ни одного подобнаго случая, чтобы подъ власть Китая не номинальную, а дѣйствительную, когда-нибудь перешелъ хоть какой-нибудь клочекъ земли, принадлежавшій народу, который самъ не признавалъ себя подданнымъ Китая и не былъ имъ побѣжденъ. Теперь же въ руки его досталось огромное пространство земли, которую должны были очистить прежніе владѣльцы. Въ сохранившихся указахъ того времени богдыханъ прямо говоритъ, что русскіе *уступили* ему огромное пространство земли. Это, кажется, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что маньчжуры не имѣли на нее никакого права...

Какъ бы то ни было, первый трактатъ, заключенный нами съ Китаемъ, былъ подписанъ въ Нерчинскѣ въ 1689 году (28-й годъ правленія Канъ-си). Весь трактатъ былъ составленъ единственно подъ вліяніемъ китайскихъ требованій, все было уступлено Китаю, никакой выгоды не предоставлялось Россіи. Онъ заключается въ двухъ главныхъ пунктахъ: въ разграниченіи земель и постановленіи правилъ касательно могущаго случиться столкновенія между пограничными жителями. Граница начиналась на западѣ рѣкой Аргунью; на южной сторонѣ ея русскіе уже имѣли остроги, которые мы обязывались перенести на сѣверную сторону, идя по рѣкѣ Аргунь на востокъ до соединенія ея съ Шилкой и далѣе, до р. Горбицы, граница поворачивала отъ Амура къ истоку послѣдней рѣки, и направлялась уже далѣе на востокъ по Хинганьскому хребту, такъ что мы оттѣснены были не только отъ Амура, но даже и отъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ него съ сѣвера, тогда какъ маньчжуры ни разу не восходили, даже до новѣйшаго времени,

ни по одной изъ нихъ. Слѣдствіемъ такого условія, естественно, было то, что мы отказывались отъ Албазина, обязываясь его разрушить, а храбрыхъ защитниковъ этого города должны были перевести, со всѣмъ имуществомъ, внутрь новой границы. Другимъ послѣдствіемъ опредѣленія границъ было взаимное запрещеніе подвластнымъ обѣихъ сторонъ переходить черезъ границу для охоты; кто же перешелъ бы для грабежа и разбоя, тотъ долженъ предаваться *смертной казни*. Здѣсь мы видимъ также вліяніе китайскаго духа въ составленіи трактата. Мы знаемъ изъ исторіи, что китайцы никогда не любятъ выходить изъ своихъ границъ, напротивъ, всегда страдали отъ вторженія своихъ сосѣдей; поэтому для нихъ выгодно было обезопасить себя трактатомъ и въ этомъ случаѣ. Предавая забвенью прежнія дѣла, и оставляя перебѣжчиковъ въ мѣстахъ постояннаго ихъ жительства, трактатъ, естественно, постановилъ, чтобы впредь перебѣжчики не были принимаемы; но такъ какъ мы отказались отъ Амура, жители котораго могли, по связи и по родству, имѣть влеченіе къ маньчжурскому владычеству, то и съ этой стороны выгоды трактата были на сторонѣ Китая. Мы уже говорили выше о томъ, какъ китайцы смотрятъ на перебѣжчиковъ.

Итакъ, если не принимать, что Россія должна была почитать написанными въ свою выгоду статьи о томъ, что изъ-за вторженія мелкихъ разбойническихъ партій въ границы не должно затѣвать войны, что всякому, кто имѣетъ *проѣзжую граматy* (т. е. подорожную или видъ) позволяется ѣздить изъ одного государства въ другое, и безъ запрета покупать и продавать— все содержаніе трактата, который мы здѣсь почти весь передали, не представлялъ намъ рѣшительно никакихъ преимуществъ. Когда отправлялось первое посольство Спафарія, тогда у нашего правительства, какъ видно, были замыслы, какъ можно болѣе усилить сношенія между обоими государствами; мы хотѣли мѣняться своими произведеніями на китайское серебро и шелкъ, просили прислать намъ мастеровыхъ, умѣющихъ строить мосты, мечтали, что будемъ сноситься съ самимъ богдыханомъ на равныхъ правахъ, т. е. что на наши посольства будутъ отвѣчать

взаимными посольствами. Ничего этого не видимъ мы въ первомъ заключенномъ нами трактатѣ. Головинъ какъ будто вовсе не имѣлъ понятія о выгодахъ своего государства; весь трактатъ написанъ былъ подъ вліяніемъ паническаго страха или насилія Даже, сличая маньчжурскій подлинникъ съ русскимъ, мы находимъ, что послѣдній, исключая только почетныхъ титуловъ русскаго государя, чего нѣтъ въ маньчжурскомъ текстѣ, имѣетъ болѣе невыгодное толкованіе... Если бы Головинъ имѣлъ хотя сколько нибудь твердости, или хотя сколько-нибудь зналъ Китай, посовѣтовался съ кѣмъ-нибудь, то онъ самъ могъ бы предписывать китайцамъ условія, несмотря на то, что они были въ то время сильнѣе. Если бы онъ погрозилъ только прекратить переговоры, или дѣйствительно покинулъ Нерчинскъ, то китайцы затрепетали бы отъ страха. Война намъ не могла быть ни въ какомъ случаѣ страшна; мы всегда могли воротиться въ Нерчинскъ и Албазинъ, а китайцы должны были бы содержать на всѣхъ пунктахъ страшную армію. Сверхъ того, если бы мы знали сколько-нибудь, что дѣлается по сосѣдству съ нами, въ Монголіи, то убѣдились бы, что миръ нуженъ не намъ, а китайцамъ.

За годъ до заключенія этого мирнаго трактата, внутри Средней Азіи произошелъ великій переворотъ, который грозилъ и могъ поколебать могущество маньчжурской династіи. Сѣверная Монголія, лежавшая на югъ отъ нашихъ владѣній по обѣимъ сторонамъ Байкала, была внезапно разгромлена нападеніемъ Галдана, предводителя сосѣднихъ съ запада, и единоплеменныхъ монголамъ, калмыковъ или цзюнгаровъ. Три монгольскіе хана должны были искать съ своими подданными спасенія въ бѣгствѣ и не рѣшались еще сначала, куда имъ обратиться. На сѣверѣ у нихъ были сосѣдями русскіе, на югѣ—китайцы, владѣвшіе южной Монголіей. Головинъ, самъ не сознавая, что у него просила помощи вся Монголія, принялъ отъ тогдашнихъ семи владѣльцевъ Халки присягу въ вѣрности московскому царю. Россія какъ будто и забыла это великое событіе, когда вся отчизна Чингисхана простирала къ намъ руки, всѣ прежніе потомки великаго завоевателя согласились быть подъ

властью московскаго царя. Но мы потеряли, благодаря неловкости или непониманію Головина, не только вновь пріобрѣтенное, но и добытое трудами казаковъ. Голосъ хитраго ламы Хутукту Чжебцзунь Дамбы, подкупленнаго еще болѣе хитрымъ богдыханомъ, увлекъ на сторону послѣдняго монголовъ, которые нашли защиту внутри китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ китайцы уже до этого начали съ нами войну осадой Албазина, и въ то же время обстоятельства привели ихъ къ столкновенію съ Контайшей, то сами обстоятельства указывали намъ на этого естественнаго союзника, съ дворомъ котораго мы уже и прежде находились въ дружественныхъ сношеніяхъ. Галданъ пугалъ китайцевъ именно своимъ союзомъ съ русскими, разглашая, что они посылаютъ ему въ помощь и войско и оружіе, и пекинскій дворъ, устрашенный этими слухами, тотчасъ обратился къ бывшему въ то время въ Пекинѣ посланцу съ просьбой, чтобы онъ написалъ въ Россію не вступать въ союзъ съ Галданомъ. Въ то время, когда мы заключали трактатъ, Галданъ преспокойно распоряжался на земляхъ сѣверныхъ монголовъ, угрожая вторгнуться въ Китай, за то что онъ принялъ его непріятелей, и въ это время былъ заключенъ такой постыдный миръ! Китайцы спѣшили во чтобы то ни стало покончить дѣло съ нами, а мы ничего объ этомъ и не знали! Какъ скоро былъ заключенъ трактатъ, богдыханъ Канъ-си, показывавшій до сихъ поръ видъ, что ему нѣтъ дѣла до того, что Галданъ занимаетъ сѣверную Монголію, сейчасъ перемѣнилъ свою тактику; онъ снарядилъ сильную армію и, вспомоществуемый монголами, возвращаетъ ихъ на родину, преслѣдуетъ Галдана до его собственныхъ земель... Въ награду за это онъ дѣлается обладателемъ сѣверной Монголіи, потому что ослабленнымъ монгольскимъ ханамъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ отдать себя въ полное распоряженіе своего помощника, который ослабляетъ ихъ еще болѣе, раздѣливъ ихъ подданныхъ между 55-ю отдѣльными владѣльцами и подчинивъ ихъ войска особому главнокомандующему.

II.

Такимъ мы образомъ мы способствовали распространенію владѣній нашего сосѣда двоякимъ образомъ: съ одной стороны уступили ему собственныя земли, съ другой—дали ему возможность овладѣть сѣверной Монголіей.

Послѣднее обстоятельство были причиной того, что Китай очутился у насъ подъ бокомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему не принадлежали при заключеніи нерчинскаго трактата; прежняя граница, простиравшаяся на нѣсколько тысячъ верстъ, теперь еще удлинилась вдвое. Это было причиной заключенія новаго трактата, болѣе богатаго послѣдствіями, болѣе пользующагося у насъ извѣстностью, какъ трактата, въ которомъ будто мы много выиграли, ничего не потерявъ (?!). Однакожъ, мы думаемъ, что и здѣсь, не торопясь трактатомъ, мы могли бы выиграть болѣе. Монголы, очутившіеся подъ двойнымъ гнетомъ и новыхъ самостоятельныхъ князей и строгихъ китайскихъ законовъ, охотно спѣшили въ наши предѣлы и присоединялись къ подвластнымъ намъ бурятамъ, которымъ не было никакой выгоды уходить въ Китай, чтобы попасть въ кабалу князей. Монголы, переселившіеся съ помощью китайцевъ, не могли уже знать прежнихъ своихъ границъ, и могли довольствоваться лишь тѣмъ, что имъ предоставили бы.

Вслѣдъ за заключеніемъ трактата, мы видимъ, что монголы перебѣгаютъ къ намъ тысячами, сами монгольскіе князья переговариваются съ нами о принятіи ихъ въ подданство, но уже поздно, мы обязали себя трактатомъ. Онъ заключенъ въ 1727 году (пятомъ году правленія Юнъ-чжэнъ, 7 го числа 7-й луны) между китайскимъ министромъ чиновъ Чабиной, министромъ трибунала внѣшнихъ сношеній Тэгутомъ, товарищемъ министра военныхъ дѣлъ Тулишенемъ (бывшимъ впослѣдствіи посланникомъ въ Россіи) и иллирійскимъ графомъ Саввой Владиславичемъ Рагузинскимъ.

Здѣсь, разумѣется, на первомъ планѣ идетъ дѣло о границахъ; исходной точкой, какъ и въ прежнемъ трактатѣ, послужило то мѣсто, у котораго встрѣча-

лись переговаривающіеся. Много хвалятъ смѣтливость графа Рагузинскаго въ томъ, что онъ запасся порядочнымъ отрядомъ войскъ, съ которымъ проникъ какъ можно далѣе на югъ. Однакожъ мы все-таки не видимъ, чтобъ этотъ пограничный трактатъ доставилъ намъ какія нибудь поземельныя выгоды. На рѣчкѣ Кяхтѣ, у которой произошли переговоры, какъ мы видимъ изъ самаго трактата, стоялъ уже и прежде нашъ караульный постъ. Граница, веденная отсюда на востокъ до того мѣста на рѣкѣ Аргуни, гдѣ она начиналась по прежнему трактату, велась, по возможности, болѣе по естественнымъ урочищамъ, т. е. рѣкамъ и горнымъ хребтамъ, при чемъ бралось въ соображеніе, кто владѣетъ въ окрестности этихъ урочищъ, русскіе или монголы; если же, гдѣ встрѣчалось, кочевали смѣшанно обѣ стороны, то ихъ должно было правомѣрно перевести въ свою сторону. На западъ отъ Кяхты граница шла дикими странами, покрытыми непроходимыми горами, которыя почти неизвѣстны были русскимъ, такъ что тутъ руководителями оказались монголы, которые назначали сами, что должно имъ принадлежать и что намъ; оттого мы видимъ, что здѣсь границы Монголіи подались на сѣверъ гораздо значительнѣе, чѣмъ на востокъ отъ Кяхты. Странно читать въ дополнительныхъ статьяхъ къ кяхтинскому трактату Владиславича сказку, данную (13 февраля 1729-го года) въ Селенгинскѣ посольской канцеляріи посланными съ комнатнымъ стольникомъ и комиссаромъ Колычевымъ для проведенія границъ на западъ отъ Кяхты, въ которой они пишутъ, что ими отмежевано отъ Монгольской земли большое пространство (въ длину на 6, а въ ширину на 3 дня пути), богатое всякаго рода звѣриными промыслами, и что русскіе промышленники, равно какъ ясачные, чрезвычайно довольны этимъ пріобрѣтеніемъ. Исторія говоритъ не такъ: на югъ отъ Красноярска и Кузнецка, въ 17 столѣтіи, находилось сильное владѣніе Алтыкъ-хановъ, съ которыми мы были не только въ сношеніяхъ, но которые даже присягали намъ на подданство. Это владѣніе погибло, въ моментъ нерчинскаго трактата, отъ того же Галдана, который, какъ мы сказали выше, заставилъ трехъ хановъ сѣверной

Монголіи искать помощи у Китая. Не могли ли мы послѣ этого объявить претензію на его владѣнія, и тогда наши земли подвинулись бы гораздо южнѣе; но видно у нашихъ посланниковъ не было никакихъ историческихъ свѣдѣній...

Затѣмъ снова идутъ постановленія о переходящихъ за-границу. Перебѣжчиковъ не велѣно принимать съ обѣихъ сторонъ, за переходъ чрезъ границу для разбоя или грабежа, трактатъ постановляетъ гораздо строжайшія правила, чѣмъ въ нерчинскомъ. Въ послѣднемъ было сказано только: „не позволять ни подъ какимъ видомъ переходить звѣроловамъ чрезъ опредѣленныя границы; если одинъ или два человѣка перейдутъ самовольно для охоты или воровства, то, схвативъ ихъ, препроводить въ свою землю къ начальникамъ, которые наказываютъ ихъ, смотря по тяжести ихъ вины; но если соберутся въ большомъ количествѣ, въ числѣ десяти или пятнадцати человѣкъ и съ оружіемъ въ рукахъ, или будутъ охотиться, или грабить и убивать, то такихъ непремѣнно наказывать смертью, по доведеніи до высочайшаго свѣдѣнія. «Въ новомъ трактатѣ уже говорится слѣдующее:» Ежели подвластные обоихъ государствъ перебѣгутъ, то предавать ихъ смерти на мѣстѣ поимки. Подобно этому, убивать и тѣхъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ перейдутъ границу и произведутъ убійство или грабежъ. Ежели кто перейдетъ чрезъ границу безъ письменнаго вида, но съ оружіемъ въ рукахъ, то, хотя бы онъ и не убилъ и не ограбилъ никого, также наказывать соразмѣрно съ этимъ (?!). Если убѣжитъ солдатъ или укравшій у своего господина, то, если онъ китаецъ, ему отрубается голова, а если русскій, то его удавляютъ (вѣшаютъ), а украденное возвращается прежнему хозяину. Ежели кто перейдетъ чрезъ границу и будетъ пойманъ въ воровствѣ верблюдовъ и прочаго скота, то передается для наказанія надлежащему начальству, которое должно наказать его за первый разъ взысканіемъ вдесятеро противъ украденнаго, во второй въ двадцать разъ, а въ третій предать смертной казни. Всѣхъ, которые, охотясь по близости отъ границы, отважатся охотиться въ чужой

землѣ, сверхъ того, что воровски набитыхъ ими звѣрей отобрать въ казну, но и самихъ предать наказанію. Ежели подлые люди, безъ всякаго виду, переѣдутъ чрезъ границу, то и ихъ также наказывать!“

Эти драконовскіе законы, конечно, могли быть внушены только китайскимъ правительствомъ, которое однакожъ какъ будто бы хотѣло свалить всю вину на насъ. Оно включило въ статью трактата, въ прибавленіе къ сейчасъ перечисленнымъ пунктамъ, фразу: *какъ россійскій посланникъ Савва Владиславичъ, графъ иллирійскій, постановилъ*. Мы видимъ здѣсь, кромѣ смертной казни, еще денежное взысканіе; всякій нечаянный переходъ за границу также долженъ быть наказанъ....

Подъ вліяніемъ того же духа написана и другая статья (8-я), въ которой положено, „чтобъ пограничные чиновники рѣшали всѣ дѣла безпристрастно и скоро; чтобъ тѣ, которые изъ собственныхъ выгодъ будутъ волочить дѣло или брать взятки, наказывались по законамъ своей страны“. Сюда же относится и статья (1-я), въ которой сказано, чтобы обѣ стороны строго обуздывали своихъ подчиненныхъ, и соблюдали всѣ условія постановленнаго трактата, не позволяя затѣвать дѣла. Китайцы такъ всегда привыкли видѣть въ своихъ сосѣдяхъ недобросовѣстность въ исполненіи обязательствъ, что они смотрѣли и на русскихъ, какъ на тѣхъ же номадовъ, съ которыми имъ только и приводилось имѣть дѣло до того времени.

Какія же особенныя выгоды представлялъ намъ трактатъ Рагузинскаго? Конечно, не преданіе забвенію прежнихъ дѣлъ и оставленіе перебѣжчиковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ засталъ трактатъ (статья 2-я), потому что это нужно было для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Конечно, также обоюдная необходимость требовала постановить правила, какимъ образомъ оба государства должны были сноситься и переписываться между собой (статья 6-я). По этой статьѣ нашъ сенатъ, тогда высшее правительственное мѣсто во всемъ государствѣ, долженъ былъ сноситься съ ли-фань-юанемъ, извѣстнымъ у насъ болѣе подъ именемъ трибунала. Но этотъ ли-фань-юань все-таки по рангу ниже другихъ министерствъ; собственное его назначеніе состояло въ управленіи вассальными владѣніями, каковы въ то

время были Монголія, Кукэноръ и Тибетъ; не слишкомъ лестно такое уравненіе, тѣмъ болѣе, что оно представляло, въ глазахъ всего Китая, Россію подчиненною богдыхану почти настолько же, какъ и Монголія. Конечно, мы могли бы выбрать съ своей стороны какое угодно присутственное мѣсто, хотя бы и самое низшее, для сношенія съ Китаемъ; но выборъ вассальнаго приказа былъ, по вышесказанной причинѣ, для насъ униженіемъ. Всѣ иностранныя государства обыкновенно сносятся съ Китаемъ чрезъ министерство церемоній. Причина выбора другого мѣста для сношеній съ нами заключалась, конечно, въ томъ, что на границахъ нашихъ была Монголія и, слѣдовательно, министерство церемоній должно было бы вести съ нами дѣла все-таки посредствомъ трибунала. Впрочемъ на этотъ счетъ должно замѣтить, что кому бы ни были поручены номинально наши дѣла, мы не могли бы пользоваться большимъ успѣхомъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ. Во-первыхъ, потому, что и трибуналъ о всѣхъ дѣлахъ сколько-нибудь выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, доноситъ императору, который постановляетъ рѣшеніе по предварительномъ разсужденіи министровъ; во-вторыхъ, трибуналъ, привыкши къ дѣламъ съ нами, и видя, что мы смирные для подвѣдомственныхъ ему земель сосѣди, скорѣе могъ насъ оцѣнить. Министерство церемоній, когда Китай былъ въ силѣ, налагало самыя тяжелыя условія для того, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Въ давнопрошедшія времена, еще не при настоящей династіи, бывали такіе казусы, что мелкій чиновникъ этого министерства, приходя къ европейскому посланнику, требовалъ, чтобъ онъ сталъ предъ нимъ на колѣни и угощалъ за сопротивленіе пощечинами!... Съ трибуналомъ имѣлъ право сноситься и тобольскій губернаторъ, управлявшій тогда всей Сибирью. По пограничнымъ дѣламъ, насчетъ воровства и перебѣжчиковъ, положено было, безъ крайней надобности, сноситься только чрезъ Кяхту между россійскимъ пограничнымъ начальникомъ (впослѣдствіи иркутскій губернаторъ) и монгольскими Тушету-ханомъ и княземъ Дань-чэнь-дорчжи (впослѣдствіи ихъ замѣ-

нили ургинскіе амбани). Когда изъ котораго государства отправятъ по казеннымъ дѣламъ посла или посланца, то онъ долженъ по прибытіи на границу, дать знать о себѣ и ожидать, когда прибудутъ для его сопровожденія; во время проѣзда ему должны давать лошадей и содержаніе, а по прибытіи на мѣсто отправленія давать, сверхъ содержанія, и квартиру. Только по самымъ крайнимъ и безотлагательнымъ дѣламъ можно посылать одного или 2-хъ человѣкъ, которые, предъявивъ свои бумаги, могли требовать немедленнаго препровожденія на мѣсто. Ежели которая нибудь сторона задержитъ переписку или посланца, не будетъ давать отвѣта или будетъ медлить, въ такомъ случаѣ останавливать посольство или купцовъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не объяснится (ст. 9). Послѣднее замѣчаніе прямо указываетъ, что эта статья трактата имѣла въ виду Россію, потому что, какъ мы увидимъ ниже, не китайцы ходили внутрь Россіи для торговли, но русскіе внутрь Китая. Впослѣдствіи китайцы сумѣли придать значеніе этой статьѣ, потому что, при всякомъ неудовольствіи на насъ, они, до новѣйшаго времени, закрывали торговлю на Кяхтѣ, тогда какъ трактатъ относился собственно къ пропуску купцовъ. Что касается права посылать посланниковъ то, до новѣйшаго времени, намъ ни разу не удалось воспользоваться этой статьей. Посольство графа Головкина, единственное, которое, въ 1805 г. мы снарядили, было въ Пекинъ, со времени заключенія трактата кяхтинскаго принуждено было воротиться изъ Урги; даже новѣйшее посольство графа Путятина, въ 1857 году, не было пропущено чрезъ Кяхту. Только г. Игнатьеву удалось проѣхать въ Пекинъ прямо изъ Россіи, но въ послѣднемъ случаѣ мы ссылались уже не на трактатъ графа Рагузинскаго, а на статьи тянь-цзинскаго трактата, заключеннаго графомъ Путятинымъ, который для того, чтобъ войти въ сообщеніе съ Китаемъ, долженъ былъ плыть по Амуру въ Восточный океанъ, и долго странствовать вдоль береговъ Китая, до тѣхъ поръ, пока побѣдоносныя войска союзниковъ не проложили ему пути къ Тянь-цзину. Въ статьѣ объ отправленіи пословъ и посланцевъ не сказано ясно, куда ихъ могли отправлять съ обѣихъ

сторонъ, т. е. не упомянуто, что они могутъ ѣздить въ столицы обоихъ государствъ. Вотъ, конечно, одна изъ причинъ, по которой китайцы, любящіе придерживаться буквы трактатовъ лучше всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, не считали себя обязанными принимать нашихъ пословъ. Зато вошло въ обычай, что когда изъ нашего сената отправлялся листъ въ трибуналъ, то отправляемые изъ Иркутска или Кяхты чиновники проѣзжали до Урги, равнымъ образомъ и ургинскіе чиновники ѣздили въ Иркутскъ съ *грамотами* изъ трибунала въ сенатъ.

Только двѣ статьи (5-я и 4-я) касались личныхъ интересовъ Россіи. Въ одной изъ нихъ (5-й) опредѣлялось существованіе русской миссіи въ Пекинѣ; въ другой постановлялись правила для торговли.

Построенное въ Пекинѣ китайскимъ правительствомъ для русскаго посольства подворье назначалось впредь для исключительнаго пребыванія пріѣзжающихъ русскихъ; другими словами, китайское правительство придавало большую важность нѣсколькимъ зданіямъ, обѣщаясь не отдавать ихъ никому другому, тогда какъ, по предъидущимъ статьямъ трактата, оно уже обязывалось давать намъ помѣщеніе. Постройка церкви въ этомъ подворьѣ на счетъ китайскихъ чиновниковъ внесена въ трактатъ, какъ важная услуга. Такъ какъ въ Пекинѣ образована была русская рота изъ плѣнныхъ и перебѣжавшихъ въ Китай казаковъ, большею частью албазинцевъ, и они въ то время были привязаны къ христіанской религіи, и имѣли при себѣ священника, то Рагузинскій почему-то вздумалъ увеличить составъ духовныхъ, и со времени трактата до новѣйшаго времени жили постоянно въ Пекинѣ по четыре монаха разныхъ ранговъ, тогда какъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія едва ли можно было насчитать и четырехъ усердныхъ православныхъ; о новообращенныхъ китайцахъ нечего и говорить, Кромѣ этихъ духовныхъ, названныхъ ламами, названіемъ, присвоеннымъ буддійскимъ, монгольскимъ, слѣдовательно, языческимъ жрецамъ, позволялось жить 4 младшимъ и двумъ старшимъ, знающимъ сверхъ русскаго и латинскій языкъ, ученикамъ для изученія языковъ китайскаго, а больше

маньчжурскаго. Это было прямое требованіе необходимости для возможности вести переписку между двумя государствами. Хотя тщеславный богдыханъ Цень-Луи и усомнился когда-то въ способности русскихъ изучить мудрость его страны, однако-же, говоря безпристрастно, китайцы никогда не въ силахъ были написать въ Россію хотя одну бумагу по-русски. Значеніе нашей миссіи возбуждало много противоположныхъ вопросовъ: одни укоряли ее за то, что она, въ продолженіе 130 лѣтъ, не принесла никакой пользы, другіе гордились тѣмъ, что одни русскіе имѣютъ право жить въ столицѣ богдыхана, котораго они никогда не видывали. Разборъ этихъ вопросовъ мы отлагаемъ до другого времени, скажемъ только здѣсь, что вовсе не наша миссія способствовала къ сближенію Россіи съ Китаемъ, что никогда миссіонеры не участвовали ни въ какихъ переговорахъ по международнымъ дѣламъ, что между тѣмъ европейцы слишкомъ много и напрасно завидовали нашему счастью. Китайское правительство выказало свою щедрость къ миссіи, оно не замедлило въ трактатѣ написать, что оно будетъ давать содержаніе, какъ ламамъ, такъ и ученикамъ. Но всѣ расходы его на всѣхъ, деньгами и хлѣбомъ, не превышали въ мѣсяцъ какихъ-нибудь 50 руб. сер.; стоило же изъ этого принимать на себя славу, что мы рады пожить на чужой счетъ, тогда какъ въ послѣднее время наше правительство издерживало въ годъ на миссію собственно по 17,000 руб. сер.!

Наконецъ, остается говорить о торговлѣ. Въ 4-й статьѣ трактата говорится: по предложенію Саввы Владиславовича, позволяется обоимъ государствамъ производить торговлю. Вслѣдствіе этого, на прежнемъ основаніи, позволяется торговымъ людямъ приходить въ столицу чрезъ каждые три года въ числѣ, непревосходящемъ 200 человѣкъ, но такъ какъ это все торговые люди, то прекращается прежняя выдача имъ содержанія и путевыхъ издержекъ. Съ купленныхъ и проданныхъ товаровъ не будутъ браться пошлины, но купцы, по прибытіи на границу, должны напередъ объявлять о своемъ прибытіи, чтобы отправить къ нимъ на встрѣчу чиновника и препроводить для тор-

говли. Ежели на дорогѣ понадобится имъ купить верблюдовъ и лошадей, съѣстныхъ припасовъ или нанять работниковъ, то позволяется имъ покупать и нанимать на свой счетъ. Управляющіе, караванные чиновники и начальники должны тщательно присматривать за подчиненными, и въ случаѣ спора рѣшать по справедливости; такъ какъ караванный начальникъ будетъ старшій (т. е. чиновникъ), то съ нимъ будутъ обращаться вѣжливо. Кромѣ запрещенныхъ въ обоихъ государствахъ товаровъ, не запрещается покупать и продавать какіе бы то ни было товары. Въ случаѣ, если кто безъ позволенія караваннаго начальника (а значитъ съ позволенія было еще можно) захочетъ самовольно остаться, то его не оставлять. Въ случаѣ чьей-либо смерти, имущество его выдавать его государству.

„Кромѣ этого взаимнаго производства торговли (внутри государствъ), на границахъ обоихъ государствъ, для производства мелочной торговли, предоставляется брать удобное мѣсто, въ окрестностяхъ селенгинской Кяхты и Нерчинска, построить тамъ жилища и ѣздить туда для торговли, и вокругъ этихъ жилищъ построить палисады или ограды. Но во всѣ эти мѣста ѣздить по опредѣленной дорогѣ; ежели кто поѣдетъ туда окольной дорогой, или по другой дорогѣ поѣдетъ для торговли въ другое мѣсто, то товары его отбирать въ казну. Для единодушнаго наблюденія за этимъ и для управленія дѣлами командировать съ обѣихъ сторонъ равныхъ чиновниковъ и одинаковое число солдатъ“...

Сюда же относится и постановленіе, упомянутое въ 9-й статьѣ по поводу посылаемыхъ въ ту и другую сторону посланцевъ и посланниковъ, что ежели имъ случится ѣхать не въ тотъ годъ, въ который опредѣленъ срокъ пріѣзда купеческаго каравана, то имъ не позволяется брать съ собой товаровъ. Китайцы такъ привыкли смотрѣть на всѣ народы съ одной точки, что полагали, что и наши посланники будутъ заниматься торговлей. Извѣстно, что всѣ посольства другихъ народовъ имѣли въ глазахъ китайцевъ одну цѣль: поднесеніе дани богдыхану. Нерѣдко случалось, что купцы отдаленныхъ странъ изъ

Персіи или Туркестана, составивши караванъ, выдавали себя за посольство съ данью, для того, чтобы провести свои товары безпошлинно и даже на счетъ китайскаго правительства. И нынѣ Корея и Тибетъ ревностно приносятъ дань Пекину, для того, чтобы доставить въ этотъ городъ товары на китайскій счетъ. Впрочемъ должно замѣтить, что въ обоихъ трактатахъ нашихъ, даже въ китайскомъ и маньчжурскомъ текстахъ, нигдѣ не упоминается о принесеніи нами дани; слѣдовательно, китайцы не имѣли никакого права смотрѣть на посольство графа Головкина съ этой точки зрѣнія.

И такъ торговыя сношенія наши съ Китаемъ, по трактату Рагузинскаго, распадались на двѣ части: главнѣйшая должна была заключаться въ караванахъ, которые могли ходить до Пекина, безъ платы пошлины взадъ и впередъ, что имѣло важное преимущество, потому что давало перевѣсъ надъ пограничной тѣмъ, что китайскіе купцы, проѣзжая по своимъ землямъ, должны были платить пошлины на внутреннихъ таможняхъ. Однако же здѣсь есть уже важное ограниченіе противъ нерчинскаго трактата: тамъ, какъ мы видимъ, не опредѣлялось числа людей и времени; всякій могъ ѣхать торговать, когда ему угодно и даже куда и откуда угодно, потому что въ трактатѣ ничего этого не было оговорено, а только требовалось имѣть законное свидѣтельство. Собственно говоря, и въ кяхтинскомъ трактатѣ не было сказано, съ какой стороны границы должны были приходить наши караваны; но мы любили читать между строками трактата, чтобы давать имъ толкованіе въ ущербъ своей пользы.. Но во всякомъ случаѣ, если бы мы захотѣли ѣхать и изъ Семипалатинска, то все-таки караванъ долженъ былъ ѣхать въ Пекинъ, и при томъ въ опредѣленномъ количествѣ и чрезъ извѣстное число лѣтъ. Что китайцамъ нужно было ограничить число людей—это понятно: они такъ привыкли страдать отъ иностранцевъ, что, пожалуй, имъ могло прійти въ голову, что мы подъ этимъ предлогомъ снарядимъ цѣлую армію. Отъ этого не страдала бы торговля, потому что намъ предоставлялось право нанимать китайскихъ подданныхъ съ ихъ

лошадьми и верблюдами, слѣдовательно, съ самой границы караванъ могъ принять неимовѣрные размѣры. Но зачѣмъ было допускать разсрочку отправленія каравановъ, вести ихъ въ одно мѣсто — вотъ что необъяснимо. Что китайцы назначаютъ опредѣленные сроки, чрезъ сколько лѣтъ какое государство или какой народъ, какой владѣлецъ можетъ приходить съ данью, подразумѣвая при этомъ и купеческій караванъ, то это понятно, потому что казна, какъ мы сказали, везетъ все посольство и всѣ вещи на свой счетъ, но вѣдь мы брались ѣздить на свой счетъ. Китайцы, довольные другими статьями, не имѣли намѣренія заграждать развитіе нашей торговли: они всегда знали, что торговля есть одинъ изъ могущественныхъ дѣятелей, который заставляетъ иностранцевъ быть смирными. Въ приведенной нами статьѣ два раза повторено, что она принимается по предложенію (буквально: разсужденію) графа иллирійскаго. Ясно, что графъ Савва Владиславичъ (соб. Савва Лукичъ-Владиславичъ Рагузинскій), никакъ не предполагая будущаго развитія нашей торговли, смотрѣлъ на нее по требованіямъ того времени. Караваны предполагалось посылать болѣе отъ казны изъ Пекина до Петербурга и обратно. Тогда 3 года пути казалось еще, можетъ быть, очень скоро. А онъ не зналъ, что китайцы любятъ придерживаться буквы трактата, и нелегко измѣняютъ то, на что они однажды рѣшились. Онъ упустилъ также изъ виду, что въ такомъ государствѣ, каково китайское, гдѣ чиновникъ привыкъ смотрѣть на себя, какъ на деспота или представителя самовластнаго государя, иностранные торговцы могутъ быть стѣснены даже противъ желанія правительства. Чиновники, подъ предлогомъ присмотра, будутъ дозволять сноситься съ ними только тѣмъ, кто имъ заплатитъ больше, слѣдовательно, наши товары не будутъ имѣть настоящей цѣны, а китайскіе будутъ покупаться вдвое дороже.

Наша караванная торговля не развилась, она пала, вслѣдствіе развитія кяхтинской торговли, которая подорвала впослѣдствіи и Цурухайту, другой пограничный пунктъ, предполагаемый въ трактатѣ,

какъ, скоро Кяхта падетъ впослѣдствіи, отъ ближайшихъ къ Россіи пунктовъ: Чугу-Чака и Кульчжи. Но если это развитіе достигло величайшихъ размѣровъ, какихъ вовсе не предполагалъ графъ Рагузинскій, то чего достигла бы торговля, если бы трактатъ, которому предоставлялся полный просторъ, могъ предвидѣть будущее и самъ собой не поставлялъ преградъ усиленію нашей торговли? Мы увѣрены, что наша караванная торговля, несмотря на опасеніе и зависть англичанъ, не приметъ такихъ широкихъ размѣровъ, какъ пограничная. Китаецъ у себя дома, всегда опытный въ торговлѣ, знающій всѣ ея изгибы въ своемъ отечествѣ, всегда доставитъ на границу товары дешевле, чѣмъ иностранецъ, пріѣхавшій въ неизвѣстную ему страну, хотя бы онъ и не заплатилъ пошлинъ, но караванная торговля, будетъ всегда побужденіемъ къ развитію пограничной. Если наши старинные караваны проложили путь кяхтинской, то чего ожидать должно отъ новаго позволенія ѣздить со всѣхъ пунктовъ внутрь всей огромной страны, принадлежащей Китаю? Только близкое знакомство съ страной, а не пограничная торговля, можетъ открыть новые источники промышленности. Мы приведемъ два примѣра, какъ иногда предметъ, доселѣ необращавшій на себя вниманія, можетъ послужить источникомъ богатства. Одинъ изъ богатѣйшихъ домовъ въ Москвѣ, владѣвшій въ 40-хъ годахъ, почти третью всѣхъ привозимыхъ въ Кяхту чаевъ, обязанъ своимъ началомъ металлическимъ пуговицамъ. Основатель этого дома, будучи приказчикомъ на Кяхтѣ, и скопивъ небольшую сумму, привезъ китайцамъ металлическихъ пуговицъ, которыя въ то время, за частою перемѣной у насъ формъ, оставались безъ употребленія. Китайцы разобрали все нарасхватъ, и бывшій приказчикъ превратился въ богатаго купца. Еще въ послѣдніе годы одинъ изъ членовъ пекинской миссіи попробовалъ высылать въ Петербургъ драгоцѣнные камни: то, на что онъ употребилъ въ Пекинѣ (замѣтьте, еще онъ въ главномъ пунктѣ добыванія драгоцѣнныхъ камней) 5,000 руб. сер., оцѣнено въ Петербургѣ въ 40,000 руб. Мы слышали что покойный графъ Перовскій, которому вы-

сланы были сверхъ того два изумруда за 150 руб., оцѣнивалъ ихъ въ 9,000 руб. Неужели послѣ этого должно предполагать, что уже всѣ источники торговли со всѣхъ сторонъ истощены? Хотя нашимъ купцамъ было бы и непріятно, чтобы сами китайцы ѣздили къ намъ въ Россію для торговли, однако-жъ, если торговля существуетъ не для купцовъ только, а для производителей, то наша промышленность отъ этого не только ничего не потеряетъ, но, само собой разумѣется, чрезвычайно выиграетъ! Правда, что китайское правительство едва ли когда нибудь станетъ добровольно поощрять своихъ купцовъ ѣздить въ чужія страны, но должно замѣтить, что не только въ новомъ трактатѣ г. Игнатьева, но даже и въ старой кяхтинской статьѣ о торговлѣ не говорится, что будутъ ѣздить одни русскіе въ Пекинъ, и что взаимно и китайцы могутъ ѣздить въ Петербургъ.

И такъ самое лучшее созданіе трактата графа Рагузинскаго была кяхтинская торговля, но и здѣсь онъ непредвидѣнно поставилъ самъ ей преграды. Мы видимъ, въ приведенной статьѣ, оговорку, что на мѣсто торговли должны ѣздить по указанной дорогѣ, что нельзя торговать на другихъ пунктахъ. Цѣль этихъ словъ, очевидно, заключалась въ томъ, чтобъ дать правительству возможность слѣдить за торговлей, собирать вѣрныя пошлины, которыя однако-жъ по трактату были отмѣнены. Китайцы, вѣрные буквы трактата, сдержали, къ несчастію, свое слово очень честно и точно. Сначала они должны были заманивать своихъ купцовъ ѣздить на Кяхту, даже побудить насильственно, какъ это нерѣдко случается въ Китаѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они *указали* дорогу на Кяхту, изъ Калгана, такъ что въ первой, до послѣдняго времени, не имѣлъ права торговать никто, кто не имѣлъ магазина въ послѣднемъ. Между тѣмъ, Калганъ вовсе не есть великій торговый рынокъ на Средней Азіи, на границахъ Китая съ Монголіей; въ Кяхту могли бы ѣздить съ большимъ удобствомъ купцы изъ Нинъ-ся, Кукэхото, Далоннора и особенно купцы изъ приморскихъ городовъ Маньчжуріи. Все это большіе рынки, имѣющіе прямое сообщеніе съ внутренними странами

Китая, и всѣ они были закрыты для нашей торговли. Такимъ образомъ, кяхтинская торговля со стороны китайцевъ отдана была въ руки монополистовъ.

III.

Трактаты нерчинскій и кяхтинскій служили единственнымъ основаніемъ всѣхъ нашихъ сношеній съ Китаемъ до новѣйшаго времени, въ продолженіе почти 170 лѣтъ. Въ теченіе послѣднихъ 130 лѣтъ, до айгунскаго и тяньцзинскаго трактатовъ, мы, обладатели громаднаго царства, сосѣдственнаго съ другимъ не менѣе обширнымъ владѣніемъ, не вступая съ нимъ ни въ какія тѣсныя сношенія, жили буквами стараго времени! Въ исторіи не найдется другого примѣра такой неподвижности. Международная жизнь, установленная этими трактатами, была неодинаково чувствуема съ обѣихъ сторонъ. Въ Китаѣ голосъ народа подавляется его собственной многочисленностью, и потому интересы нѣкоторыхъ не могли возбудить общаго сочувствія, правительство же радо было возможности не хлопотать хоть на одной части своихъ огромныхъ границъ. Съ этой стороны нечего было ожидать стремленія къ измѣненію въ трактатахъ. Въ Россіи, чѣмъ далѣе продолжались трактаты, тѣмъ болѣе чувствовалась ихъ тягость и народомъ и правительствомъ. Потеря Амура, представлявшаго столько удобствъ къ сообщенію съ владѣніями нашими на Восточномъ океанѣ, къ развитію нашего флота, на единственномъ открытомъ для насъ океанѣ, въ пунктахъ, обильныхъ строевыми матеріалами, въ точкахъ, изъ которыхъ намъ открывался близкій путь въ Америку, эта потеря была жестокой раной, которой равно мучились и правительство и народъ. Чѣмъ больше развивалось правильное устройство въ Сибири, тѣмъ чувствительнѣе становилась ампутація, произведенная китайцами; чѣмъ сильнѣе развивалась наша торговля, тѣмъ правительство и народъ болѣе и болѣе сознавали, что мы не извлекаемъ всѣхъ выгодъ, которыя указаны самой природой и сосѣдствомъ съ имперіей, совершенно противоположной намъ по своимъ произведеніямъ.

Чѣмъ государство наше болѣе пріобрѣтало силы и славы, тѣмъ болѣе странными казались тѣ холодныя отношенія, въ которыя заковалъ себя нашъ сосѣдъ... Мы разобрали уже отчасти содержаніе нашихъ трактатовъ и оцѣнили, по возможности, каждую статью ихъ; надѣемся, что не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что главный ихъ недостатокъ заключался въ поспѣшности ихъ составленія; отъ этого произошло то, что наши уполномоченные имѣли въ виду одно настоящее, не потрудились заглянуть въ будущность. Время шло и возбуждало новыя требованія, но какъ измѣнить старинные трактаты, особливо когда китайцы показывали все упорство сохранить ихъ и намекали, не знаемъ только кто, едва ли не мы сами, что домогательство большаго можетъ лишить и того, что уже имѣемъ. Трактаты имѣли все свойство китайскаго духа: они способны были повергнуть хоть кого въ апатію и нерѣшительность. Занятые болѣе дѣлами Запада, мы давали засыпать чувствамъ бодрости и энергіи, которыя подчасъ являлись въ насъ, и, странное дѣло, тѣ же дѣла Запада поспѣшили къ намъ на помощь, вывели насъ изъ летаргическаго сна!...

Перемѣна въ трактатахъ могла быть произведена или путемъ войны, или путемъ дипломатическимъ. Первое средство представляло мало оправданія въ собственныхъ нашихъ глазахъ; успѣхи нашего оружія хотя и были бы несомнѣнны, за то они обошлись бы намъ очень дорого въ такомъ отдаленномъ краѣ. Сосѣдъ нашъ могъ оказаться особенно упрямымъ, если бы мы не напрягли всѣхъ усилій, т. е. не рѣшились бы проникнуть до собственнаго Китая, что не такъ-то легко, а въ случаѣ, если бы онъ напустилъ въ нашу Сибирь сонмы номадовъ, то едва расцвѣтающій край могъ бы лишиться всѣхъ плодовъ гражданственности, занесенной въ него съ такими усиліями. Время войны, болѣе богатое случаями, которые насъ вызывали почти на нее, падало на послѣднее шестидесятилѣтіе прошлаго столѣтія, а въ это время въ Китаѣ царствовалъ могущественнѣйшій и тщеславнѣйшій государь Востока, который не пожалѣлъ бы никакихъ жертвъ, чтобъ выпутаться съ честью изъ затѣяннаго столкно-

венія. Да и чѣмъ дольше мы жили безъ войны съ Китаемъ, тѣмъ она должна была казаться ненормальнѣе. Вообще, была какая-то странная судьба, которая влекла насъ къ мирнымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Императоръ Павелъ готовъ былъ уже наказать высокомѣрнаго сосѣда, какъ кончина его остановила военныя приготовленія. Императоръ Александръ хотѣлъ еще испытать мирныя средства: снаряжено было посольство графа Головкина. Наглый пограничный начальникъ прогоняетъ его изъ Урги. Возможно ли было простить такую дерзость? Но въ это время на Западѣ лавры Наполеона отвлекли все наше вниманіе отъ Востока!

Итакъ намъ оставался для измѣненія трактатовъ одинъ путь дипломатическій. Но, замѣтимъ прежде всего, что этотъ путь могъ быть удачнымъ только въ такомъ случаѣ, когда мы твердо рѣшились бы поддержать свои требованія силой оружія, а очевидно, что мы далеки были начинать серьезно непріязненныя дѣйствія. При томъ же путь переговоровъ предполагаетъ хоть съ одной стороны изученіе языка той страны, съ которой переговариваются. Мы говоримъ языка, не подразумѣвая подъ этимъ какихъ-нибудь іероглифовъ, но понятій, духа страны, съ которой ведутъ переговоры, изученіе ея собственныхъ интересовъ,—иначе всякіе переговоры непонятны, а мы видимъ, что даже половина нашихъ посланниковъ, Спафарій и Рагузинскій, были иностранцы, слѣдовательно не знали вполнѣ интересовъ даже страны, которой были представителями, отъ имени которой договаривались. Мы не знаемъ также, чтобъ, до новѣйшаго времени, въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ бывали лица, посвятившія себя изученію Востока, а особенно Китая.... Едва-ли многіе изъ прежде управлявшихъ и завѣдывавшихъ сношеніями съ Китаемъ вникали въ букву трактатовъ, въ которыхъ, благодаря варварскому языку, нужно было постоянно дѣлать новые переводы съ китайскаго или маньчжурскаго текста. Однако же, на основаніи буквы этихъ трактатовъ, намъ давались многія права, которыми мы не воспользовались въ продолженіе 130 лѣтъ. Мы читали болѣе между строками, нежели самыя строки.

По трактату Рагузинскаго, нашъ сенатъ имѣлъ право переписываться съ китайскимъ трибуналомъ на равныхъ правахъ.... Желали бы мы имѣть подъ рукой полный итогъ всѣхъ бумагъ, вышедшихъ изъ-подъ пера нашего сената, подъ которымъ должны нынѣ разумѣть азіатскій департаментъ. Въ продолженіе 130 лѣтъ ихъ не наберется, навѣрно, и сотни. До новѣйшаго времени вся переписка нашего сената состояла въ отправленіи пекинской миссіи и посылкѣ къ ней серебра, слѣдовательно, въ двухъ очередныхъ бумагахъ въ продолженіе десяти лѣтъ. Иногда сами китайцы вызывали нашъ сенатъ къ перепискѣ требованіемъ объясненій относительно появленія нашего въ киргизскихъ степяхъ и т. п. Только нѣсколько бумагъ послано по случаю неудачи посольства графа Головкина. Вотъ вся извѣстная, по крайней мѣрѣ намъ, до послѣдняго десятилѣтія, переписка наша съ Китаемъ. Почему же мы сами не заводили переписки, не рѣшались высказать китайскому правительству, что у насъ было на душѣ? Объясняли обыкновенно тѣмъ, что сенату, такому высокому мѣсту, можно писать бумаги только въ такомъ случаѣ, когда онъ можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своихъ предложеній. Но полно, такъ-ли? Не будетъ ли больше правды въ томъ, что люди, которые могли писать отъ имени сената, не знали, что и какъ писать, несмотря на то, что они смотрѣли на себя, какъ на представителей европейскаго просвѣщенія.

По кяхтинскому трактату предоставлялось обѣимъ сторонамъ посылать взаимно посланниковъ по государственнымъ дѣламъ. Китайцы прекрасно воспользовались этой статьей, когда имъ нужно было переговариваться съ нашими калмыками на Волгѣ, чтобъ сманивать ихъ къ побѣгу назадъ въ Цзюнгарію; такого рода посольства вовсе не подразумѣвались въ нашихъ трактатахъ, а мы ихъ охотно допустили. Что китайцы не пользовались впослѣдствіи этимъ правомъ, это понятно, потому что они были черезчуръ довольны трактатами, обезпечивающими ихъ неподвижность. Но почему мы съ своей стороны не хотѣли поддерживать право, дарованное трактатомъ, этого объяснить не можемъ. Намъ въ XVIII и въ

нынѣшнемъ столѣтіи надобно было бы какъ можно чаще напоминать китайцамъ эту статью договора, а не доводить ее до забвенія, какъ случилось въ 1805 г., когда китайцы нашему посольству придали видъ *даннического*. Положимъ, что наши посланники, не удостоивались бы незавидной чести преклонять колѣни предъ богдыханомъ, но они имѣли бы полное право вести переговоры въ самомъ Пекинѣ съ полномочными отъ богдыхана министрами, отъ котораго, конечно, не скрыто было-бы ни одно слово нашего посланника.

Мы спѣшимъ однако же оговориться, чтобъ читатели не заключали изъ нашего разсужденія, что мы обвиняемъ прошедшія времена и прошедшихъ дѣятелей. Только опытность и послѣдствія обнаруживаютъ тогдашніе промахи и ошибки, а кто можетъ поручиться, что въ то время кому бы то ни было можно было смотрѣть на вещи прямыми глазами. Мы выставили все это на видъ только въ назиданіе послѣдующимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ, чтобъ они старались быть осторожнѣе, дѣятельнѣе и внимательнѣе при изученіи нашихъ сношеній съ Китаемъ. Пусть никто изъ будущихъ дѣятелей не беретъ на себя тяжелой отвѣтственности направлять дѣла съ самонадѣянностью безъ всякаго изученія, безъ всякаго призванія, съ одной увѣренностью, что впослѣдствіи никто не осмѣлится указать на его невѣжество, что въ настоящемъ ему удалось обаять всѣхъ своимъ шарлатанствомъ.

Когда мы пристальнѣе вглядимся въ послѣдующія за трактатами событія, и познакомимся съ дерзостями китайскаго правительства, за которыя, въ свое время, мы не могли достойно отплатить, тогда мертвенное положеніе нашихъ дипломатическихъ сношеній будетъ еще понятнѣе. Не прошло тридцати лѣтъ по заключеніи кяхтинскаго трактата, какъ послѣдовали серьезныя столкновенія вслѣдствіе настойчиваго требованія китайцевъ исполненія съ нашей стороны буквальнаго смысла трактата. Мы уже говорили, что въ это время царствовалъ тщеславнѣйшій китайскій государь Цянъ-Лунь, побѣдитель цзюнгаровъ, усмиритель горцевъ; онъ хотѣлъ, чтобъ *всѣ* народы прекло-

нялись предъ его тономъ и чувствовали его могущество. Россія, казалось ему, не была достаточно почтительна къ его богдыханскому величеству, потому что не посылала посольствъ, потому что, будучи сосѣдомъ, не была вписана въ число данницъ. Китайцы никогда не заведутъ съ другимъ народомъ сами войны безъ твердой увѣренности побѣдить; за то, при всякой возможности дать себя почувствовать, они не упустятъ перваго случая: это наглые забіяки во время счастія, которые однако подобострастно пресмыкаются передъ счастливымъ непріятелемъ, въ случаѣ неудачи.

Доселѣ мы только постановляли трактаты съ китайцами, по мѣрѣ распространенія границъ съ той или другой стороны; теперь пришлось пожинать плоды этихъ трактатовъ. По кяхтинскому трактату за всякаго, вторгшагося въ предѣлы другого владѣнія, его правительство отвѣчало штрафомъ вдесятеро и въ двадцать разъ болѣе, причиненнаго имъ, убытка. Усмотрѣть съ нашей стороны вдоль тянущейся на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ границы, оберегаемой слабыми кордонами, было невозможно. Наши подданные, между тѣмъ, разумѣется, были смѣлѣе и отважнѣе и не такъ строго надзираемы, какъ китайскіе. Намъ приходилось много отвѣчать; въ трактатѣ не сказано было точно, что штрафъ платится непремѣнно пострадавшей сторонѣ, но въ практическомъ примѣненіи принято было такое толкованіе; сверхъ того не всегда было возможно услѣдить за преступниками, даже убѣдиться, дѣйствительно ли преступленіе было совершено подданнымъ сосѣдняго государства. Это порождало споры и столкновенія. Идя прямо по пограничной чертѣ, проведенной отъ Кяхты, гора Бургултай, лежащая у этого торговаго пункта, должна была принадлежать вся намъ; мы построили на ней строенія, и, кажется, хотѣли заложить крѣпость, чтобъ импонировать на лежащій противъ этой горы китайскій Май-май-ченъ, но китайское правительство воспротивилось этому. Сверхъ того въ трактатѣ сказано было, чтобъ въ Кяхтѣ не брать пошлины; наше правительство, не имѣвшее внутреннихъ заставъ, находило это невыгоднымъ, и стало

собирать пошлины. Китайцы сочли это нарушеніемъ трактата. Въ трактатѣ нерчинскомъ сказано было, чтобы изъ пустяшныхъ дѣлъ не доходить до войны. Китайцы это исполнили; но съ другой стороны у нихъ было могущественное орудіе къ понужденію своихъ сосѣдей исполнять принятыя обязательства: это закрытіе торговли. У насъ же ходили торговые караваны въ Пекинъ. Въ трактатѣ именно оговорено было, что, въ случаѣ разногласія и неудовлетворенія запросовъ, недовольное правительство имѣетъ право прекращать отправленіе каравановъ, останавливать посланниковъ. Китайцы не въ первый разъ выдумали это правило: за тысячу лѣтъ предъ этимъ, равно какъ и въ послѣднее время, они постоянно прибѣгали въ сношеніяхъ съ иностранными государствами къ этой своего рода экзекуціи; не то чтобы они не сознавали выгодъ своего народа отъ торговли, но такъ какъ всѣ народы равно имѣютъ нужду въ китайскихъ произведеніяхъ, то правительство смотрѣло на позволеніе торговать тѣмъ или другимъ, какъ на милость и награду за кроткое и почтительное обращеніе.

Впрочемъ всѣ эти непріятности были такъ мелочны, что, конечно, ни съ той, ни съ другой стороны не довели бы до серьезнаго разрыва, и могли бы быть покончены на первыхъ же порахъ. Но китайцы не хотѣли сдѣлать послабленія, имѣя въ виду именно прежніе примѣры сношеній своихъ съ другими народами. Что дескать если на этотъ разъ спустить олосу (русскому), или посмотрѣть на дѣло сквозь пальцы, вѣдь этотъ иностранецъ позволитъ себѣ еще больше дерзостей противъ Небесной имперіи. Вотъ причина китайской настойчивости, которая могла еще болѣе поддерживаться въ нихъ недавнимъ завоеваніемъ Цзюнгаріи. Съ своей стороны мы не слишкомъ торопились оказывать угожденіе, потому что уже тогда, видимо, тяготились трактатами, и думали о томъ, нельзя-ли въ нихъ сдѣлать измѣненія. Это ясно видно изъ инструкціи или кредитива, даннаго Екатериной II полковнику Ивану Кропотову, посланному въ 1768 г., въ званіи комиссара, въ Кяхту, для улаженія происшедшихъ несогласій съ китайцами. „Желая, сказано въ инструкціи, прекратить всѣ не-

удовольствія и непріятности, происходившія отъ споровъ о границѣ, розысканіяхъ покражъ, возстановить прежнее спокойствіе, утвердить съ великимъ ханомъ прочный и ненарушимый міръ, даровать подданнымъ обоихъ государствъ благоденствія, дать возможность имъ извлекать пользу изъ обоюдныхъ торговыхъ сношеній, мы послали приближеннаго къ намъ полковника Кропотова утвердить болѣе прочный миръ двухъ государствъ, сдѣлать письменныя постановленія и взаимно обмѣнять ихъ".

Такія выраженія ясно показываютъ, что русское правительство отнюдь не было бы прочь, если бы Кропотовъ написалъ новый трактатъ на совершенно другихъ основаніяхъ. Но что была за охота отказываться отъ прежнихъ своихъ выгодъ китайцамъ?

Мы не помнимъ, чтобы гдѣ-нибудь опубликованы были документы, относящіеся къ переговорамъ Кропотова; но намъ остается возможность сообщить читателямъ сущность дѣла по находящемуся у насъ, на маньчжурскомъ языкѣ, отвѣту китайскихъ уполномоченныхъ на пункты, которые имъ сообщилъ Кропотовъ.

Ст. 1-я. *Комиссаръ просилъ, чтобы продолжать согласіе обоихъ государствъ попрежнему.*

Отвѣтъ. Уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наше великое государство граничитъ съ русскимъ. Русское государство все-таки, нарушая утвержденныя правила, не исполняетъ трактата, а мы во всякомъ дѣлѣ, слѣдуя справедливости, вовсе не нарушали и не преступали трактата. Но такъ какъ теперь разсуждалось о томъ, что оно будетъ исполнять по прежнему, то слѣдуетъ исполнить по прошенію.

Ст. 2-я. *Комиссаръ проситъ, чтобы на границѣ не брать пошлины съ нихъ, русскихъ людей.*

Отвѣтъ. Въ первоначально постановленныхъ одиннадцати статьяхъ (кяхтинскаго трактата) сказано, чтобы не брать пошлины при взаимной торговлѣ. Но русское правительство, гоняясь за интересами, стало брать съ своихъ собственныхъ людей тяжелую пошлину, отчего вздорожала цѣна вещамъ, почему и велѣно остановить (закрыть) торговлю. Теперь же, такъ какъ

просьба о невзиманіи пошлины, согласна съ перво начально утвержденными статьями, то слѣдуетъ исполнить ее по прошенію.

Ст. 3-я. Комиссаръ проситъ, для доставленія живущимъ въ Пекинѣ русскимъ людямъ на содержаніе серебра, назначить цѣну при продажѣ нашимъ людямъ на границѣ ихъ товаровъ, передать ихъ людямъ это серебро за товары (серебромъ за проданные на границѣ товары), *по прибытіи* (товаровъ или купцовъ) *въ Пекинъ.*

Отвѣтъ. Государь (китайскій) оказываетъ милость къ русскимъ людямъ, живущимъ въ Пекинѣ, награждаетъ ихъ жалованьемъ для ихъ содержанія; но нѣтъ ничего невозможнаго, чтобъ и изъ русскаго государства присылали имъ на содержаніе серебро. Только такъ какъ это было неважное, то это можетъ быть произведено, смотря по обстоятельствамъ. Кромѣ того, что въ большомъ присутственномъ мѣстѣ (т. е. китайскомъ трибуналѣ) не займутся такимъ ничтожнымъ и малымъ дѣломъ, да и хоть маленькому чиновнику нѣтъ дѣла до торговли съ купцами. (Потому) такъ какъ это дѣло неважное, то оставить его безъ разсужденія (т. е. безъ вниманія).

Ст. 4-я. *Комиссаръ проситъ: начиная съ будущаго года, когда ихъ купеческій торговый караванъ отправится для торговли въ Пекинъ, то на пути въ столицу въ проходимыхъ городахъ и торговыхъ мѣстечкахъ не запрещать ихъ людямъ покупать и продавать по ихъ волѣ, и чтобы не было переписки* (по отправленію каравановъ) *между обоими мѣстами* (т. е. государствами *).

Отвѣтъ. Было постановленіе: въ три года одинъ разъ приходить для торговли въ Пекинъ. И, такъ какъ они не знаютъ церемоній (т. е. правилъ приличія) и законовъ (китайскихъ), то государь (китайскій), изъ любви и милосердія къ иностраннымъ людямъ, чтобъ они не преступили законовъ имперіи, и не учинили тѣмъ преступленія (за которое ихъ должно будетъ наказать по китайскимъ законамъ), посылаетъ, для предохраненія ихъ, кого-нибудь отъ себя. Теперь же, если позволить имъ торговать безъ письменнаго увѣдомленія и во всякомъ мѣстѣ, куда

*) Вообще, какъ видно, у насъ не любили переписки съ Китаемъ.

они придутъ, по ихъ волѣ, то, если русскіе люди преступятъ (наши) государственные законы, учинятъ преступленіе, это вовсе несообразно съ милосердіемъ государя. (Потому) просьбу ихъ о позволеніи имъ торговать во всякомъ мѣстѣ по своей волѣ, оставить безъ разсужденія. А по открытіи торговли, пусть попрежнему приходятъ въ Пекинъ одинъ разъ въ три года для торговли.

Ст. 5-я. *Комиссаръ проситъ, чтобы чрезъ каждые три мѣсяца между* (Россіей) *и живущими въ Пекинѣ производилась взаимная переписка и за издержки по оной платить по нашему назначенію.*

Отвѣтъ. Переписка русскихъ людей — дѣло неважное; зачѣмъ непремѣнно назначать въ три мѣсяца одинъ разъ? Сверхъ того, разсуждать то и дѣло объ издержкахъ черезчуръ низко, и при томъ, такъ какъ нельзя вводить этого въ разсужденія о пограничныхъ дѣлахъ, то слѣдуетъ оставить безъ разсужденія просьбу объ издержкахъ по перепискѣ: если у русскихъ людей будутъ письма, то пусть переписываются по своей волѣ, когда представится случай *).

Ст. 6-я. *Комиссаръ проситъ въ переговорахъ: перемѣнить живущихъ въ Пекинѣ ламъ* (т. е. духовныхъ) *на новыхъ при пріѣздѣ на будущій годъ туда купеческаго каравана.*

Отвѣтъ. Первоначально были постановлены правила о смѣнѣ ламъ, живущихъ въ Пекинѣ, но такъ какъ въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ поступали вопреки постановленіямъ, то и было остановлено, отчего (ламы) вовсе не смѣнялись. Теперь же, такъ

*) Хотя мы предположили разсматривать въ этой статьѣ только трактаты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но несмотря на то, находимъ не излишнимъ дать понятіе о бывшихъ способахъ переписки нашей миссіи съ своимъ правительствомъ. До 1826 года, всѣ донесенія и бумаги правительства передавались частнымъ путемъ черезъ купцовъ и монголовъ, пріѣзжавшихъ на Кяхту или отправлявшихся туда изъ Пекина. Въ этотъ годъ одинъ монголъ съ русской границы, бывшій въ Пекинѣ, взялся у архимандрита Петра доставить его письма на Кяхту, но пріѣхалъ домой, заболѣлъ и умеръ. Сынъ его, увидѣвъ русскія бумаги, представилъ ихъ своему начальству. Началась переписка между ургинскими правителями и богдыханомъ; обвинили не только покойнаго монгола, но и нашу миссію, совершенно позабывъ приведенную здѣсь статью, и порѣшили, чтобы впредь мы посылали изъ Пекина письма въ трибуналъ, и чтобы и въ миссію доставлялись они изъ Россіи также чрезъ трибуналъ. Оказывается, что въ Китаѣ плохо знаютъ ходъ прошедшихъ дѣлъ; кажется, еслибъ еще не сами русскіе напоминали ихъ, что тогда-то и тогда-то были постановлены такіе-то трактаты, такъ они не могли бы сами себѣ объяснить, какъ у нихъ завелись дѣла съ нами.

какъ русскіе дѣйствуютъ съ почтеніемъ и податливостью (покорностью), то, кажется, можно произвести смѣну ламъ и исполнить по просьбѣ объ этомъ.

Ст. 7-я. *Комиссаръ проситъ:* «(такъ какъ) *они* (т. е. Кропотовъ и проч.) *имѣютъ полномочія распорядиться при отъѣздѣ каравана смѣной ламъ, то и не нужно писать объ этомъ изъ сената въ великій трибуналъ*».

Отвѣтъ. Въ прежніе разы въ приходящихъ изъ Россіи бумагахъ о всякомъ дѣлѣ распоряжался ихъ ямунь (т. е. сенатъ), поэтому въ случаѣ какого бы то ни было дѣла и (отъ насъ) посылались бумаги изъ великаго трибунала въ сенатъ (ямунь). Теперь же, такъ какъ они говорятъ, что до сената дорога весьма далека, и что онъ уполномоченъ распоряжаться во всемъ, то это пусть будетъ исполнено по прошенію.

Ст. 8-я. *Комиссаръ проситъ: «что они отправятъ вмѣстѣ съ караваномъ въ Пекинъ по прежнимъ правиламъ изъ своей земли четырехъ учениковъ для обученія маньчжурской и китайской словесности»*.

Отвѣтъ. Такъ какъ прежде русское государство придавало большую важность словесности Срединнаго государства, то, по докладу (нашему государю) объ этой просьбѣ, велѣно было присылать для ученія изъ ихъ земли русскихъ людей, и августѣйшій государь даровалъ имъ милость, пожаловавъ имъ хлѣбъ и деньги, и, приказавши выдавать деньги на платье, позволяетъ перемѣнять и обучать словесности. Во всемъ этомъ выражалась мысль августѣйшаго государя обласкать и успокоить иностранцевъ. Теперь, такъ какъ комиссаръ хочетъ послать съ караваномъ четырехъ русскихъ людей, то мы просимъ, чтобъ государь (нашъ) оказалъ милость, и приказалъ исполнить по прошенію.

Ст. 9-я. *Комиссаръ проситъ: «Оба государства, исполняя вѣчныя времена дружественный трактатъ, да не будутъ попрежнему спорить:* (и) *подобно тому, какъ они почитаютъ и уважаютъ здѣшняго великаго хуанди, чтобъ и ихъ государства государя величали въ бумагахъ императрицей»*.

Отвѣтъ. Что касается споровъ, то всѣ они подняты русскимъ государствомъ; сверхъ того не одно только русское государство величаетъ великаго хуанди: вся вселенная его восхваляетъ и превозноситъ; по-

тому что русскіе величаютъ въ бумагахъ великаго хуанди (хуандіемъ) объ этомъ вовсе не было послано къ нимъ бумаги, чтобъ они такъ писали, а такъ величая пишутъ во всей вселенной, и они также такъ пишутъ съиздавна. Вдругъ же хотѣть, чтобъ ихъ государя писалъ „величество“ (императрица) значитъ, что, желая придать ему (русскому царю) важности, тѣмъ болѣе унижаютъ его. Просимъ оставитъ безъ разсужденія.

Ст. 10-я. *Комиссаръ проситъ: „въ этотъ разъ отправленные* (присланные) *вельможи какіе люди? Подобно ему на всякаго рода дѣло уполномочены ли?* (Если такъ, то) *въ прежде постановленныхъ одиннадцати статьяхъ есть неясныя и недостаточныя* (неточныя) *мѣста — объ этомъ хотимъ сообща совѣщаться“.*

Отвѣтъ. Нашъ государь для всякаго, какого бы то ни было дѣла, если отправитъ одного человѣка, то одинъ человѣкъ и распоряжается, какъ (его) полномочный, а ежели двухъ человѣкъ пошлетъ, то оба и распоряжаются. Ежели будутъ чиновники въ большемъ количествѣ, то всѣ рѣшаютъ дѣло единодушно, придерживаясь справедливости. Теперь государь, пославъ двухъ осчастливленныхъ (этой честью или довѣренностью) вельможъ, велѣлъ имъ рѣшить дѣло. Итакъ, комиссаръ можетъ съ ними сошедшись, по совѣщаніи положить рѣшеніе. Если что будетъ сообразное съ справедливостью, то это будетъ приведено въ исполненіе, а несообразное отвергнуто.

Ст. 11-я. *Комиссаръ проситъ: „впредь послѣ этого завѣдывающіе границами люди должны постановлять законы* (произносить рѣшенія?) *о дѣлахъ по перебѣжчикамъ и воровству.*

Отвѣтъ. (Такъ-какъ), судя по сдачѣ указанныхъ слѣдовъ можно тотчасъ допросить и рѣшить. (Потому можно) это поручить пограничнымъ старшинамъ (офицерамъ), чтобъ они строго производили изслѣдованіе! Что касается сдачи слѣдовъ, то это дѣло должно оканчивать, какъ можно скорѣе. Въ эти нѣсколько лѣтъ русскіе люди, когда имъ указывали на слѣдъ ихъ людей, ходившихъ для воровства (въ наши предѣлы), они все увертывались и откла-

дывали, отчего набралось нѣсколько скрытыхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ. Такъ какъ должно привести въ исполненіе по просьбѣ (а не по предложенію) комиссара, то пусть будетъ по его прошенію.

Ст. 12-я. *Комиссаръ проситъ: „находящихся въ нашей землѣ русскихъ людей, какъ было уже прежде отъ нихъ писано, отдать обратно въ ихъ государство“.*

Отвѣтъ. Прежнее прошеніе русскаго государства о бѣглыхъ людяхъ куда какъ неясно. Если бы дѣйствительно убѣжали сюда, такъ они сами вѣдь знаютъ, что мы бы отдали. Вотъ напримѣръ, еще недавно было дѣло Удума (?): когда комиссаръ, ведя себя почтительно и послушно, наказалъ Данилу съ прочими, то мы отсюда тотчасъ выдали въ ихъ царство Удума со всѣмъ его имуществомъ. Мы не знаемъ, куда убѣжали прежде ихъ люди. На что это похоже, чтобы мы для русскихъ стали отыскивать въ нашемъ великомъ государствѣ всюду ихъ убѣжавшихъ людей. Итакъ это прошеніе оставить безъ вниманія.

Ст. 13-я. *Комиссаръ проситъ, чтобъ: „всѣ эти статьи, хорошенько объяснивъ и написавъ за подписью и приложеніемъ печатей съ обѣихъ сторонъ, взаимно обмѣняться и принятыя статьи ввести для руководства въ прежнія установленія“.*

33-й годъ правленія Цень-лунь (1768 г.).

Мы предоставляемъ читателямъ самимъ судить о значеніи этой замѣчательной записки. Ни для кого не будетъ трудно расшифровать дипломатическій языкъ китайцевъ, ихъ наглость и дерзость въ отвѣтахъ, когда они надѣятся на безнаказанность. Мы не скрываемъ и того, что этотъ документъ въ то же время свидѣтельствуетъ, по нашему личному мнѣнію, и о неумѣньѣ тогдашнихъ русскихъ вести дипломатическія дѣла съ Китаемъ. Мѣшая статьи неважныя съ важными, Кропотову, кажется, хотѣлось перещеголять трактатъ Рагузинскаго обиліемъ статей. Между тѣмъ мы видимъ, что ему не удалось составить новаго трактата, а пришлось только подписать (18-го октября 1768 г.) конвенцію, которая служила не только поясненіемъ и дополненіемъ кяхтинскаго трактата, но даже отказомъ отъ всѣхъ домогательствъ Россіи. Мы обязались сломать всѣ строенія на Бургултайскихъ горахъ и Бицикту-Хошо, которыя считали

вполнѣ намъ принадлежащими, и согласились отступить по хребетъ этихъ горъ, обѣщались не брать пошлинъ, въ Кяхтѣ и Цурухайту, и сверхъ того десятая статья кяхтинскаго договора была отмѣнена и на ея мѣсто вставлена новая.

Мы видѣли, что прежде назначалась смертная казнь перебѣжчикамъ и разбойникамъ, а равно и произведшимъ воровство въ третій разъ; за первое же и второе воровство взыскивался штрафъ вдесятеро и въ двадцать разъ болѣе противъ украденнаго; но тамъ не опредѣлялось ясно, какимъ образомъ отыскивать воровъ и разбойниковъ и какая отвѣтственность и обязанность лежала въ этомъ случаѣ на пограничной стражѣ. Въ измѣненной Кропотовымъ статьѣ мы видимъ, что какъ скоро на земляхъ какого нибудь караула будутъ схвачены разбойники, то, дознавши, откуда они пришли, сдать ихъ слѣды тому караулу, а самихъ задержать для дальнѣйшаго допроса, на который съѣзжаются командиры карауловъ. Послѣдніе, по изслѣдованіи, доводятъ до свѣдѣнія своего начальства, которое командируетъ особыхъ чиновниковъ для переспроса, и, когда убѣдятся въ дѣйствительности разбоя, то каждое государство обязано, на страхъ другимъ, отсѣчь голову преступникамъ на границѣ (еще и для того, чтобы другое государство видѣло, что онъ наказанъ). Вещи разбойниковъ, которыя были при нихъ, отдаются поймавшему, украденное возвращается хозяину, но сверхъ того взыскивается штрафъ вдесятеро по цѣнности украденнаго. Если же разбойникъ убѣжитъ, то слѣдъ его сдается караульнымъ офицерамъ, которые сверхъ того должны прибыть на мѣсто преступленія для засвидѣтельствованія преступленія, осмотрѣть раны и дать подписку въ достовѣрности. Если офицеръ не отыщетъ преступника въ продолженіе мѣсяца, то правительство его должно наказать штрафомъ вдесятеро противъ пограбленнаго. Вора безъ оружія наказывать 100 ударами плети и за первую кражу взыскивать впятеро, за вторую вдесятеро, а по третій судить вора, какъ разбойника; если онъ успѣетъ убѣжать, то слѣды его также сдаются подъ росписку, и начальство обязано отыскать его въ мѣсяцъ; иначе оно

платитъ штрафъ впятеро. Кто перейдетъ границу съ оружіемъ, хотя бы и не учинилъ воровства, но поймавшему его отдается все, что было при перешедшемъ; промышленникъ, перешедшій границу, наказывается сверхъ того сто ударами плети.

Такимъ образомъ Кропотовскій договоръ послужилъ еще къ большему удовлетворенію китайцевъ, которые болѣе всего боятся за спокойствіе границъ и никакъ не могутъ прійти къ мысли, что другое государство также охотно и искренно готово останавливать всякіе безпорядки на границахъ. Убавка штрафа вѣроятно была плодомъ того взаимнаго убѣжденія, что чрезмѣрно высокій штрафъ поведетъ къ обоюднымъ увертками.

Прошло еще 30 лѣтъ, и снова понадобилось сдѣлать измѣненіе въ десятой статьѣ; въ Россіи уничтожена была смертная казнь; нельзя-же было ее оставить въ сношеніяхъ съ Китаемъ, т. е. удержать для преступниковъ, перешедшихъ границу. Однако-жъ для китайцевъ это было предлогомъ считать трактатъ нарушеннымъ; они закрыли торговлю, и только послѣ долгаго времени согласились предоставить намъ пользоваться своими узаконеніями въ отношеніи преступниковъ.

IV.

Такъ какъ намъ недоступны офиціальные документы о всѣхъ событіяхъ за послѣднюю половину прошлаго столѣтія, то мы поневолѣ должны обратиться къ китайскимъ источникамъ. У насъ есть подъ рукой записки Сунъ-юня, одного изъ знаменитыхъ государственныхъ людей въ Китаѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Онъ занималъ первыя должности въ Монголіи, Цзюнгаріи, Тибетѣ, Маньчжуріи, имѣлъ сношенія съ русскими и непальцами, провожалъ англійскаго посла Макартнея, и принималъ киргизскихъ султановъ, былъ и министромъ въ Пекинѣ. Потому чрезвычайно любопытныя записки его не могутъ быть лишенными интереса въ настоящемъ обозрѣніи, въ особенности тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о дѣлахъ съ Россіей. Мы имѣемъ предъ собой образчикъ взгляда китайца, и не можемъ не быть поражены придворной ловкостью обра-

щать все въ пользу своего правительства Сунъ-юнь пишетъ поэму, но стихи его не столько замѣчательны, сколько подстрочныя толкованія, имъ самимъ составленныя. Вотъ что говоритъ онъ о нашихъ дѣлахъ:

„Съ 1729 года, по случаю заведенія торговли на Кяхтѣ, туда стали посылать для надзора за торговлей и живущими тамъ китайцами чиновника изъ трибунала: у русскихъ онъ извѣстенъ подъ именемъ цзаргучея. Съ 1762 г. являются въ Куренѣ (по нашему Ургѣ) уполномоченные, отправляемые отъ пекинскаго двора, которые вмѣстѣ съ монгольскимъ княземъ завѣдываютъ дѣлами съ Россіей. Въ 1764 году, по случаю взаимной пропажи у монголовъ и у русскихъ болѣе 1,000 лошадей, когда русскіе, безъ всякаго доказательства, показали въ большемъ количествѣ противъ дѣйствительности, въ наказаніе за ихъ коварство императоръ (китайскій) приказалъ имъ сдѣлать строгое внушеніе, вслѣдствіе чего закрыта была торговля на Кяхтѣ. Впослѣдствіи русскіе раскаявшись послали, въ 1768 г., посланца, который объявилъ, что отказывается совсѣмъ отъ разсужденія о прежнихъ лошадяхъ, и умолялъ открыть торговлю. Тогда уполномоченный (цинь-чай), куреньскій амбань, Цинь-гуй, вмѣстѣ съ карьчинскимъ бэйцзы (княземъ 3-й степени) Хутуринга, установивши на совѣщаніи правила (т. е. договоръ Кропотова), вслѣдствіе покорности русскихъ, вошли съ докладомъ къ богдыхану, чтобы онъ приказалъ торговать попрежнему. Въ 1778 году кяхтинскій русскій начальникъ долженъ былъ присутствовать при допросѣ своего преступника, но онъ не поторопился во-время заняться этимъ дѣломъ. Тогда управляющій въ Куренѣ (Ургѣ) амбань съ одной стороны закрылъ торговлю, съ другой просилъ китайскаго императора остановить на время торговлю. За эту торопливость онъ подвергся строгому выговору, и тогда посланъ былъ министръ Бо-цинъ; онъ вмѣстѣ съ Тушету-ханомъ Чэдэнъ-дорчже тщательно разобралъ и рѣшилъ это дѣло. Русскіе раскаялись, и, наказавъ своего преступника, просили открыть торговлю, на что и послѣдовало, въ 1780 г., высочайшее (богдыхана) разрѣшеніе. Такъ

какъ это двукратное закрытіе торговли производилось по мудрымъ указаніямъ богдыхана, который явилъ вмѣстѣ великодушіе и строгость, то русскіе и тронуты были сердечно, и стали бояться Китая.

„Въ 1784 г. ургинскій купецъ Цзинь-минъ, прибывшій для торговли въ кочевья живущихъ у границы уренхаевъ, былъ ограбленъ подвластными Россіи бурятами. Это заслуживало строгаго наказанія. Въ то время ургинскій амбань Лэбао, халхаскій цзянъ-цзюнь Юндунъ-дорчже и старшина сейма Сундубъ-дорчже, разбирая вмѣстѣ это дѣло и узнавъ имя главнаго иностраннаго (русскаго) разбойника, донесли объ этомъ государю (китайскому), и просили приказать написать къ живущему въ Иркутскѣ (Эркоу) губернатору (гу-би-на-торъ) Ламба приказъ поймать разбойника, и представить для производства слѣдствія сообща. Вскорѣ послѣ того схвачены были Уларчжай и другіе преступники, которые и препровождены были въ Кяхту съ генераломъ (цзи-на-ра-ръ), который вмѣстѣ съ цзаргучеемъ и произвелъ дознаніе. Тогда русскіе представили положенный по правиламъ штрафъ вдесятеро; но когда должно было подвергнуть преступниковъ смертной казни въ присутствіи всѣхъ, такъ ихъ генералъ, *собственно по глупости* (!?), сталъ говорить, что выплатой штрафа уже дѣло покончено. Затѣмъ, наказавъ преступниковъ плетьми и заклеймивъ ихъ носъ и уши, сослалъ ихъ въ безлюдное мѣсто на сѣверовосточныхъ предѣлахъ ихъ царства, *не давъ никакихъ подробныхъ объясненій* кяхтинскому цзаргучею. Такое распоряженіе куда какъ было безтолково. Куреньскій амбань послалъ бумагу съ запросомъ, что это значитъ; губернаторъ, такой-же глупый, взбалмошный и невѣжественный, какъ и генералъ, отговаривался, считая дѣло уже рѣшенымъ. По докладу объ этомъ, нашъ императоръ приказалъ написать бумагу въ (русскій) сенатъ, съ приказаніемъ смѣнить губернатора и прочихъ, и наказать ихъ примѣрно. Сенатъ въ объясненіи своемъ, написанномъ въ 1785 году, также только лавировалъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда Лифань-Юань получилъ приказаніе написать строгія укоризны и вслѣдъ затѣмъ прекратить кяхтинскую торговлю.

„Въ 1784 году я (Сунъ-юнь) былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, въ Гиринъ, для разбора по дѣламъ о Жень-шенѣ. На слѣдующій годъ весной, по возвращеніи своемъ въ столицу, въ тотъ самый день, какъ отдалъ отчетъ о своемъ порученіи, получилъ приказаніе отправиться въ Курень (Ургу) для завѣдыванія этимъ дѣломъ, причемъ удостоился священныхъ наставленій, что въ пограничныхъ дѣлахъ должно выказывать совершенное безпристрастіе для того, чтобы внушить дикимъ варварамъ (русскимъ) страхъ и уваженіе къ добродѣтели. Послѣдуя этому приказанію, я прискакалъ въ Курень, и вмѣстѣ съ товарищемъ вразумлялъ русскихъ раскаяться и сознаться.

„По закрытіи торговли, слѣдовало принять строгія мѣры къ пресѣченію контрабанды, но въ то же время нужно было принять во вниманіе и то, что караульные солдаты и пограничные монголы не должны нуждаться въ табакѣ, чаѣ и холстѣ. Почему, по приказанію императорскому, нужно взять въ разсчетъ народонаселеніе и постановленіе правила, чтобы каждый караулъ получалъ все нужное изъ своего улуса (хомуна или знамени). Однажды въ два мѣсяца я отсылалъ туда добытые на охотѣ мѣха. Купцамъ позволено было торговать у пограничныхъ монголовъ по билетамъ, и приказано было улуснымъ начальникамъ тщательно наблюдать, чтобы купцы не переходили тайно чрезъ караулы для торговли съ русскими“.

Справедливость требуетъ сказать, что эти китайскія мѣры какъ нельзя лучше способствовали развитію нашей торговли. Какъ скоро кяхтинская торговля закрылась, правительство наше дозволило торговать всѣмъ всюду безпошлинно, и вывозъ китайскихъ товаровъ достигъ небывалыхъ размѣровъ. Но обратимся къ нашему автору:

„Русскіе“, продолжаетъ Сунъ-юнь, „вслѣдствіе закрытія торговли, узнали раскаяніе въ своей винѣ. Смѣнивъ нерадѣвшаго о дѣлѣ губернатора, г. Ламба, они послали на его мѣсто въ Иркутскъ *отличнаго человѣка*, который сталъ всюду отыскивать сосланныхъ преступниковъ, но не находя нигдѣ и слѣдовъ

Уларчжая, неоднократно присылалъ бумаги съ прошеніемъ, но оно было отвергаемо. Въ 1789 году, осенью, на караулѣ Вэйлэгань солдаты Цибакъ и прочіе, выйдя изъ караула для обозрѣнія слѣдовъ, встрѣтили русскихъ охотниковъ изъ харіятъ *), которые, боясь быть схваченными, выстрѣлами изъ ружей убили Цибака. Такимъ образомъ въ то время, какъ еще не кончилось старое дѣло, явилось новое, которое однако-жъ подало поводъ къ выходу изъ запутаннаго положенія дѣлъ. Когда объ убійствѣ Цибака доведено было до свѣдѣнія императора (китайскаго), съ замѣчаніемъ, что убійцы неизвѣстны, то онъ приказалъ отправить бумагу (въ Россію) съ требованіемъ объ отысканіи. Новый губернаторъ, человѣкъ очень внимательный, тотчасъ по полученіи бумаги, употребилъ всѣ силы на отысканіе, и на слѣдующій годъ весной препроводилъ въ Кяхту двухъ главныхъ преступниковъ и одного побочнаго для производства надъ ними слѣдствія, и сверхъ того просилъ, что такъ-какъ стараго преступника Уларчжая нѣтъ и слѣдовъ, то чтобъ казнью всѣхъ захваченныхъ теперь покончить старое дѣло. Тогда я, составивъ обо всемъ донесеніе, самъ прибылъ въ Кяхту и приказалъ цзаргучею допросить, а потомъ на границѣ оба главные преступника были преданы смерти, а соучастникъ ихъ, послѣ строгаго наказанія, былъ сосланъ въ каторгу. Тогда я положилъ считать поконченнымъ какъ старое, такъ и новое дѣло.

„Передъ прибытіемъ изъ Россіи бумаги съ просьбой объ открытіи торговли въ Тарбагатаѣ, тургутскій лама Самалинь распустилъ ложный слухъ, что русскіе тайно замышляютъ недоброе (т. е. дѣлаютъ приготовленія къ войнѣ съ Китаемъ), почему и былъ препровожденъ въ Пекинъ, гдѣ на допросѣ не могъ подтвердить своихъ показаній. Я получилъ приказаніе развѣдать объ этомъ на Кяхтѣ, и, убѣдившись, что русскіе попрежнему почтительны и вовсе не возбуждаютъ никакого подозрѣнія, донесъ объ этомъ. Императоръ приказалъ написать въ Россію, что такъ

*) Такъ называютъ китайцы нашихъ инородцевъ, кочующихъ по близости урянхайцевъ

какъ русскіе просятъ открыть торговлю, то что же такое значатъ слова Самалиня, чтобы они положительно объяснились (?!). Изъ этого можно видѣть, какъ велики и блистательны были священныя соображенія и вдохновенное мужество! Куда до этого подчиненнымъ!

„Русскіе, получивъ бумагу, перепугались; пограничный начальникъ изложилъ, что они всегда сохраняли законы (!) и притомъ, такъ какъ искренно просятъ открыть торговлю, то какъ смѣютъ они питать тайно другія намѣренія. Слова его были искренни. Оказалось, что хасаки (киргизы) выдумали этотъ вздоръ, а лама Самалинь попалъ къ нимъ, сбившись съ дороги, и отъ нихъ заходилъ въ русскіе предѣлы; по возвращеніи, онъ, или повѣривъ сплетнѣ хасаковъ, или съ намѣреніемъ сочинилъ такія рѣчи, чтобъ испугать всѣхъ, думая тѣмъ избѣжать наказанія за то, что онъ безъ позволенія выходилъ за караулы (заграницу). Вскорѣ была получена бумага русскаго сената, въ которой отвѣчали, что у нихъ вовсе нѣтъ такой затѣи, что Самалинь непремѣнно насплетничалъ, почему и просятъ донести великому хуанди о дарованіи русскимъ милости. По донесеніи объ этомъ, послѣдовало приказаніе снова допросить Самалиня; этотъ презрѣнный монахъ отъ испуга едва переводилъ дыханіе; тогда послѣдовало повелѣніе предать его немедленно казни. Если бы не августѣйшій разумъ, приказавшій написать бумагу, то какъ можно было бы разузнать правду и вывести всѣхъ изъ недоумѣнія? Начальники должны это имѣть всегда въ виду.

„Въ 56 г. правленія Цянь-луня (1791 г.) зимой императоръ приказалъ написать въ Россію бумагу, что онъ соглашается на прошеніе объ открытіи торговли, и я получилъ приказаніе, чтобы при этомъ случаѣ тщательно вникнуть въ обстоятельства, составить ясныя правила, и вразумленіями своими внушить русскимъ, чтобъ они постоянно слѣдовали имъ. Когда я составилъ свои предположенія, то просилъ написать, чтобъ губернаторъ пріѣхалъ для совѣщанія.

Когда получили бумагу, всѣ варвары запрыгали отъ радости.

Услышавъ о приказаніи, заскакали на курьерскихъ *).

„Губернаторъ немедленно примчался изъ Иркутска въ повозкѣ, запряженной лошадьми. Въ это время, хотя товарищъ мой, князь 2-й степени (цзюнь-ванъ) Юнь-дунъ-дорчжэ уѣхалъ въ Пекинъ, по случаю свадьбы, но посланный на смѣну мнѣ второй шефъ, Мэй-рянь-Чжангинь или Фу-Ду-Тунъ-Пуфу, уже прибылъ въ Курень, и вмѣстѣ со мной и съ помощникомъ бэйцзой (князь 4-й степени) Сунь-дубдоржэ, въ 1792 г., прибыли мы, по высочайшему повелѣнію, въ Кяхту.

„Въ тотъ же день губернаторъ отправилъ къ намъ своихъ людей засвидѣтельствовать свое почтеніе, а на слѣдующій день явился лично. Имя ему было Сеглэ-фэйтэ (Людвигъ Нагель), и онъ сказывалъ, что онъ самъ не русскій, а иностранецъ. Это былъ человѣкъ очень почтительный, потому, на основаніи данныхъ намъ инструкцій, мы внушили ему, что въ прошломъ дѣлѣ Уларчжая прежніе губернаторъ и генералъ дѣйствовали куда какъ ложно, что впредь пограничные старшины должны рѣшать дѣла какъ можно скорѣе, чтобъ не раскаяваться. На это онъ отвѣчалъ намъ, что прежній губернаторъ уже смѣненъ, и что онъ будетъ слушаться всѣхъ нашихъ указаній...“

Этимъ мы оканчиваемъ и безъ того длинную выписку... Конвенція, заключенная Сунь-юнемъ съ управляющимъ пограничными дѣлами, иркутскимъ губернаторомъ, генералъ-маіоромъ Людвигомъ Нагелемъ, 8-го февраля 1792 г., очень невелика. Въ ней говорится, что прежнія статьи договора всѣ подтверждаются, что пограничныя дѣла о преступникахъ должны рѣшаться какъ можно скорѣе, и что пограничные начальники должны стараться съ обѣихъ сторонъ удерживать своихъ людей отъ вторженія въ чужіе предѣлы для воровства и разбоя. Но главный смыслъ конвенціи заключался въ томъ, что преступники, по снятіи съ нихъ допроса на Кяхтѣ, будутъ наказываться по

*) На китайскомъ это въ стихахъ.

законамъ своей страны, т. е., другими словами, что уже не нужно наказаніе совершать на границѣ, и что слѣдовательно мы имѣемъ право не казнить смертью своихъ преступниковъ!

Однако-жъ есть нѣчто болѣе важное, на что стоитъ обратить вниманіе въ этой конвенціи. Это слогъ и тонъ бумаги уже совершенно для насъ унизительный. Въ маньчжурскомъ текстѣ трактата нерчинскаго мы видимъ, что тамъ не былъ прописанъ титулъ нашего государя, хотя въ русскомъ подлинникѣ и соблюдены всѣ почтительныя выраженія. Въ кяхтинскомъ трактатѣ мы видимъ также, что слово хуанди (богдыханъ) вынесено въ строку, т. е. все то же, что по нашему написано крупными буквами, а слово: катунь-ханъ (царь-дама, русская императрица) смиренно уложилось между прочими строками; но кромѣ этого всѣ выраженія, касающіяся обоихъ государствъ, могутъ быть истолкованы на правахъ равенства. Въ дополненіи къ договору Кропотова на русскомъ языкѣ мы находимъ нѣчто въ родѣ протокола, подписаннаго тогдашнимъ губернаторомъ Якоби, гдѣ сказано, что договоръ размѣненъ былъ въ слѣдующемъ видѣ: китайцы въ своемъ маньчжурскомъ текстѣ, который они намъ передали, выносили въ строку слова: хуанди, Срединное государство, а названіе катунь-ханъ, русское государство, оставлены безъ повышенія. Мы же въ своемъ текстѣ на маньчжурскомъ языкѣ, вынося въ строку слова хуанди и Срединное государство, вынесли и слова императрица и русское государство. Протоколъ прибавляетъ, что уполномоченные, увидѣвъ это, сказали, что такъ можно писать, и, вѣроятно, г. Кропотовъ считалъ себѣ въ большую заслугу, что онъ какъ бы получилъ отъ китайскихъ чиновниковъ позволеніе поддержать честь своей имперіи. Но все это еще ничего, въ сравненіи съ договоромъ Нагеля и Сунъ-юня. Здѣсь уже китайскій государь является какъ бы нашимъ совереномъ.

„Такъ какъ великій святѣйшій государь (т. е. богдыханъ), равно милующій всѣхъ людей (а слѣдовательно и русскихъ), ниспославъ, вслѣдствіе почтительнаго прошенія русскаго сената, милостивый указъ, (къ которому благоговѣйте и вы, русскіе), объ от-

крытіи торга въ Кяхтѣ, то поэтому впредь не предпринимать ничего противнаго постановленному трактату, и не нарушать согласія, а сохранять оное твердо, исполняя ниспосланныя великимъ святѣйшимъ государемъ наставленія". И далѣе: „Уважая чрезмѣрную оказанную на этотъ разъ милость великаго святѣйшаго государя (русскимъ), должно приказать содержать въ строгости пограничныхъ бурятъ и харіятовъ", и еще: „Итакъ, слѣдуя волѣ великаго святѣйшаго государя, написавъ одинаковаго содержанія бумаги (трактаты), размѣнялись".

Здѣсь для обѣихъ договаривающихся сторонъ только будто и существуетъ что одинъ китайскій богдыханъ; о русскихъ вовсе нѣтъ и помину...

IV.

Магометанство въ Китаѣ.

Сдѣлается ли Китай мусульманскимъ государствомъ? Вотъ вопросъ, который мы предположили изслѣдовать въ настоящей статьѣ.

Понятно, что подтвержденіе того, что мы поставили еще только въ видѣ вопроса, представляетъ фактъ всемірной важности. Съ обращеніемъ Китая, страны населенной по крайней мѣрѣ третью всего человѣческаго рода, къ мусульманству измѣнятся всѣ политическія отношенія государствъ древняго міра. Мусульманскій міръ, раздвинувшійся отъ Гибралтара до Восточнаго океана, снова можетъ поднять свою голову, снова будетъ угрожать христіанству; мирная дѣятельность китайской націи, дѣятельность, въ которой нуждается весь остальной міръ, въ рукахъ энергической и фанатической политики можетъ обратиться въ тяжелое ярмо для другихъ націй.

Но не одна перемѣна политическаго міра зависитъ отъ осуществленія этого факта. Если мыслитель не можетъ при этомъ не убѣдиться еще болѣе въ живучести идей, родившихся на Западѣ *), въ торжествѣ ихъ предъ бездушными умозрѣніями Востока, то тотъ же мыслитель не можетъ не задуматься надъ преградами, которыя человѣчество испытываетъ въ своемъ стремленіи къ прогрессу, основанному на наукѣ и истинномъ просвѣщеніи.

Такъ недавно еще можно было сказать, что самое огромное и сильное государство Востока недалеко отъ полнаго сближенія съ идеями Европы. Китайцы

*) Подъ Западомъ мы разумѣемъ и азіатскія владѣнія Персіи и Турціи.

стали цѣнить и уважать европейскую науку; миссіонеры нашли свободный доступъ въ страну. И кто предполагалъ, что христіанскіе вѣропровѣдники встрѣтятъ здѣсь не язычниковъ, всегда болѣе доступныхъ голосу истины, но наэлектризованныхъ поклонниковъ Магомета!

Мы понимаемъ изумленіе, производимое подобнаго рода вступленіемъ. Не только европейцамъ, ознакомившимся съ Китаемъ по описаніямъ путешественниковъ, но даже и самымъ извѣстнымъ синологамъ, конечно, никогда не приходило въ голову возможности предполагать подобное событіе. Пересмотрѣвъ всю китайскую литературу, мы едва найдемъ нѣсколько строкъ о мусульманахъ въ Китаѣ и можно сказать навѣрное, что до настоящаго времени сами китайцы и ихъ правительство очень мало заботились о существованіи этой вѣры, пришедшей съ Запада. Но такова бываетъ и не на одномъ Востокѣ судьба всѣхъ великихъ переворотовъ; зародышъ ихъ никогда не обращаетъ на себя вниманія. Китайская литература позаботилась внести въ свои списки всякаго студента, всякаго чиновника, она не пропускаетъ ни одного физическаго феномена, даетъ описаніе вышины и толщины всякой городской стѣны, пространства каждаго зданія, наконецъ, китайская географія записала имена всѣхъ инородцевъ, населяющихъ Китай и въ то же время она не замѣтила какъ милліоны соотечественниковъ обращались къ Исламу!

Вопросъ мусульманскій въ Китаѣ выросъ до вопроса, занявшаго даже европейскую прессу только въ послѣдніе три или четыре года. Послѣ того какъ Китай, въ продолженіе 15-ти лѣтъ потрясаемый инсуррекціей тайпинговъ, грабежами няньфеевъ, вторженіями горцевъ и еще болѣе губительными повсемѣстными разбоями, мщеніемъ враждующихъ сторонъ, сталъ было успокаиваться, — въ сѣверозападныхъ провинціяхъ его начинается новое своеобразное движеніе и мусульмане этихъ странъ выступаютъ на сцену. При первыхъ успѣхахъ мусульмане провинціи Шэньси чуть не берутъ главнаго провинціальнаго города Си-ань-фу, и проникаютъ даже до рѣки Хуанъ-хэ, но вытѣсненные оттуда держатся до сихъ

поръ въ другой западной провинціи Гань-су. Хотя китайская провинція и равняется любому европейскому государству пространствомъ и количествомъ народонаселенія, но лишеніе одной провинціи конечно не представляло бы никакой серьезной опасности для нынѣшней династіи, если бы къ западу отъ этой провинціи не лежали пространныя земли Туркестана и Цзюнгаріи, перешедшія также въ руки китайскихъ мусульманъ. Положимъ, что пекинскій дворъ отниметъ у нихъ китайскую провинцію, но движеніе далѣе на западъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, представитъ серьезныя затрудненія и не для китайской арміи. А какъ трудно для нынѣшняго правительства, истощеннаго постоянными возмущеніями, неимѣющаго средствъ къ удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей, возстановить свое владычество на всемъ пространствѣ прежнихъ владѣній, объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго факта: независимо отъ борьбы съ мусульманами внутри Китая, богдыханъ, съ обычнымъ на Востокѣ тщеславіемъ, объявилъ въ прошломъ году объ отправленіи не менѣе какъ стотысячной арміи для отнятія у инсургентовъ, Туркестана и Цзюнгаріи. Вѣрный своей хвастливости онъ назначилъ даже главнокомандующаго этой арміей Ляньцзэ, потомъ постоянными указами преслѣдовалъ его за медленность, укорялъ, зачѣмъ онъ не двигается впередъ. Умеръ Ляньцзэ, и подчиненные его доносятъ, что вся его армія на лицо состояла изъ 228 человѣкъ пѣхоты и 61 конницы!

Мусульмане, оставленные на просторѣ въ Туркестанѣ и Цзюнгаріи, образовавъ тамъ огромное царство, конечно, будутъ постоянно угрожать собственному Китаю, въ которомъ будутъ разсѣяны ихъ единовѣрцы. Но если бы даже и эти страны возвращены были вновь подъ китайское владычество, то ослабѣло ли бы отъ этого мусульманство?

Вопросъ нами поднятый отодвинулся бы только на нѣсколько лѣтъ, положимъ десятилѣтій, даже на столѣтіе, но магометанство продолжало-бы въ это время разростаться, т. е., понявъ еще свою относительную слабость, оно стало бы только выжидать снова мо-

мента благопріятнаго осуществить тѣ стремленія, которыя проявились въ немъ въ современную эпоху.

Мы говоримъ не о тѣхъ мусульманахъ, говорящихъ нарѣчіями тюркскаго языка, которые живутъ на огромномъ пространствѣ восточнаго Туркестана, начиная отъ Хами (Комула) до Кашгара и Яркенда, за которыми далѣе на западъ чрезъ Коканъ, Бухару, Персію и турецкія владѣнія магометанство достигаетъ гибралтарскаго пролива. Китайскіе подданные мусульмане-турки не могутъ имѣть никакого вліянія на переворотъ, готовящійся міру. Судьба осудила ихъ на страдательную роль, которой они съ исторической вѣрностію подчиняются въ продолженіе тысячелѣтій. всегда оставаясь въ зависимости отъ окружающихъ ихъ сосѣдей, постоянно враждуя между собой, какъ только ослабѣетъ эта зависимость. Правда, китайское правительство придавало до сихъ поръ большое значеніе всѣмъ ничтожнымъ вспышкамъ безпокойныхъ своихъ подданныхъ турецкаго происхожденія, написало и издало цѣлые томы объ ихъ покореніи и усмиреніи, что часто давало поводъ и европейскимъ синологамъ изучать мелочные перевороты и потрясенія какъ важные факты; но край, самъ по себѣ интересный во многихъ отношеніяхъ, останется, по крайней мѣрѣ, надолго, безъ политическаго значенія въ остальномъ мірѣ. Скажемъ только мимоходомъ, что незначительный отрывокъ тюркскаго племени, принадлежащій однако не этому Туркестану, а Монголіи, живетъ до сихъ поръ внутри собственнаго Китая и, вмѣстѣ съ мусульманствомъ, сохраняетъ еще свой собственный языкъ. Мы говоримъ о салярахъ въ провинціи Ганьсу, на границахъ съ Тибетомъ. Но и эти салары, несмотря на значеніе приписываемое имъ нашими агентами въ киргизскихъ степяхъ, несмотря на свой подвижной, дикій характеръ, не могутъ ничего значить въ судьбахъ китайской націи. Конечно, если бы дѣло шло о простомъ завоеваніи, то мы не рѣшились бы оспаривать возможности значенія въ Китаѣ какихъ бы то ни было *инородцевъ*. Турки Хамула и Кашгара, или, напримѣръ, эти сейчасъ упомянутые салары, почему бы въ самомъ дѣлѣ они не могли сдѣлаться завоевателями

Китая, когда мы видимъ же удачу въ этомъ монголовъ или даже маньчжуровъ, племенъ въ свое время болѣе ничтожныхъ и невѣжественныхъ.

Но всѣ такіе побѣдители Китая были побѣждаемы образованіемъ своихъ побѣжденныхъ подданныхъ. Здѣсь же рѣчь идетъ, напротивъ, о томъ, что побѣдители заставятъ Китай переродиться, бросить свои тысячелѣтнія убѣжденія, отказаться отъ своего направленія поддерживаемаго тысячелѣтіями, однимъ словомъ, измѣнятъ духъ страны!

А такими побѣдителями и вмѣстѣ преобразователями могутъ быть только сами же китайцы, и такими *передовыми дѣятелями* китайской будущности, и являются именно тѣ мусульмане, которые въ настоящее время вдругъ какъ будто выросли изъ земли, а между тѣмъ, имѣютъ такую твердую почву.

Принимать ли предковъ ихъ за чистыхъ арабовъ, какъ хотятъ увѣрить насъ сами же мусульмане, или, основываясь на туземномъ китайскомъ названіи мусульманъ, за уйгуровъ, націю игравшую незначительную роль въ Средней Азіи, но сдѣлавшейся болѣе вліятельной въ сліяніи съ тангутами, но каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣми же китайцами и по языку и по наружности только принявшими магометанство, китайцами, которые слѣдовательно ничего не желаютъ болѣе отъ своихъ соотечественниковъ, какъ чтобы они приняли участіе въ благахъ той религіи, которую они сами исповѣдуютъ и которую хотятъ сдѣлать господствующей во всемъ Китаѣ.

Эти мусульмане китайцы не ограничиваются однимъ только райономъ настоящаго возстанія. Напротивъ, они являются разсѣянными по лицу всего Китая.

Несмотря на бѣдность китайскихъ источниковъ, мы можемъ представить уже по однимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ нами еще во время пребыванія въ Пекинѣ, по разспросамъ отъ бывшаго здѣсь лекторомъ китайца мусульманина Абдекаримова и по даннымъ, извѣстнымъ изъ китайскихъ газетъ,—довольно грандіозную картину распространенія въ Китаѣ магометанства.

Занятая въ настоящее время взбунтовавшимися

мусульманами провинція Гань-су можетъ, по справедливости считаться очагомъ китайскаго мусульманства. Здѣсь въ одномъ округѣ Хэчжоу считается болѣе 1,300 мечетей, въ главномъ городѣ провинціи Ланьчжоу-фу съ окрестностями число этихъ мечетей доходитъ также до тысячи. По этому можно судить и о развитіи мусульманства въ другихъ департаментахъ той же провинціи. Мы знаемъ, что одинъ изъ самыхъ главныхъ торговыхъ городовъ на Хуанъ-хэ Нинъ-ся, древняя столица тангутовъ, населенъ главнымъ образомъ мусульманами, и китайскія газеты за послѣднее время подтверждаютъ эти свѣдѣнія. Еще съ большей вѣрностію можно сказать о преобладаніи мусульманства въ департаментѣ Лянъ-чжоу-фу самой сѣверозападной части Китая, еще болѣе о земляхъ, лежащихъ между Хами и великой стѣной. Судя по нашимъ картамъ, мы представляемъ обыкновенно на сз. отъ великой стѣны пустыню, но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не такъ; это великій торговый путь, первый во всей Средней Азіи по своему значенію; онъ обставленъ селеніями, постоялыми дворами и мечетями, потому что по разсказамъ всѣхъ путешественниковъ здѣсь всѣ жители мусульмане.

Какъ важно значеніе провинціи Ганьсу для мусульманства, такъ понятно почему эта провинція болѣе другихъ населена мусульманами. Она ближе всѣхъ къ мусульманскому міру, который изъ Аравіи, Персіи, Бухары, даже изъ нашей Казани, во времена ея независимости, сообщался съ Китаемъ чрезъ Хами и далѣе на востокъ путемъ, сейчасъ нами описаннымъ. Слѣдовательно, здѣсь же въ первый разъ должны были появиться и первые миссіонеры мусульманства. Но кромѣ того есть и еще одна характеристическая черта этой провинціи: въ древнія времена она не составляла земли чисто китайской; отбитая у тибетцевъ и жителей Монголіи, она не только не лишилась прежнихъ своихъ посельщиковъ, но и подвергалась постоянно наплыву изъ сосѣднихъ инородческихъ мѣстностей; этотъ наплывъ продолжался до 16-го столѣтія.

Но мы находимъ мусульманство распространеннымъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ провинціи Шэньси,

гдѣ получило начало настоящее возстаніе, уже изъ этого одного видно, что число мусульманъ должно быть очень значительно. Дѣйствительно, когда китайское правительство одержало верхъ надъ инсуррекціей, то мы встрѣтили въ пекинской газетѣ упоминаніе о непрерывномъ рядѣ мусульманскихъ селеній, лежавшихъ на сѣверномъ берегу р. Вэй-хэ, куда проникли китайскія войска. Далѣе, въ той же газетѣ упоминалось о тысячахъ и десяткахъ тысячахъ мусульманъ, уроженцевъ провинціи Шэньси, убѣжавшихъ изъ страха китайскаго оружія въ провинцію Гань-Су: китайскій императоръ обѣщаетъ имъ прощеніе, если они возвратятся на прежнее мѣсто жительства.

Подвигаясь далѣе на востокъ, мы встрѣчаемъ провинцію Шаньси. Здѣсь намъ извѣстно о существованіи магометанъ только въ окрестностяхъ Дайтунъ-фу, сопредѣльнаго съ Монголіей. Въ послѣдней странѣ, по ея наклонностямъ къ буддійскому ламаизму, кажется, всего менѣе можно бы предполагать существованіе магометанства. А между тѣмъ мусульманство распространено во всѣхъ главныхъ городахъ Монголіи, которая на югъ вовсе не такъ пустынна и вовсе не знаетъ кочевой жизни, какъ изображаютъ ее намъ наши карты. Въ главномъ торговомъ городѣ Монголіи Кукэхото встрѣтили магометанъ уже знаменитые своими путешествіями Гюкъ и Габе. Далѣе на востокъ въ окрестностяхъ лѣтней резиденціи богдыхана Жэхэ, прославленной путешествіемъ Макартнея, пекинская газета упоминала въ послѣднихъ годахъ еще ранѣе настоящаго возмущенія мусульманъ въ Ганьсу о разбояхъ магометанина Мадэсиня. Откуда бы кажется явиться здѣсь мусульманамъ? Но мы знаемъ положительно, что всѣ китайцы, торгующіе въ Китаѣ бараниной, магометане. Китай не имѣетъ своихъ луговъ и, слѣдовательно, скотоводства. Монголія снабжаетъ его мясомъ, стада овецъ проходятъ отсюда южнѣе Пекина, переплываютъ даже чрезъ Цзянъ. Еще замѣчательнѣе, что въ началѣ уже прошлаго столѣтія существовала мечеть въ городѣ Цицикарѣ, главномъ въ Маньчжурско-Амурской провинціи, слѣдовательно, на границѣ Россіи, и едва ли это не самый восточ-

ный пунктъ распространенія магометанства на с.-в., хотя мы думаемъ, что наши русскіе легко могли бы отыскать магометанъ и ихъ мечети на самомъ Айгунѣ.

Мы знаемъ, что въ Пекинѣ существуютъ 13 мечетей и число мусульманъ насчитывалось до 20 тысячъ семействъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ Пекина намъ указывали цѣлыя деревни, населенныя исключительно магометанами. Но вотъ фактъ, заслуживающій еще большаго вниманія: Пекинъ — столица, цифра поклонниковъ Магомета тоже, какъ видимъ, довольно почтенная, а между тѣмъ намъ извѣстно, что всѣ муллы пекинскихъ мечетей получаютъ свое образованіе въ торговомъ городѣ Линьцинъ-чжоу, стоящемъ на знаменитомъ императорскомъ каналѣ гораздо далѣе на ю.-в. Если бы намъ сказали, что муллы пекинскіе приходятъ изъ западныхъ провинцій Шэньси и Ганьсу, то мы понимали бы такое тяготѣніе, предполагая, что въ послѣднихъ провинціяхъ центръ всего мусульманства. Но, когда мы видимъ, что на с.-востокѣ Китая есть свой собственный центръ, къ которому принадлежитъ и Пекинъ, то можно судить о томъ, какъ должно быть сильно распространено мусульманство въ Линьцинъ-чжоу.

Какъ велико количество мусульманъ въ другихъ южныхъ приморскихъ провинціяхъ Китая, мы рѣшительно не имѣемъ возможности судить объ этомъ. Но судя по тому, что въ Чжэцзянѣ возвышается мусульманскій минаретъ, что въ Нанкинѣ родился знаменитый у китайцевъ мусульманскій писатель Ли-чжи (у Палладія—Люцэ-лянь), мы думаемъ, что тамъ число мусульманъ не незначительно. Въ этомъ убѣдимся мы изъ того, что будемъ говорить ниже о распространеніи магометанства со стороны моря. Какъ бы то ни было, мусульманствон испускается вдоль моря вплоть до Кантона, гдѣ мы встрѣчаемъ въ китайской географіи едва ли не единственно въ первый разъ упомянутую мусульманскую кумирню, Хуай-шэнъ-сы съ минаретомъ въ 165 фут.

О томъ, что количество мусульманъ въ юго-восточной части Китая не менѣе, чѣмъ въ сѣверо-западной, можно заключить по прокламаціи послѣд-

няго времени, о которой мы будемъ говорить ниже. Въ этой прокламаціи Нанкинъ и Кантонъ считаются такими же колоніями мусульманъ, какъ и самый Си-аньфу (Чанъ-ань).

Но всего замѣчательнѣе существованіе магометанства въ самой юго-западной провинціи Китая, въ Юнь-нани, сопредѣльной съ Индіей и отдѣленной отъ нея самыми злыми дикарями, слѣдовательно, мусульманство не могло проникнуть сюда никакъ изъ Индіи. О существованіи ихъ мы узнали изъ Пекинской газеты еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, по случаю бунта тамошнихъ мусульманъ. Какъ скоро говорится о возмущеніи, то очень понятно, что въ огромной монархіи, наслаждавшейся въ то время еще полнымъ спокойствіемъ, на такое возмущеніе не могла рѣшиться горсть случайно заброшенныхъ туда мусульманъ. О давнемъ существованіи въ Юнь-нани магометанства можно заключить изъ того, что одинъ изъ главныхъ писателей магометанства, Мачжи-Юсуфъ, жившій въ концѣ XVII вѣка, былъ родомъ изъ этой страны.

Между Юнь-нань и Ганьсу лежитъ одна изъ замѣчательныхъ провинцій Китая Сычуань. Что здѣсь есть магометане мы имѣли случай не разъ слышать объ этомъ отъ другихъ мусульманъ.

О существованіи магометанства въ Ху-Гуанѣ мы можемъ заключить по крайней мѣрѣ изъ того, что одинъ магометанинъ, написавшій предисловіе къ имѣющейся у насъ магометанской книгѣ „Цинъ-чжень-ши“, былъ уроженецъ этой провинціи.

Если мы и не можемъ говорить положительно о распространеніи магометанства въ центральныхъ провинціяхъ Китая, однако, судя по тому, что сказано будетъ ниже объ удобствѣ для магометанъ китайскихъ вести пропаганду, мы можемъ съ полнымъ правомъ предположить, что и тамъ разбросаны хотя по крайней мѣрѣ небольшія магометанскія колоніи.

Но довольно и тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ мы означали существованіе магометанства съ полной достовѣрностію. Не видимъ ли мы изъ этого очерка, что магометанство разставило по всѣмъ владѣніямъ Китая свои передовые посты, изъ которыхъ оно рано или поздно должно будетъ охватить весь китайскій міръ!

Въ послѣднее время чуть не возникли споры изъ-за количества магометанъ. Считать ли ихъ народомъ въ 30, 20 или только въ 4 мил. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ дѣлать исчисленіе безъ всякихъ данныхъ. Достаточно того, если мы опредѣлимъ хоть приблизительно тѣ мѣстности, въ которыхъ утвердилось магометанство. При всей незначительности историческихъ данныхъ о распространеніи магометанства мы можемъ однако убѣдиться, что при всѣхъ неудачахъ къ осуществленію своего политическаго вліянія въ Китаѣ, оно все-таки не исчезало и, хотя медленно, но подвигаясь впередъ, будетъ распространяться и въ будущемъ.

Это распространеніе, какъ и распространеніе буддизма, послѣдовало съ двухъ сторонъ: со стороны моря и чрезъ Туркестанъ, т. е. именно тѣми путями, которыми въ прежнее время Китай только и могъ сообщаться съ остальнымъ міромъ, т. е. Западомъ (Монголія и Маньчжурія въ то время не служили средствомъ сообщенія).

Первое знакомство Китая съ магометанствомъ было враждебно на обоихъ этихъ путяхъ. До выступленія арабовъ на поприще всемірной исторіи китайское вліяніе несомнѣнно простиралось даже на Персію. Арабы не только уничтожили эту дружественную и вассальную державу танской династіи, но и нанесли ударъ ея союзникамъ въ Мавераннегрѣ и Трансоксіанѣ. Только тибетцамъ удалось впослѣдствіи остановить успѣхи арабскаго могущества у подошвы Цунъ-Лина.

Со стороны моря тоже въ первый разъ упоминается объ арабахъ по случаю нападенія ихъ на Кантонъ въ 758 году. Въ этомъ году „они сожгли казенныя житницы, строенія и ушли въ море“. Но по всѣмъ дальнѣйшимъ извѣстіямъ надобно заключить, что Китай со стороны моря вошелъ въ первый разъ въ дружественныя сношенія съ магометанствомъ; и тѣхъ и другихъ связывали обоюдныя торговыя выгоды; если китайское правительство никогда не высказывало особеннаго сочувствія къ торговымъ интересамъ, то за то мѣстные правители очень хорошо понимали свои выгоды. Мы находимъ въ китайскихъ источникахъ ясное упоминаніе о томъ, что еще

въ 1192 г. кантонскій правитель смотрѣлъ сквозь пальцы на то, какъ представитель магометанской конторы позволялъ себѣ противозаконные поступки, строилъ зданія, недопущенныя китайскими законами, и все это объяснялось прямо тѣмъ, что нужно было привлекать пріѣзжающихъ иностранцевъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. Какъ выгодно было это для самихъ пріѣзжающихъ, видно изъ отзыва того же писателя о хозяинѣ конторы, какъ о первомъ богачѣ въ свѣтѣ, который бросалъ, по его выраженію, золото какъ навозъ!

Тѣмъ болѣе съ конца VIII вѣка приморскія мѣстности представляются въ еще болѣе благопріятномъ положеніи въ отношеніи къ внѣшней торговлѣ. Съ этого времени стала ослабѣвать власть китайскаго императора, губернаторы стали высказывать къ нему только наружное почтеніе и самовольно распоряжаться въ своихъ провинціяхъ. Слѣдовательно, они имѣли всю возможность наблюдать мѣстные интересы и покровительствовать иностранной торговлѣ.

Дѣйствительно, всѣ первыя свѣдѣнія о Китаѣ, сохранившіяся у арабскихъ писателей, принадлежатъ лицамъ, посѣщавшимъ Китай моремъ. Эти же свѣдѣнія подтверждаютъ и о множествѣ мусульманъ, жившихъ въ приморскихъ городахъ и о радушіи, съ которымъ ихъ принимали. Уже арабскій купецъ Сулейманъ, бывшій въ Китаѣ въ половинѣ IX вѣка, упоминаетъ, что мусульмане города Ганьфу имѣли собственнаго своего кади для разбора дѣлъ между жившими тутъ единовѣрцами и что на молитвѣ произносили Хотьбу за султана мусульманъ. Масуди, живший въ первой половинѣ X вѣка, разсказываетъ анекдотъ, какъ самъ китайскій Императоръ принялъ участіе въ дѣлѣ одного купца, притѣсненнаго таможеннымъ приставомъ, какъ одинъ корейшитъ добился чести представляться сыну неба (Фагфуру). О количествѣ мусульманъ, жившихъ въ его время въ Китаѣ, можно судить по тому обстоятельству, что при взятіи бунтовщикомъ Хуанъ-цзяо города Ханькоу (Khan-kou) погибло 200,000 мусульманъ, христіанъ и евреевъ. Къ этому городу, стоящему вверхъ по Цзяну въ 7 дняхъ пути отъ моря, прибывали тогда суда изъ Басры, Сирафа, Океана, Индіи, съ острововъ Забеджъ, изъ Синфа и проч.

Гораздо позже Ибнъ Батута, во времена юаньской династіи, въ началѣ XIV вѣка, видѣлъ огромное стеченіе мусульманъ во всемъ своемъ путешествіи отъ крайняго южнаго порта. Въ городѣ Ханъ-чжоу (Ганьза) онъ находитъ цѣлый кварталъ, заселенный мусульманами; лавки тамъ были устроены какъ въ земляхъ мусульманскихъ, были мечети и муэдзины, даже былъ монастырь, обитаемый монахами Суфи. Въ другихъ городахъ также упоминается о кади и шейхахъ ислама.

Однакожъ, не подозрѣвая даже этихъ сказаній арабскихъ писателей въ преувеличеніи, къ чему подаетъ поводъ путешествіе Марко-Поло, вовсе не упоминающаго почти о мусульманахъ въ Китаѣ, мы можемъ вывести изъ нихъ только два факта. Первый— что мусульмане до юаньской династіи не имѣли такого свободнаго доступа въ предѣлы Китая съ сухого пути; второй — что, какъ бы ни велико было число пріѣзжающихъ въ Китай мусульманъ чрезъ приморскія гавани, это всетаки были временные гости, нисколько недумавшіе о распространеніи своей вѣры между природными китайцами. Пріѣзжавшіе, поживя болѣе или менѣе лѣтъ, какъ нынѣ европейцы, могли также распрощаться съ гостепріимной страной. Мало того, могли быть перерывы въ посѣщеніи приморскихъ портовъ иностранцами вслѣдствіе внутреннихъ смутъ Китая, каково напримѣръ разрушеніе Ханькоу при Хуань-цзяо или завоеваніе монголами Сунскихъ владѣній въ южномъ Китаѣ, — отчего Марко-Поло и не видалъ мусульманъ. На эти предположенія наводятъ насъ слова того же сунскаго писателя, о которомъ мы говорили выше и который былъ современникомъ Чингисхана. Этотъ писатель, разсказывая о кантонской коммерческой конторѣ, описывалъ мусульманскія вѣрованія, какъ совершенно неизвѣстныя въ Китаѣ и описывалъ такъ, какъ только невѣжественная китайская иронія можетъ отозваться объ иностранномъ вѣрованіи. Такъ, мусульманскій минаретъ онъ принялъ за отхожее мѣсто, или изъ слова Аллахъ у него вышло Ао-я.

Этотъ же писатель говоритъ о водвореніи начальника конторы въ Кантонѣ какъ объ исключительномъ случаѣ. Онъ, пріѣхавъ моремъ передъ бурей,

боялся воротиться на свою родину и потому выпросилъ себѣ позволеніе остаться къ Кантонѣ. Точно также и Ибнъ Батута говоритъ о нѣкоемъ Отманѣ, поселившемся въ Ханъ-чжоу, какъ объ особенно замѣчательной личности и, слѣдовательно, примѣры водворенія мусульманъ въ Китаѣ и въ его время были еще рѣдкостью. Такимъ образомъ, если Марко-Поло принялъ за правило писать о мусульманахъ тамъ, гдѣ они прочно поселились, то онъ могъ считать себя въ правѣ не говорить ничего о пріѣзжихъ. Еще одно замѣчаніе: Ибнъ Батута всѣхъ встрѣчавшихся ему мусульманъ называлъ арабскими именами и нигдѣ не упоминаетъ, чтобъ они окитаились или чтобъ мусульманство принимали и сами китайцы. Сверхъ того, изъ того, что китайское названіе мусульманъ принадлежитъ имени народа, вышедшаго изъ нѣдръ Монголіи, слѣдовательно явилось только съ распространеніемъ мусульманства въ сѣверо-западномъ Китаѣ, можно также заключить, что приморскія гавани не были разсадникомъ мусульманства, что только съ тѣхъ поръ, какъ магометанство прочно водворилось на этомъ сѣверѣ, и природные мусульмане Ю.-В. стали превращаться въ китайцевъ. А это событіе не могло начаться раньше половины XIV столѣтія. Дѣйствительно, къ этому времени относится самая древняя магометанская надпись въ одной изъ китайскихъ мечетей въ Кантонѣ.

Съ сухаго пути магометанство также, какъ видно изъ китайскихъ источниковъ, проникло было въ столицу Китая еще при танской династіи, конечно, съ иностранными посольствами и купцами, которыхъ тогдашніе писатели называютъ ужасными негодяями. По словамъ ученаго Ши-Гу, они стали прятать оружіе въ своихъ частныхъ кумирняхъ, вступали въ драки съ императорскими войсками, но вскорѣ ихъ вытѣснили изъ столицы манихейцы. И съ того времени мы не встрѣчаемъ упоминанія о ихъ существованіи. Ибнъ Батута положительно говоритъ, что въ сѣверномъ Китаѣ въ его время не было мусульманъ. Это же подтверждаетъ и Марко-Поло. Онъ находитъ магометанство господствующимъ въ восточномъ Туркестанѣ. Далѣе отъ Лобъ-Нора къ востоку магоме-

тане уже являются у него изрѣдка, здѣсь даже ясно указывается на преобладаніе надъ мусульманствомъ несторіанства. Что касается до собственно тангутскихъ владѣній, начинавшихся отъ Хами, то здѣсь была, по словамъ Марко-Поло одна господствующая религія: идолопоклонство, т. е. буддизмъ. Далѣе, во всемъ Китаѣ тотъ же путешественникъ встрѣчалъ исключительно тоже идолопоклонство, только въ одномъ городѣ (Jacin), на границѣ съ Тибетомъ онъ упоминаетъ о сарацинахъ, вѣроятно зашедшихъ туда съ монгольскими войсками, разорявшими эти страны при ханѣ Мангу. Этому то сейчасъ упомянутому царству тангутъ суждено играть великую роль въ судьбахъ Востока. И многое, въ среднихъ вѣкахъ, предшествовавшихъ Чингисхану, намъ кажется темнымъ и непонятнымъ потому только, что исторія этого царства до сихъ поръ не обратила на себя должнаго вниманія.

Царство Тангутъ основано было въ разсадникѣ нынѣшняго мусульманства въ сѣверо-западной части Китая, хотя царскій родъ и происходилъ изъ тибетскаго племени Танъхяновъ, т. е. Тангуновъ, но самыми главными силами этого царства были уйгуры, жившіе какъ внутри китайскихъ земель, такъ и за границами ихъ къ западу до Хамула и Урумци. Вотъ разгадка того знаменитаго спора, который нѣкогда возбудило одно мѣсто монгольскаго историка Сананъ Сэцэна, который утверждаетъ, что уйгурами во времена Чингисхана называли тангутовъ. Этому смѣшенію мы находимъ объясненіе и въ настоящее время. Китайскіе мусульмане называются самими китайцами именемъ уйгуровъ, а турецкіе магометане дали имъ названіе тунганей, названіе очевидно исковерканное черезъ такъ часто случающуюся перестановку двухъ гласныхъ буквъ въ словѣ тангунъ (тангутъ есть множественное число отъ тангунъ).

Эти уйгуры-тангуты замѣчательны не одной только политической устойчивостью, вслѣдствіе которой они сохранили почти въ продолженіе трехъ столѣтій (до Чингисхана) самостоятельность своего царства, выдержавъ сначала борьбу противъ всего Китая (духъ ихъ живетъ и въ ихъ потомкахъ), принадлежавшаго династіи Сунъ, потомъ остановивъ распространеніе

могущества киданей и чжурчженей. Мы имѣемъ всѣ поводы думать, что ихъ политическое вліяніе передъ появленіемъ Чингисхана простиралось и на противника его Ванхана, сдѣлавшагося чрезъ Марко-Пало извѣстнымъ подъ именемъ священника Іоанна (Prêtre Jean); оно простиралось и на уйгуровъ или турокъ, живших ъ далѣе къ западу отъ Хами, которымъ ограничивались собственныя владѣнія царства Ся. Уйгуры тангуты являются еще болѣе замѣчательными по вліянію на умственное образованіе Востока, соединивъ въ себѣ образованіе Китая съ идеями Запада и религіей Тибета. До сихъ поръ мы думали, что уйгуры познакомили съ азбучнымъ алфавитомъ въ первый разъ въ Средней Азіи только потомковъ Чингисхана, отъ которыхъ заимствовали свое письмо и нынѣшніе маньчжуры. Изъ вновь открытыхъ памятниковъ оказывается, что тангутскимъ письмомъ пользовались и чжурчжени, вѣроятно и кидане. Уйгурская ученость, о которой такъ много распространяется Арабшахъ, была не болѣе какъ усвоеніе китайскаго образованія. Но главная неизслѣдованная до сихъ поръ роль уйгуровъ заключается въ религіозномъ ихъ вліяніи.

Мы упомянули уже выше, что распространенію политическаго могущества арабовъ на востокѣ положило границы мужество тибетцевъ. Но нравственными врагами ихъ являются тѣ же уйгуры; какъ китайскіе такъ и магометанскіе писатели (Масуди) равно согласно говорятъ, что Уйгуры при танской династіи приняли манихеизмъ, которому сочувствовали и китайскіе императоры, особливо въ благодарность за пособіе, оказанное уйгурами при возмущеніи Аньлушаня. Этимъ обращеніемъ уйгуры не допустили магометанство распространяться далѣе на Востокѣ. Во времена Юаньской династіи эти уйгуры являются не только буддистами, но и представителями буддійской учености. Когда пекинскій дворъ задумалъ исправлять и пополнять буддійскія книги, переведенныя на китайскій языкъ, то онъ приглашаетъ ученыхъ уйгуровъ. Чанъ-Чунь въ первомъ уйгурскомъ городѣ встрѣтилъ собраніе буддійскихъ книгъ. Мы думаемъ, что эта же ученость уйгуровъ имѣла большое вліяніе на образованіе новѣйшаго ламаизма, — европейскіе

миссіонеры всегда поражались сходствомъ наружности этихъ ламъ и ихъ обрядовъ съ римско-католическими; но они не обратили вниманіе на то, что Цзонхава, основатель новѣйшаго ламаизма, былъ родомъ изъ Тангута, который былъ въ связи со всѣми христіанскими послѣдователями,—тогда добродушнымъ миссіонерамъ не нужно было бы прибѣгать къ объясненію такого сходства демонскимъ ухищреніемъ!

Уйгуры, какъ видно, и по паденіи Юаньской династіи долго еще придерживались буддизма. Въ китайскихъ источникахъ мы находимъ упоминаніе, что еще въ послѣдней половинѣ XV вѣка (около 1570 г.) въ Хами существовали буддійскіе монастыри, но западнѣе въ Турфани соотечественники ихъ уже являются магометанами. Турфаньскій султанъ Али дѣлаетъ непрестанныя нападенія на Хами, и, конечно, тутъ участвуетъ религіозная ревность; — жители Хами и болѣе восточныхъ мѣстностей то бѣгутъ подъ защиту китайцевъ, то возвращаются обратно на свою родину, но все таки мы находимъ въ китайскихъ исторіяхъ постоянное упоминаніе о существованіи въ самомъ Китаѣ (въ провинціяхъ Ганьсу и Шэньси) инородцевъ Хой-хэ. Эту то эпоху мы и полагаемъ началомъ полнаго водворенія магометанства въ Китаѣ. Надобно, впрочемъ, сознаться, что названіе Хой-хэ съ давняго времени могло быть перенесено китайцами отъ уйгуровъ, ближайшихъ и послѣднихъ турокъ, приблизившихся къ ихъ границамъ и на всѣхъ другихъ болѣе западныхъ народовъ турецкаго племени. Такъ, китайскій путешественникъ Чанъ-чунь, уже въ началѣ XIII столѣтія называлъ этимъ именемъ всѣхъ народовъ западнаго Туркестана. Такимъ образомъ, названіе мусульманства именемъ уйгурской религіи, могло въ Китаѣ явиться ранѣе чѣмъ дѣйствительные уйгуры сдѣлались магометанами, но это нисколько не доказываетъ болѣе ранняго водворенія мусульманства въ Китаѣ. Торговцы изъ западныхъ странъ могли проникать въ Китай и сухимъ путемъ, но по примѣру приморскихъ мѣстностей только временно.

Минская исторія положительно говоритъ, что мусульмане разсѣялись по всему Китаю только со временъ Юаньской династіи. Это очень естественно,—

монголы, сдѣлавшись завоевателями Востока и Запада, конечно, умѣли искусно воспользоваться перемѣщеніемъ своихъ разнородныхъ подданныхъ, поступавшихъ въ ихъ войско, изъ одной мѣстности въ другую; въ составѣ чиновъ, окружавшихъ монгольскихъ императоровъ, мы также находимъ лицъ, носящихъ магометанскія имена, но это не доказываетъ особой ревности монголовъ къ магометанской религіи. Можетъ быть, это происходило отъ переданныхъ вѣками враждебныхъ чувствъ двухъ соперничавшихъ въ средней Азіи націй: монголовъ и турокъ. Въ дошедшихъ до насъ древнихъ привиллегіяхъ, написанныхъ древними монгольскими письменами, говорится только о буддійскихъ монахахъ, даосахъ и христіанскихъ священникахъ (эркегунъ), но этими милостями нигдѣ не пользуются магометанскіе муллы. Въ самой Персіи и Капчакѣ монгольскіе ханы обращаются къ мусульманству только черезъ нѣсколько поколѣній и уже по прекращеніи связей съ своей родиной. Въ восточномъ Туркестанѣ, гдѣ народъ также издавна исповѣдывалъ магометанство, князья монгольскаго происхожденія обращаются къ исламу уже послѣ изгнанія монголовъ изъ Китая,

Да китайцы немусульмане и сами не говорятъ о распространеніи магометанства между китайцами раньше Минской династіи (1368 — 1644 г.). Вотъ что мы находимъ въ ихъ книгахъ: «послѣ бѣгства послѣдняго монгольскаго императора, когда взятъ былъ Пекинъ (1368 г.), въ дворцовой библіотекѣ найдены были мусульманскія книги, которыхъ никто не могъ разобрать и первый минскій императоръ поручилъ перевести ихъ академикамъ (у?) Ма-ша-и-хей и Махама; вслѣдствіе этого мусульманство стало вращаться въ Китаѣ, такъ что его невозможно уже истребить». Въ другомъ мѣстѣ китайскій ученый Ханъ-ши-цзюнь, жившій уже при нынѣшней династіи, говоритъ, что изъ трехъ религій: христіанской, манихэйской и мусульманской, прежде проникшихъ въ Китай, одно мусульманство распространилось сильно и ему стали слѣдовать даже ученые и вельможи.

Конечно, одинъ простой переводъ, сдѣланный для

императора, переводъ нераспространенный въ печати, не могъ бы возбудить благоговѣнія къ религіи, если бы не было истолкователей. Есть и другія болѣе основательныя причины этого обращенія.

Минская династія заключалась въ собственномъ Китаѣ, она не распространяла своего могущества внѣ его предѣловъ и поставила себя во враждебныя отношенія ко всѣмъ сосѣдямъ, желая отдѣлиться отъ остальнаго міра. Но внутри Китая при основаніи этой династіи въ различныхъ мѣстностяхъ остались различные инородцы, занесенные сюда, даже прежде монголовъ, политическимъ могуществомъ киданей, чжурчженей и тангутовъ. Такимъ же точно образомъ, магометане, пріѣзжавшіе для торговли въ приморскихъ гаваняхъ, остались китайскими подданными. Первый основатель Минской династіи, отклонялъ обычную ненависть китайцевъ, такъ долго страдавшихъ отъ этихъ инородцевъ и готовыхъ ихъ вырѣзать, приказавъ оставить ихъ въ покоѣ. Если не прежде, то уже послѣ этого эти поселенцы должны были непремѣнно окитаиться. Но принимая китайскій языкъ, китайскую наружность, эти новые китайцы не могли забыть скоро своего иностраннаго происхожденія и память объ этомъ происхожденіи всего болѣе выразилась въ удержаніи религіи, чуждой Китаю. Китайская нація всегда умѣла поставить себя такъ, что никогда, при всемъ превосходствѣ своего образованія, не возбуждала сочувствія въ инородцахъ; очень понятно, что одно чувство, воодушевлявшее всѣхъ, привело и къ одной религіи, понятно также, почему этой религіей было магометанство. Если со стороны моря торговля съ Китаемъ была по преимуществу въ рукахъ магометанъ, такъ они же ближе къ нему были въ то время и съ сухого пути. Какъ бы то ни было, но мы видимъ магометанство утвердившимся именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ исторія указываетъ намъ поселеніе инородцевъ при прежнихъ династіяхъ въ видѣ гарнизоновъ, колоній, или конторъ, заведенныхъ съ торговыми цѣлями,—всѣ они теперь приняли давно типъ и языкъ китайскій. Этимъ же объясняется, почему магометанство занесено въ провинцію Юньнань. Изъ исторіи видно, что эта провинція

долѣе всѣхъ противилась минскому императору, подъ управленіемъ монгольскихъ начальниковъ.

Но вовсе не надобно думать, чтобъ всѣ китайскіе мусульмане были одни разселившіеся повсюду уйгуры, или, какъ хотятъ увѣрить сами китайскіе мусульмане, потомки арабовъ, присланныхъ въ Китай еще при Магометѣ.

Мы находимъ три варіанта послѣдняго факта. По однимъ (по минской исторіи, составленной уже въ прошломъ столѣтіи—при Цянь-лунѣ) мусульманскую религію въ первый разъ распространилъ въ Китаѣ арабъ (ы) Саха-ба (Сахаба — сподвижники Магомета) Сэйдъ (Са-а-ди) Гань *гэ-сы* (или Сахабе Са-а-ди-кань во-сы гэ) при Суйской династіи (581—619), слѣдовательно, еще до начала Гэчжры.

По имѣющейся у насъ подъ руками поэмѣ о происхожденіи магометанства (Хуй-хуй юань лай), написанной тоже при нынѣшней династіи, начавшейся въ 1644 г., танскій императоръ видѣлъ въ 623 г. во *снѣ* чалмоносца, прогоняющаго изъ его дворца чертей, потому, по совѣту министровъ, отправилъ вельможу Шитана съ письмомъ къ Хуй'скому царю, который обрадовавшись, отправляетъ къ нему съ адресомъ трехъ посланниковъ Гай-сы, Уай-сы и Гэ-синь, но изъ нихъ двое первые умерли на дорогѣ, одинъ только Гэ-синь достигъ до богдыхана и въ разговорахъ съ нимъ убѣдилъ его въ превосходствѣ магометанскаго ученья.

Въ полученной нами недавно прокламаціи одного уѣзднаго правителя, въ которой излагаются мусульманскія постановленія, разсказывается еще опредѣлительнѣе слѣдующее:

Въ 632-мъ году (по Р. Х.) изъ Аравіи (Тянь-фанъ) дядя величайшаго святителя Мухань-мо-дэ, Ванъ-гэ-ши *), въ сопровожденіи 3000 свиты, неся съ собой небесную книгу Гур-а-и (коранъ), вступилъ въ этотъ Китай. Танскій императоръ, увидѣвъ образованность, деликатность и глубокую ученость прибывшаго вельможи (дажень) приказалъ столичному (Чанъ-аньскому)

*) Имена: Ганьгэсы или Восыге по минской исторіи, Гэ-синь въ поэмѣ и Ванъ-гэ-ши въ прокламаціи довольно близки по созвучію.

правителю построить мечеть (сы) великой чистоты и истины (Цинъ чжэнь—переводъ слова „мусульманство)“ и просьбами убѣдилъ вельможу поселиться въ Чанъ анѣ (столицѣ) со свитой; такъ какъ они ежедневно совершали (въ этой кумирнѣ), пять разъ намазъ (лэ-ма-цзы) и, обращаясь къ западу, молились (либай) истинному богу, то (кумирня) и стала называть ся молельней (ли-бай-сы—такъ называютъ по-китайски мечети). Впослѣдствіи, когда число душъ (арабовъ) съ каждымъ днемъ стало увеличиваться (тотъ же) императоръ Тайдзунъ приказалъ построить еще по мечети въ Цзянъ-нинѣ (Нанкинѣ) и Гуанъчжоу (Кантонѣ) и разселилъихъ тамъ.

Всѣ эти документы, въ которыхъ нѣтъ ни капли исторической истины, показываютъ не то, что китайскіе мусульмане забыли о своемъ происхожденіи и объясняютъ его благовидными для нихъ разсказами. Мы видимъ только тотъ главный фактъ, что магометане начали въ первый разъ писать о себѣ на китайскомъ языкѣ только съ началомъ нынѣшней династіи. Оно, дѣйствительно, и не могло быть ранѣе, такъ какъ при минской династіи имъ надобно было еще утвердиться въ Китаѣ, дать забыть о своемъ дѣйствительномъ происхожденіи, освоиться съ новымъ положеніемъ, вступить въ сношенія другъ съ другомъ.

Точно также надобно замѣтить, что китайскіе мусульмане не хотятъ знать связи съ уйгурами; въ своемъ китайскомъ названіи хуй-хуй (что значитъ собственно возвращаться) они видятъ буквальный переводъ слова мусульманинъ.

Мы говорили уже выше, что царство тангутъ, называемое и уйгурскимъ, сообщило свое двоякое названіе мусульманамъ китайскимъ. Это же царство носило по китайски названіе Да-ся, а подъ этимъ же самымъ именемъ извѣстны были въ Китаѣ и арабы. Мусульмане воспользовались этимъ случайнымъ сходствомъ, чтобъ произвести себя не отъ уйгуръ, а отъ арабовъ.

Извѣстно стремленіе мусульманства къ прозелитизму, извѣстенъ фанатизмъ, нетерпящій господства другихъ вѣръ. Попытка осуществить эти стремлнія проявилась не въ первый разъ въ настоящемъ возмущеніи. Когда пала минская династія, магометане хотѣли и тогда воспользоваться замѣшательствомъ Китая; тогдашнее сопротивленіе ихъ было гораздо серьезнѣе повторившагося чрезъ столѣтіе послѣ того возмущенія въ Лань-чжоу. Прошло еще столѣтіе и они выступаютъ снова. Это терпѣніе мусульманства, обыкновенно такъ фанатическаго, показываетъ, что они сумѣли вступить на вѣрный путь и когда-нибудь добьются своей цѣли.

Если бы китайцы-магометане состояли дѣйствительно только изъ однихъ потомковъ древнихъ инородцевъ, пришедшихъ на китайскую землю, то можно ли бы было задаться вопросомъ: обратится ли когда-нибудь весь Китай въ магометанство; самый вопросъ предполагаетъ уже, что мусульманство пріобрѣтаетъ постоянно новыхъ поклонниковъ въ средѣ туземцевъ и, слѣдовательно, спрашивается только, остановится ли это распространеніе.

Мы уже привели выше замѣчаніе китайскаго писателя, что мусульманство возбуждуетъ сочувствіе въ китайскихъ ученыхъ и вельможахъ. По нашему мнѣнію, авторъ сказалъ бы вѣрнѣе: мусульмане занимаютъ мѣста и должности, они являются и въ академіяхъ, и въ гражданской и военной службѣ, но главное распространеніе происходитъ въ народѣ, о вѣрованіяхъ котораго не заботится ни правитетьство, ни китайская литература. Мусульманство распространяетъ еще болѣе пропаганду между низшими и средними классами, чѣмъ между высшими, но новая вѣра не мѣшаетъ никому продолжать свои обычныя гражданскія занятія: заниматься земледѣліемъ, торговлей, науками, и, если средства и способности позволяютъ, изъ мусульманина какъ и изъ всякаго другого китайца выходитъ мандаринъ. Какая же можетъ быть лучшая поддержка миссіонерскимъ стремленіямъ всякой вѣры!

И въ самомъ дѣлѣ, сбыточное ли дѣло, чтобъ магометанство въ одномъ Китаѣ отказалось отъ про-

зелитизма. Одно уже то обстоятельство, что всѣ магометане имѣютъ китайскій типъ, показываетъ, что инородцы смѣшались съ туземцами, женясь на китаянкахъ, что продолжается и до сихъ поръ, тогда какъ въ приводимой нами прокламаціи мы читаемъ страшныя проклятія на мусульманку, вышедшую замужъ за немусульманина и преслѣдованія противъ тѣхъ, которые это устроили...

Если мы знаемъ, что христіанство во время самаго преслѣдованія успѣвало дѣлать новыя обращенія, то, что мѣшало магометанамъ, всегда оставляемымъ въ покоѣ за ихъ религіозныя вѣрованія, обращать другихъ въ свою религію : мы имѣемъ право думать, что ни одно миссіонерское общество не устроило такъ превосходно своей пропаганды, какъ китайское мусульманство, но оно дѣлало это безъ всякаго шума, безъ всякихъ поощреній со стороны постороннихъ націй, потому на него и не обращали вниманія и въ самомъ Китаѣ, какъ это было въ прежнее время съ христіанами. Во-первыхъ: китайскій мусульманинъ миссіонеръ есть въ то же время настоящій китаецъ, слѣдовательно не бросается въ глаза, онъ лучше всякаго другого вѣропроповѣдника знаетъ, гдѣ и какъ ему можно и должно дѣйствовать; онъ знаетъ духъ своихъ соотечественниковъ, имѣетъ съ ними одно общее образованіе, говоритъ съ ними на одномъ общемъ языкѣ, нисколько не возбуждая смѣха своимъ дурнымъ произношеніемъ, что постоянно случалось съ католическими миссіонерами.

Мусульманство никогда не обращалось къ правительству съ требованіемъ для себя какихъ либо привиллегій, напротивъ, оно кажется только и хлопотало о томъ, чтобъ о немъ забыли до поры до времени. Дѣйствительно, гдѣ видно, чтобъ мусульманскіе минареты не возвышались среди городскихъ зданій, въ Китаѣ же мечеть скрывается въ уровнѣ прочихъ одноэтажныхъ домовъ; гдѣ видано, чтобъ магометанинъ не брилъ головы, не носилъ чалмы и своего халата, китайскій же мусульманинъ носитъ косу, надѣваетъ шапки съ бутонами всегда одинаково съ прочими китайцами,—его можно узнать только по подстриженнымъ немножко усамъ, но это не запрещено закономъ никому и изъ прочихъ китайцевъ.

Послушать китайскимъ мусульманъ, какъ они выражаются въ своей китайской литературѣ, такъ магометанство ничѣмъ не разнится отъ главныхъ идей, присущихъ всѣмъ китайцамъ, идей, основанныхъ на изученіи конфуціанскихъ классическихъ книгъ. Проникнутые тѣми самыми идеями, которыя на Западѣ не терпятъ ни іудеевъ, ни христіанъ, хотя Христосъ и Моисей и признаются пророками, китайскіе мусульмане являются самыми снисходительными къ языческому конфуціанству, они всѣ силы употребляютъ доказать своимъ соотечественникамъ, что ихъ догматы не отличаются ни на волосъ отъ ученія Конфуція.

Все наше различіе, говорятъ мусульмане, оправдывая себя конфуціанской же идеей, что не должно измѣнять своимъ обычаямъ, заключается въ томъ, что мы хранимъ преданія нашихъ предковъ касательно свадебъ, похоронъ, что мы не ѣдимъ свинины, не пьемъ вина, не куримъ табаку, запрещаемъ распутство и азартныя игры, омываемся предъ молитвою. Согласитесь, что все это недурныя дѣла. О главныхъ догматахъ мусульмане стараются всюду молчать.

Вслѣдствіе этого мусульмане умѣли представить въ глазахъ ученыхъ китайцевъ, старающихся быть безпристрастными, такъ свое ученіе, что они отдаютъ ему предпочтеніе предъ христіанствомъ. Вотъ какъ говоритъ о нихъ одинъ новѣйшій ученый: «Арабская вѣра *въ служеніи* верховному небу похожа на конфуціанскую въ служеніи верховному владыкѣ неба. Къ этому она присоединила только заимствованія изъ буддизма касательно молитвъ, поста, богослуженія, подаянія, ученія о воздаяніяхъ. Въ главныхъ своихъ основаніяхъ она не поражаетъ *нравственной религіи* (т. е. естественной), допущеніемъ трехъ родовъ жертвъ: высшихъ (небу, землѣ, солнцу, лунѣ), среднихъ (горамъ, рѣкамъ, водѣ, землѣ), и низшихъ (въ храмахъ предковъ и на могилахъ), она стоитъ выше *односторонняго* и *пристрастнаго христіанства*».

Благодаря допущенію жертвъ въ мусульманствѣ, магометанинъ смѣло является чиновникомъ. Китайскій мандаринъ, къ какой бы религіи онъ не принадлежалъ (даосійской или буддійской), есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ жрецъ конфуціанства, которое и не

имѣетъ другихъ жрецовъ, кромѣ правительственныхъ лицъ. Онъ приноситъ жертвы въ конфуціанскихъ храмахъ, присутствуетъ на народныхъ празднествахъ,— мусульманинъ исправляетъ всѣ эти обряды, смотря на нихъ, какъ на простой обычай, колѣнопреклоненіе для него нипочемъ — для христіанина же невозможно это отправленіе обязанностей.

Кромѣ вліянія власти, богатства, торговыхъ и промышленныхъ сношеній, въ магометанствѣ есть пункты, которые могутъ особенно привлекать простой и бѣдный классъ. Такъ напримѣръ, такъ называемый зэкатъ, по которому всякій имѣющій доходъ свыше извѣстной (въ Китаѣ 14 ланъ или 30 рублей) суммы, жертвуетъ сороковой процентъ въ пользу бѣдныхъ.

Для бѣдныхъ китайцевъ, которыхъ такое множество, такая религія должна казаться истиннымъ благодѣяніемъ—имъ терять нечего, а получить вспомоществованіе могутъ. Самыя христіанскія миссіи только и привлекали къ себѣ бѣдняковъ своими пожертвованіями.

Но есть и другая сила, поддерживающая энергію мусульманства и недопускающая его до разложенія— это устройство магометанской общины.

Въ приводимой нами уже не разъ прокламаціи мы читаемъ слѣдующее:

Вельможа (Ванъ кэши, еще при Магометѣ) сочинилъ правила и уложенія и поставилъ трехъ лицъ, завѣдывающихъ дѣлами религіи: Имама, Катиба и Муэцзина, чтобы они поддерживали въ полнотѣ религіозныя правила безъ погрѣшимости и упущеній, объясняя ихъ прихожанамъ, требуя, чтобъ всѣ соблюдали эти правила и съ ними соображались. Въ случаѣ противозаконности дѣлъ трое управляющихъ вѣрой должны, не потакая и не лѣнясь, налагать взысканія. Если же будутъ упущенія со стороны троихъ духовныхъ, то старики всей общины должны ихъ смѣнить и на ихъ мѣсто избрать другихъ достойныхъ, отличающихся ученостью ахуновъ"... Въ другомъ мѣстѣ говорится, что неслушающійся приговора муллъ можетъ быть переданъ для наказанія гражданской власти. Слѣдовательно, если намъ извѣстенъ фанатизмъ самой религіи, если мы видимъ, что въ Китаѣ

она можетъ даже разсчитывать на поддержку своей организаціи со стороны самаго правительства, если мы знаемъ, что въ самой правительственной средѣ не мало вельможъ мусульманскихъ, то намъ нечего сомнѣваться, что мусульманство не упускаетъ случая къ своему распространенію.

Мы не вдаемся въ большія подробности; мы хотѣли только сказать, что кажущійся индифферентизмъ со стороны магометанства въ Китаѣ есть только тонко разсчитанное притворство. Въ послѣдніе годы совершился одинъ фактъ, который разоблачаетъ всѣ эти закулисныя тайны.

Мы говорили уже выше, что успѣхамъ мусульманской инсуррекціи въ новѣйшее время особенно благопріятствуетъ то обстоятельство, что къ ней примкнулъ западный край. Этотъ край, состоящій изъ Туркестана и Цзюнгаріи, былъ завоеванъ въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Въ Туркестанѣ поставлены гарнизоны, которые не въ силахъ были бы сдерживать стремленіе турокъ, если бы подъ бокомъ не было Цзюнгаріи. Китайское правительство вырѣзало всѣхъ цзюнгаровъ и послало сюда военныя колоніи изъ маньчжуровъ, чахаровъ и проч. Но не довольствуясь этимъ, оно держало въ различныхъ мѣстахъ всего западнаго края болѣе 20.000 земскаго провинціальнаго войска, приводимаго сюда изъ собственнаго Китая и именно изъ сѣверо-западныхъ провинцій. Тамошніе мусульмане всегда съ охотой поступали въ военную китайскую службу, такъ какъ она въ Китаѣ представляетъ много выгодъ, и правительство охотно ихъ принимало, отдавая предпочтеніе ихъ энергіи; такимъ образомъ, въ послѣднее время въ западномъ краѣ большая часть гарнизоновъ состояла изъ мусульманъ; когда они узнали о возстаніи на родинѣ, возстаніи, въ которомъ, вѣроятно, приняли участіе тамошнія мѣстныя войска, то имъ ничего не значило поднять весь западный край. Офицеры были также магометане. Мы не вѣримъ жестокостямъ, о которыхъ разсказывали агентамъ нашимъ въ киргизскихъ степяхъ. Мусульмане должны были встрѣтить собратовъ и сочувствіе въ купцахъ, земледѣльцахъ и простомъ народѣ, въ ссыльныхъ, потому что

все это были ихъ соплеменники, выходцы изъ Китая, хотя бы и немагометане. Естественными врагами инсуррекціи здѣсь должны были явиться только маньчжуры, которыхъ они дѣйствительно всюду истребляли, но ихъ было немного. Солоны и Сибо, другіе поселенцы Цзюнгаріи, видя силу мусульманъ, вступили съ ними въ переговоры, тогда послѣдніе объявили, чтобъ они, если хотятъ остаться въ цѣлости, приняли магометанство, на что и послѣдовало согласіе.

Итакъ, если когда-нибудь мусульманство, одержавъ политическій перевѣсъ въ Китаѣ, обратится съ этимъ же требованіемъ къ остальнымъ китайцамъ, то встрѣтитъ ли оно сопротивленіе? Намъ кажется, что для китайцевъ принятіе вѣры покажется гораздо легче перемѣны костюма, которая произошла съ перемѣной нынѣшней династіи.

На Востокѣ вовсе не имѣютъ того понятія о привязанности къ религіи, которое мы встрѣчаемъ на Западѣ—тамъ люди живутъ не сердцемъ, а житейскими нуждами. Конфуціанство, буддизмъ, даосизмъ вовсе не возбуждаютъ сердечной привязанности въ своихъ поклонникахъ, да нами уже не разъ высказано было въ другомъ мѣстѣ, что буддизмъ и даосизмъ суть вѣрованія жрецовъ, а не свѣтскихъ; этой холодностью легко можетъ воспользоваться всякая религія Запада. Но въ настоящемъ положеніи, какъ мы думаемъ, всѣ благопріятные шансы выпадаютъ на долю мусульманства.

По крайней мѣрѣ эта холодность можетъ служить ручательствомъ, что магометанство никогда и при всѣхъ политическихъ неудачахъ не истребится въ Китаѣ. Не религіямъ Востока вытѣснить жаръ, поселенный въ сердцахъ идеями Запада.

Но китайцы, сдѣлавшись однажды магометанами, потеряютъ, конечно, и свой прежній индеффферентизмъ...

До сихъ поръ мы болѣе обращали вниманіе на вліяніе Востока на Западъ, чѣмъ Запада на Востокъ. Всѣмъ намъ съ дѣтства извѣстно о движеніи варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, а мы, упустили изъ виду, что самое это движеніе вызвано было походами Александра Великаго. Основаніе имъ

царство въ Бактріанѣ, произвело переворотъ въ судьбахъ народовъ Средней Азіи; только послѣ этого времени образовалась великая монархія гунновъ. Потомки сподвижниковъ Александра являются подъ стѣнами Китая; еще въ 8-мъ столѣтіи нашей эры грекъ Александръ, (переименованный китайцами въ Ань-лушаня) поколебалъ тронъ китайскаго императора и возсѣдалъ на немъ кратковременно. Имена грековъ и македонянъ сохранились въ Средней Азіи въ названіяхъ народовъ: Хихи и Кидань; послѣдніе перенесли свое имя на самый Китай. Оттого-то въ странахъ крайняго Востока и встрѣчаются слова греческаго и римскаго происхожденія.

Изысканія профессора Хвольсона доказываютъ, что турки пришли не изъ подъ стѣнъ Китая, но подъ стѣнами Китая явились изъ Европы, такъ какъ памятники турецкаго языка въ Крыму относятся къ эпохѣ Р. Х.

Мы твердо убѣждены, что только со времени Александра Великаго начинается просвѣщеніе Индіи. По крайней мѣрѣ мы надѣемся доказать положительно, что Будда явился никакъ не раньше этого завоевателя.

Даже если предположить, что буддизмъ былъ чисто индійское произведеніе, то не говоря о томъ, что его самое первоначальное и самое крайнее развитіе было въ связи съ землями, лежащими на сз. Мы знаемъ, что онъ поворотилъ отъ этого сѣверозапада прямо на востокъ и имѣлъ силу распространиться только на этомъ востокѣ; слѣдовательно, западнымъ идеямъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ превосходство и энергія надъ идеями Востока. Почему же магометанству болѣе западному, болѣе чистому, болѣе энергичному, чѣмъ буддизмъ, не заступить его мѣсто на Востокѣ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что магометанство въ самой Индіи распространилось болѣе всего на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде господствовало ученіе Будды, что въ Тогарѣ, Туркестанѣ онъ всюду вытѣснялъ это же самое ученіе. Тѣми же самыми путями, которыми проникалъ буддизмъ со стороны моря и со стороны Туркестана и магометанство вторгнулось

въ Китай. Самая китайско-мусульманская литература свидѣтельствуетъ, что китайцы-магометане сознаютъ свое призваніе быть наслѣдниками буддистовъ.

Переводъ прокламаціи китайскаго магометанина, изданной на китайскомъ языкѣ [1]).

Правила истинной мусульманской религіи.

Въ (632 г. по Р. Х.) шестый годъ правленія Чжень-гуань Танскаго (императора) Тайцзуна при святѣйшемъ Мухаммедѣ (Му-хань-мо-дэ) въ Арабіи (Тянь-фанъ—небесная сторона) дядя его по матери, вельможа Ванъ-гэ-ши (Ибнъ-Гамза) [2]) во главѣ трехъ тысячъ мужей, сопровождая небесную священную книгу (Цзинъ) Коранъ (Гу-рл-ва-и) вступилъ въ это (наше) срединное государство. Танскій (императоръ) Тайцзунъ, видя, что этотъ пришедшій съ запада вельможа деликатенъ, образованъ и обладаетъ глубокой ученостію, приказалъ правителю (своей столицы) Чанъ-ань построить (мечеть) Да-цинъ чжэнь-сы (великая мусульманская кумирня или храмъ великой чистоты и истины) и убѣдительно просилъ вельможу поселиться въ Чанъ-ань'ѣ. Вслѣдствіе этого онъ и поселился со (всей) свитой; (такъ какъ они) въ этомъ храмѣ каждый день пять разъ совершали намазъ (лэ-мацзы, обратясь къ западу поклонялись (ли-бай) истинному Богу, то поэтому (храмъ и) сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ кумирни поклоненія (Ли-бай-сы [3]). Впослѣдствіи, когда народонаселеніе размножилось Тайцзунъ приказалъ еще въ Цзянъ-нинѣ

---

[1]) Эта прокламація доставлена намъ въ прошломъ году о. архимандритомъ Палладіемъ, начальникомъ Пекинской миссіи, извѣстнымъ своими учеными трудами. Она напечатана на одномъ большомъ листѣ крупными буквами и имѣетъ форму обыкновенныхъ правительственныхъ прокламацій, приклеиваемыхъ на казенныхъ зданіяхъ и заборахъ. Прилагаемый при семъ текстъ подлинника содержитъ въ себѣ столько трудностей для незнакомаго съ арабскимъ языкомъ, который является здѣсь неузнаваемымъ въ формѣ китайскихъ іероглифовъ, что мы не могли бы ни въ какомъ случаѣ сдѣлать этого перевода, еслибъ не прибѣгли къ помощи нашего знаменитаго оріенталиста Алекс. Касимовича Казембека.

[2]) Говорятъ, по преданію, что еще при Магометѣ дяди его Гамза и Аббасъ Корейшиты вышли распространять коранъ внѣ владѣній, дѣйствительно принадлежавшихъ этому завоевателю.

[3]) Такъ нынѣ называются по-китайски мечети.

(Нанкинъ) и Гуанъ-чжоу-фу (Кантонъ) [4]) построить по мусульманской кумирнѣ и разселить ихъ въ этихъ мѣстахъ.

Поэтому (?) вельможа, составивъ толкованія на священныя книги и уложенія, постановилъ религіозныя правила, учредилъ трехъ правителей вѣры, какъ-то: Имама (И-ма-му), Хатыба (Хэ-туй-бу) и Муэззина (Моорл-цзини). Эти три лица сдѣланы завѣдывающими религіей, чтобы они содержали въ полнотѣ религіозныя правила безъ погрѣшимости и безъ опущеній, чтобъ они ежедневно объясняли статьи и легенды (религіи), вразумляли прихожанъ (гкаум-гао-му) и требовали, чтобы всѣ соблюдали *объясненныя* правила и съ ними соображались. Въ случаѣ противозаконныхъ дѣлъ только трое управляющихъ религіей по общемъ совѣщаніи безпристрастно должны рѣшать (т. е. постановлять наказаніе или приговоръ); они не могутъ ни потакать, ни лѣниться. Въ случаѣ ежели будутъ упущенія, то, если трое управляющихъ вѣрой допустили (эти) упущенія, касающіяся общаго дѣла, тогда старики всей общины должны ихъ смѣнить и выбрать снова на эти мѣста добродѣтельныхъ, способныхъ, стремящихся къ учености отличныхъ ахуновъ [5]).

Правила суть слѣдующія.

§ 1. Когда прихожанинъ (гкаумъ) женится, то три управителя вѣрой препровождаютъ напередъ религіозное имя [6]) (невѣсты) въ домъ жениха, а изъ дома жениха чрезъ трехъ правителей вѣры посылаютъ въ домъ невѣсты сговорные дары: шпильки, булавки (головныя), кольца, головныя украшенія и платья. Съ этого времени считаются соединенными навѣки, и когда въ назначенный день (женихъ) самъ приведетъ невѣсту въ домъ, три правителя религіи читаютъ молитвы бракосочетанія и по исполненіи благословенія четырехъ золотыхъ монетъ Кабинъ (Ка-бинъ) мужчина вручаетъ ихъ дѣвицѣ въ знакъ бракосочетанія.

---

[4]) Это все нынѣшнія названія.

[5]) Это слово новое персидское.

[6]) Китайскіе мусульмане по обычаю китайцевъ носятъ китайскія фамиліи и имена, подъ которыми извѣстны и между собой; а собственныя арабскія имена неупотребительны.

По изъявленіи женихомъ и невѣстой привѣтствій другъ другу, трое управляющихъ вѣрой раздаютъ *радостные* (т. е. свадебные, поздравительные) плоды. Собравшіеся, получивъ радостные плоды, желаютъ (новобрачнымъ) много дѣтей и всѣ поздравляютъ ихъ.

§ 2. Когда кто умретъ, то въ продолженіе трехъ дней обмываютъ и хоронятъ тѣло; трое духовныхъ [7]) читаютъ книгу (цзинъ) убиранія костей. При чтеніи чжэназэ (чжэна-цзэ) [8]) возжигаютъ куренія, и, махая кадиломъ, съ молитвой выносятъ (гробъ); собравшіеся, всѣ держа въ рукахъ кадила, въ которыхъ горятъ куренія, провожаютъ гробъ до горы [9]). Когда опустятъ, то читаютъ молитвы и раздаютъ имущество (деньги, матеріи), соль, чай, жужубы, каштаны. Могила умершаго называется землей спокойнаго опущенія. Послѣ похоронъ трое духовныхъ возвращаются въ домъ (покойника) и читаютъ молитвы. По прошествіи первой недѣли (также) читаютъ молитвы (или совершаютъ богослуженіе). Послѣ второй, третьей, по исполненіи мѣсяца, сорока дней и ста дней (всякій разъ) читаютъ молитвы.

§ 3. Когда обмываютъ покойника, то мужчину моютъ и одѣваютъ четверо мужчинъ, а женщину четыре женщины; при обмываніи употребляютъ чистую воду; натуральнаго цвѣта (некрашенымъ, называемымъ) кэфаномъ (саванъ) холстомъ набрасываютъ поверхъ голаго тѣла. Подстилаютъ бѣлое полотно и покрываютъ такимъ же (не подшивая его ничѣмъ). Религіозное имя надписываютъ на шапкѣ, кладутъ мускусъ въ отверстія тѣла (ротъ, ноздри, уши, глаза), канфару между платьемъ и тѣломъ. Когда кладутъ въ могилу, то головой на сѣверъ, а ногами на югъ, лицо обращается къ западу,

§ 4. При проводахъ гроба, хотя и жгутъ куренія, но должно идти стройно и соблюдать тишину по дорогѣ; запрещается музыка и пусканье ракетъ (какъ это дѣлается при обыкновенныхъ китайскихъ по-

---

[7]) Такъ мы будемъ для краткости называть ихъ; въ текстѣ вездѣ говорится трое правителей вѣры.

[8]) Молитва по умершемъ при выносѣ.

[9]) Въ большей части Китая горы служатъ кладбищами, но хоронятъ также и въ равнинахъ.

хоронахъ). Если кто не послѣдуетъ этимъ религіознымъ правиламъ, то трое духовныхъ сообща налагаютъ штрафъ; если кто не подчинится штрафу, того сообща наказываютъ; если же противится наказанію, то трое духовныхъ отправляютъ его при бумагѣ къ мѣстному правителю, предоставляя его государственнымъ наказаніямъ.

§ 5. При чтеніи и слушаніи священнаго писанія непремѣнно нужно обмывать тѣло дочиста. Только при чистотѣ искренняя молитва можетъ проникнуть до милости Бога, можетъ уменьшить грѣхи умершихъ. При раздачѣ соли, чаю, имущества, при вспомоществованіи бѣднымъ, изнуреннымъ, сиротамъ и вдовамъ—кунжутнымъ масломъ, мукой, ароматами, при возношеніи куреній въ честь священнаго писанія или прежнихъ людей (умершихъ святыхъ?), (вездѣ необходимо омовеніе) — трое духовныхъ должны наставлять прихожанъ, чтобъ они приступали ко всему этому съ прямымъ сердцемъ и чистымъ тѣломъ, не оскверняясь нечистотой. Если отъ невразумленія тремя духовными прихожанинъ впадаетъ въ грѣхъ безсознательно, то это вина трехъ духовныхъ.

§ 6. Если дѣвица выдана замужъ за невѣрнаго (т. е., выйдя замужъ покинетъ религію), то этотъ грѣхъ гунахъ столько же тяжелъ какъ измѣна государственная (буквально: какъ двоедушный чиновникъ, заслуживающій казни отъ обоихъ государствъ) — это изъ рода въ родъ переходящій грѣхъ, неискупаемый даже казнью. И грѣхъ принимавшаго главное участіе въ этомъ дѣлѣ еще тяжелѣе, а еще болѣе грѣхъ сватавшаго. Въ будущности въ день суда (као суань чанъ) всѣ они будутъ допрошены.

§ 7. Берегитесь дурного, творите добро. День суда (као суань чанъ) на небѣ (а-сы-ма-ни-асманъ) — и тюрьма (дузахъ до цзы-хэй) на землѣ недалеко другъ отъ друга. Всякій долженъ отъ истиннаго сердца устранить себя и подвизаться въ дѣланіи добра; тогда только онъ избавится отъ *тюрьмы* (или ада-доцзы-хэй) и взойдетъ въ рай. Въ подвигахъ по пути получается высокая степень Амаль (высокаго святого, т. е., не нуждающагося въ раю).

§ 8. Запрещаются вино и табакъ; вино возмущаетъ

природное состояніе; табакъ портитъ дыхательные органы. Это все одуряющіе человѣка яды; не позволяется ни пить, ни курить; непремѣнно надобно строго запрещать; иначе какъ можетъ прихожанинъ питать духъ, украшать тѣло? если трое духовныхъ не запрещаютъ, то это вина троихъ духовныхъ.

§ 9. Запрещаются распутныя женщины и игры: распутная женщина есть презрѣнная и безстыдная женщина; игра служитъ причиной порчи добродѣтелей (нравственности); они губятъ человѣка на всю жизнь. Если, узнавши, что кто-нибудь предается этому, не строго запрещать, то мѣстная молодежь непремѣнно подвергнется этимъ недостаткамъ и вина падетъ на нестрогость троихъ духовныхъ.

§ 10. Запрещается обременять сугубыми процентами: барышъ (процентъ) составляетъ желаніе людей, тяжесть наноситъ вредъ человѣку. Нельзя дѣлать того, что (хотя и) приноситъ пользу (себѣ), но вредитъ (другимъ). Ссужать для вспомоществованія другихъ составляетъ обязанность; надобно желать правды, а не выгодъ. Трое духовныхъ должны непремѣнно считать своею обязанностью руководить и увѣщать на основаніи святыхъ предписаній.

§ 11. Уплачивать *зякатъ* (цзе-кэ-де—небомъ установленныя религіозныя повинности) есть первѣйшая обязанность, повелѣнная небомъ. Всякій, кто имѣетъ болѣе 14 ланъ [10]) обладаетъ полнымъ капиталомъ (съ котораго начинается уплата) долженъ уплачивать 3 цяня и 5 фыновъ [11]) на вспомоществованіе бѣдныхъ сиротъ и вдовъ. При капиталѣ въ тысячу, 110.000 и 100.000 ланъ должно сообразно съ этимъ уплачивать сборъ. Такъ какъ это основано на повелѣніи божьемъ, то и называется небесной податью. Кто не имѣетъ полнаго капитала, на томъ не лежитъ обязанность нести небесный сборъ. Но если все-таки (и такой) будетъ вспомоществовать бѣднымъ, то это называется садагка (со-дэ-гэ—скорая благодать божія) избавляющая отъ напастей, если ему встрѣтится надобность просить (о чемъ небо), то онъ скоро получаетъ удо-

[10]) Около 30 руб. сер.; лана тоже, что драхма серебра, около 2 р. 15 к.
[11]) Т. е. какъ предписано 4%; цянь составляетъ $^1/_{10}$ ланы, а фынъ $^1/_{10}$ цяня.

вѣтвореніе. Садагка можетъ избавить отъ напастей и бѣдствій. Трое духовныхъ должны съ этой точки увѣщевать другихъ. Бываютъ пожертвованія и словесныя: всякій, кто имѣетъ богатства, жертвуетъ богатствами, у кого нѣтъ богатства, тотъ жертвуетъ словами (т. е. можетъ творить благія дѣла поученіями); въ полученіи божіихъ милостей и въ достоинствахъ они одинаковы.

§ 12. Приглашайте ахуновъ открывать училища для истолкованія сокровенныхъ идей въ писаніи; если Алимъ (Эрлинъ) и множество хорошихъ людей будутъ руководить прихожанъ къ исполненію Амаль (Эр-мо-ли) [11]), то исламъ (и-сы-ляо-му) возвысится.

§ 13. Для произведенія Зибхъ (шуай-бу) должно глубоко понимать и по обрядамъ *жертвоприношенія* соблюдать *семь дѣлъ* [12]). Притомъ должно произносить яснымъ голосомъ всѣ статьи, послѣ чего можно заколоть животное. Непремѣнно нужно, чтобы ахунъ и имамъ поручились за способность (рѣжущаго), иначе произойдетъ много ошибокъ и нѣтъ грѣха больше этого.

§ 14. Трое управляющихъ религіей должны себя держать сообразно съ тремя путями: шаріатъ (Шэ-лэ-р-ти), таригкатъ (То-лэ-ге-ти) и хаккигадъ (ха-гэ-гэ-ти), должны быть готовы жертвовать получаемое ими содержаніе на украшеніе и поправленіе храмовъ; это въ нашей религіи ихъ прямая обязанность—они должны исполнять это съ готовностью.

Эти нѣсколько статей объяснены вкратцѣ для свѣдѣнія Лань-сюй-евымъ сыномъ по фамиліи Си, ученымъ небесной страны (Аравіи) [13]).

---

[11]) Богоугоднымъ дѣйствіямъ.
[12]) Предписанныхъ при закланіи животныхъ.
[13]) По сообщенію отца Палладія этотъ Си-лань-сюй былъ въ недавнее время уѣзднымъ начальникомъ (но гдѣ неизвѣстно).

V.

Китайскій прогрессъ.

Азія — эта самая огромная часть земного шара, считаемая колыбелью человѣческаго рода, центромъ древняго просвѣщенія и разсадникомъ всѣхъ религій, при своемъ огромномъ народонаселеніи, при неистощимыхъ дарахъ природы—никогда не приходила въ такой упадокъ какъ въ послѣдніе 25 — 30 лѣтъ. Мы видимъ ее униженной, поверженной къ ногамъ Европы; съ потерей самостоятельности большей ея части, въ ней остановилось всякое развитіе; города не расцвѣтаютъ, промышленность падаетъ, торговля въ чужихъ рукахъ, образованіе не прививается. Всюду запустѣніе, гнетъ, рѣзня. Вотъ въ главныхъ чертахъ ея положеніе до послѣдняго времени. Если гдѣ еще для сердца представляется отрадное явленіе, такъ это въ той части Азіи, въ которой пришлось дѣйствовать намъ русскимъ. Мы покончили съ набѣгами кавказскихъ горцевъ, умиротворили киргизскую степь, водворяемъ въ ней осѣдлость, строимъ города и селенія и тѣмъ соединяемъ въ одно сплоченное русское тѣло лежащіе за ними Туркестанъ, Коканъ — эти Эльзасъ и Лотарингія, которыя достались намъ почти безъ кровопролитія, и за удержаніе которыхъ намъ нечего бояться. Прошло всего 25 лѣтъ, какъ мы возвратили себѣ Амуръ, явились нежданно-негаданно даже сосѣдями Кореи, и сколько городовъ и селеній уже возникло въ этомъ заброшенномъ и дикомъ до того краю. Отъ океана до океана раздается русская рѣчь.

Наконецъ, кто бы за четыре года передъ этимъ повѣрилъ, что на юго-вост. отъ Каспійскаго моря мы начнемъ строить желѣзную дорогу, гарантирующую

намъ безпрепятственное воздѣйствіе на Азію, хоть внутри собственныхъ своихъ предѣловъ!

Но Россія, оживляя свои пріобрѣтенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно выразиться, и похищаетъ ихъ у Азіи. Вся остальная часть хотя и находится подъ надзоромъ, гнетомъ и управленіемъ Европы, остается все-таки, и утративъ свою самостоятельность, принадлежащею азіатцамъ. Одни мы могли въ ней дать перевѣсъ не только моральному, но и численному превосходству. Въ нашей Азіи русскихъ теперь болѣе, чѣмъ азіатцевъ. Давно ли мы пріобрѣли Туркестанъ, а въ немъ русскихъ, конечно, болѣе, чѣмъ въ Индіи англичанъ, двухвѣковыхъ ея управителей. И если Европа не хочетъ усыновить подносимыхъ ей нами даровъ, не хочетъ признавать русской Европы, то Россія останется все-таки Россіей, этой справедливо называемой шестой частью свѣта, вновь возникшей на земномъ шарѣ и можетъ быть еще не достигшей полнаго своего роста.

Мы дѣти не востока или запада, мы дѣти сѣвера, на которомъ только усиленный трудъ, неимовѣрное терпѣніе и могли поддерживать существованіе человѣка. Русскій въ Азіи не свой, но и не чужой; онъ явился въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ до него обѣгали цивилизованные народы юга, востока и запада — персы, греки, римляне, индусы и китайцы. Даже неприхотливые номады и тѣ брезговали большею частью нынѣшнихъ русскихъ земель.

Являясь въ Азію, мы не походимъ на европейцевъ, уничтожившихъ въ Америкѣ коренное народонаселеніе, мы являемся къ туземцамъ помочь имъ въ эксплоатаціи природы, которой они безъ насъ не одолѣли бы, мы дѣлимся съ ними своими средствами, добытыми тяжкимъ трудомъ. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что пришли въ эти края не какъ завоеватели, а какъ освободители отъ тираніи, междусобія и безсилія. Нѣкогда мы сами призывали иноземцевъ водворять у насъ порядокъ. Теперь другіе народы возсылаютъ къ намъ свои мольбы прійдти къ намъ на помощь. Небывалый въ исторіи человѣчества и, кажется, не вполнѣ оцѣненный самими нами фактъ, представляетъ это современное движеніе дунганъ

изъ предѣловъ Кульджи, которую мы возвратили Китаю. Кульджинскій край находился подъ нашимъ управленіемъ съ небольшимъ десять лѣтъ, и вотъ когда мы передаемъ его прежнему правительству, исконные его дѣятели, горожане и земледѣльцы бѣгутъ вслѣдъ за нами, оставляя насиженный, обработанный ихъ потомъ и кровью край, бѣгутъ отъ тѣхъ благодѣяній, которыми будто богдыханъ осыпаетъ своихъ подданныхъ. Пойдутъ ли индусы вслѣдъ за англичанами, если имъ придется когда нибудь оставить страну, которую они облагодѣтельствовываютъ не хуже богдыхана!

У насъ много идеалистовъ, которые осуждаютъ на всѣ лады наше расширеніе въ Азіи; не служатъ ли приведенные факты яснымъ опроверженіемъ ихъ односторонніхъ взглядовъ; не было ли бы скорѣе нашимъ преступленіемъ предъ человѣчествомъ, если бъ мы отказались отъ предписываемыхъ имъ священныхъ обязанностей не отказывать помогать обиженнымъ.

Что же представляетъ намъ остальная, существенная часть Азіи, болѣе богатая и населенная чѣмъ та, которая досталась Россіи? Исторія Турціи за послѣднее время хорошо извѣстна, чтобъ говорить о ней. Мы присутствуемъ при ея разложеніи и паденіи—добыча европейскихъ интригъ она трагической смертію Абдулъ-Азиса показываетъ ясно, до чего доводитъ это подчиненіе интригамъ чужихъ, хотя и европейскихъ дворовъ. Персія какъ будто и не существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдъ за окончаніемъ восточной (крымской) войны, на нее наложили тяжелую руку англичане, отнявшіе у ней свободу даже распоряжаться въ Персидскомъ заливѣ. Голосъ ея заглушается сыпучими песками, налегающими отовсюду на эту нѣкогда цвѣтущую страну. Еще крѣпче противъ прежняго держитъ въ своихъ рукахъ Англія Индію; она уничтожила владѣнія сильныхъ и опасныхъ раджей, не оставила и тѣни самостоятельности у остальныхъ.

Далѣе на востокѣ Франція готовится поставить Кохинхину въ такую же отъ себя зависимость, въ какую такъ недавно привела Тунисъ.

Но торжество европейскаго превосходства нигдѣ не выразилось съ такимъ блескомъ и эффектомъ какъ въ Китаѣ; эта послѣдняя и самая великая держава въ Азіи, оплотъ ея, была смята и унижена горстью европейскихъ солдатъ.

Считая тысячелѣтіями свое міровое значеніе, презирая все остальное человѣчество, какъ не могущее проникнуться его великими принципами, Китай вдругъ выбитъ былъ изъ своей проторенной колеи. Не по доброй волѣ вступилъ онъ въ сношенія съ другими народами, открылъ иностранцамъ свободный доступъ въ свои гавани; скрѣпя сердце увидѣлъ онъ себя поставленнымъ въ необходимость учиться у тѣхъ, которыхъ онъ считалъ такими невѣждами.

Мнѣ невозможно здѣсь вдаваться въ подробности о томъ вліяніи, которое проявлялъ въ прежнее время Китай въ Азіи. Во всѣ вѣка изъ всѣхъ странъ приходили въ него посольства, изъявлявшія покорность и умолявшія о доступѣ. Китайскія войска и владѣнія не разъ доходили до Каспійскаго моря—въ Персіи и Индіи не разъ распоряжались китайскіе уполномоченные. Но я нахожу здѣсь не лишнимъ высказать, хотя въ краткихъ словахъ, свое мнѣніе о томъ замаскированномъ и потому непонятномъ, кажется, нашимъ ученымъ вліяніи Китая, которое выразилось въ такъ называемомъ движеніи народовъ, разрушившихъ Римскую имперію. Мы все думаемъ, что хотя бы это движеніе и началось отъ подножія великой стѣны, но самихъ китайцевъ не было въ этихъ толпахъ и ордахъ; мы все думаемъ, что варвары не имѣли ничего общаго съ Китаемъ, какъ постоянные враги его. Но мы забываемъ, что вражда эта ознаменовывалась непрерывными вторженіями, сопровождавшимися уводомъ въ плѣнъ десятковъ и сотенъ тысячъ китайцевъ, что сотни тысячъ не разъ уходили и сами за великую стѣну. Наконецъ, нельзя еще утверждать, что самые гунны, давшіе толчекъ движенію, не были тѣ же переродившіеся въ степяхъ Монголіи китайцы, потому что коренная ихъ родина была въ сѣверномъ Китаѣ. Монголія никогда не могла сдѣлаться сама по себѣ кузницей человѣческаго рода; мы знаемъ, что номады неспособны распложаться; потому по-

нятно, какая кровь течетъ въ той расѣ, которую мы называемъ такъ неправильно монгольской, какая текла въ отдаленное время въ пришельцахъ на западѣ.

Языки маньчжурскій, монгольскій и турецкій содержатъ въ себѣ замаскированныя корни китайскаго. Не могли номады, жившіе подлѣ Китая, ничего отъ него не заимствовать; скорѣе они не могли ничего создать сами и все, начиная отъ воззрѣній, учрежденій до костюмовъ, домашняго скарба, вырабатывалось и, созидалось для нихъ болѣе развитымъ осѣдлымъ сосѣдомъ. Приведу для примѣра самые извѣстные факты. Путешественники временъ Чингисханидовъ передаютъ какъ исключительный монгольскій обычай, чтобы вступающій въ юрту не наступалъ на порогъ. А между тѣмъ это предписаніе встрѣчается въ самыхъ древнихъ китайскихъ книгахъ. Ученые много толкуютъ объ уйгурскомъ циклѣ изъ 12 и 60 лѣтъ, а этотъ циклъ находится въ китайской лѣтописи, начавшейся за 721 годъ до Р. Х. Намъ говорятъ о шаманахъ, волхвахъ, вызывающихъ духовъ, объ языческихъ тризнахъ на могилахъ предковъ, о жертвоприношеніяхъ керметямъ для полученія урожая—все это было извѣстно въ Китаѣ еще до рожденія Конфуція. Даже самый варварскій обычай класть въ могилу съ покойнымъ его вѣрныхъ слугъ воспѣвается въ первой конфуціанской книгѣ. И мнѣ сдается, что если мы изучимъ хорошенько костюмы нашихъ инородцевъ: чувашъ, черемисовъ, мордвы и проч. съ ихъ вычурными узорами, такъ можетъ быть найдемъ, что это остатки старинныхъ китайскихъ модъ, такъ какъ объ этомъ заимствованіи инородцевъ упоминается въ китайской исторіи.

Инородцы не разъ властвовали надъ Китаемъ по частямъ и въ цѣломъ его составѣ, но ошибочно было бы думать, что они успѣвали въ этомъ собственными силами. Ихъ руководили и проводили сами китайцы, они шли, указывали слабыя стороны своего отечества, наполняли войска. Такъ монголы совершили завоеваніе всего Китая сначала съ помощью окитаявшихся киданей, потомъ пополняли свои ряды уже изъ среды жителей занимаемаго края. Нынѣшніе повелители маньчжуры никогда не были бы въ силахъ осуществить

такое завоеваніе, если бы къ нимъ въ Маньчжурію не перебѣжали китайскія войска.

И что всего замѣчательнѣе, покорители не только не вводили собственныхъ законовъ, но старались перещеголять природныя правительства въ покровительствѣ китайской учености, въ защитѣ китайскаго міросозерцанія; можно сказать, они воспламенялись китайскими идеями сильнѣе, чѣмъ сами китайцы.

Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство и было причиной двухвѣковаго съ половиной застоя Китая. Предшествовавшая маньчжурамъ туземная династія не выказывала такого игнорированія европейскихъ усовершенствованій, не была такъ недоступна иностранцамъ. Маньчжуры захотѣли—конечно тутъ была и политика—сохранить Китай въ его неприкосновенности и чистотѣ. Новые богдыханы почли своей обязанностью выказать предъ націей, которой они стали управлять, что они поддерживаютъ ея достоинство въ глазахъ всего свѣта, что ихъ имперія дѣйствительно есть вся та вселенная, которую знали китайцы при началѣ своей письменности. Не было предѣловъ высокомѣрію маньчжурскаго правительства, не было наглости, которой они не позволяли бы себѣ въ отношеніи иностранныхъ государей и ихъ народовъ. Всѣ цари—ихъ подданные и иначе не могли называть себя въ своихъ письмахъ; если бы они лично явились къ пекинскому дворцу, такъ должны были бы пасть ницъ; всѣ народы, если и существуютъ, такъ только по великодушію богдыхана, который милуетъ и скотовъ!!! И все это вдругъ перемѣнилось. Горсть европейцевъ явилась предъ Пекиномъ, разрушила загородный дворецъ и азіатецъ показалъ кто онъ такой. Изъ высокомѣрнаго нахала онъ превратился въ пресмыкающагося раба!..

Униженіе Китая въ это время стало полное, а съ тѣмъ вмѣстѣ значитъ и вся Азія лишилась и послѣдней тѣни самостоятельности. Можно сказать, что если бы Россія и Англія руководились въ отношеніи Азіи общими интересами, то безъ ихъ разрѣшенія на всей этой обширной территоріи не осмѣлился бы раздаться даже и пистолетный выстрѣлъ.

Азія подъ опекой Европы! Но какъ это повидимому

ни противуестественно, однакожъ нѣкоторые факты возбуждаютъ мысль, не поздно ли даже пришла эта опека! Много кричали про жестокую расправу англичанъ въ Индіи съ возмутившимися сипаями, но что значитъ все количество жертвъ этого кратковременнаго бунта въ сравненіи съ той рѣзней, которую чинилъ въ продолженіе 30 лѣтъ предоставленный самъ себѣ азіатецъ. Я говорю объ инсуррекціи въ Китаѣ. Мнѣ неоднократно приходилось выслушивать выраженіе сомнѣнія насчетъ высказанныхъ мной печатно предположеній, что междоусобица Китая стоила ему не десятковъ, а по крайней мѣрѣ доброй сотни милліоновъ народу. Я опираюсь въ своихъ заключеніяхъ на данныя. Когда утомленный рѣзней Китай успокоился, то губернаторы провинцій стали доносить пекинскому двору, что города разрушены, земель некому обработывать, потому что изъ десяти человѣкъ осталось не болѣе двухъ. Г.-губернаторъ сѣверо-западныхъ провинцій Шеньси и Ганьсу представлялъ, что трудно провести войска въ западный край, потому что въ Ганьсу на пространствѣ 500 верстъ не только нельзя найти провіанта и перевозочныхъ средствъ, но даже и жителей; позднѣйшее путешествіе г. Сосновскаго подтвердило это донесеніе; по свидѣтельству пекинской газеты, въ одномъ городѣ Нинся магометанами было вырѣзано 300,000 китайцевъ. Въ провинціи Чжэцзянъ еще въ 1814 году считалось 30 милліоновъ жителей, а за три года назадъ губернаторъ доносилъ, что тщательная ревизія сосчитала всего съ небольшимъ 11 милліоновъ душъ. Если за 60 лѣтъ предъ этимъ въ Китаѣ считалось болѣе 400 милліоновъ жителей, то по этимъ даннымъ можно судить, до какой степени приближается къ правдѣ мой разсчетъ.

О Востокѣ нельзя судить по нашимъ нравамъ и понятіямъ; тамъ не дорожатъ жизнью. Мы знаемъ изъ исторіи Китая, что въ древнія времена изъ 30—40 милліоновъ жителей оставалось не разъ менѣе десяти. Монголы вырѣзывали цѣлые города съ милліонами укрывавшихся за ихъ стѣнами городскихъ и сельскихъ обывателей. Въ прошломъ столѣтіи маньчжуры вырѣзали поголовно всѣхъ цзюнгаръ, мужчинъ, женщинъ,

и дѣтей. Азіатецъ изнѣженъ и трусливъ, но когда онъ одержитъ верхъ, онъ будетъ плавать въ крови. И если бы когда-нибудь Китай сдѣлался такъ силенъ, что его войска появились въ Европѣ или Америкѣ, они потѣшились бы вдоволь!

Но мыслитель не можетъ не задуматься, что Европѣ приходится разыгрывать въ Азіи роль полицейскаго комиссара. Что же это за человѣческій, такъ восхваляемый прогрессъ, строй, при которомъ и люди не дышатъ свободно и земля не развиваетъ своихъ силъ. Ужели европейское развитіе, такъ высоко стоящая цивилизація, эти великіе успѣхи и открытія наукъ имѣютъ своимъ результатомъ только задержку развитія неразвитыхъ и служатъ орудіемъ порабощенія однихъ другими. Ужели остаются впереди еще тысячелѣтія, когда во всемъ мірѣ воцарятся свобода и просвѣщеніе!

И вотъ, именно, вслѣдствіе напряженнаго до-нельзя давленія западной цивилизаціи въ самомъ отдаленномъ уголкѣ Азіи зарождается новая жизнь. Японія доказываетъ во-очію, что можетъ сдѣлать азіатская держава, когда она пойметъ несостоятельность той политической и умственной жизни, которой она руководилась; она опровергаетъ ту ложную теорію, которая распредѣляетъ силу умственныхъ способностей по расамъ. Въ продолженіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ японцы почти переродились; они не только сбросили съ себя прежніе халаты, завели телеграфъ, желѣзныя дороги, строятъ пароходы, но и признали европейскія науки своими науками. Многіе провидятъ даже, что въ будущности на Востокѣ явится не менѣе вліятельная островская держава, какъ теперь на Западѣ!

Но Японія пока еще самая незначительная и отдаленная часть Азіи; она пока еще не такъ сильна и богата, чтобъ играть значительную роль въ жизни всего міра. Невольно обращаются отъ него взоры къ Китаю. И онъ тоже начинаетъ просыпаться. По нѣкоторымъ, онъ уже совсѣмъ проснулся... такъ было говорено, по крайней мѣрѣ, когда у насъ изъ за кульджинскаго вопроса вышла съ нимъ размолвка; тогда въ Европѣ начали пугать насъ милліонными

арміями, имъ поддакивали и наши пессимисты. Теперь некого стращать и на повѣрку выходитъ, что все пробужденіе Китая заключается въ томъ, что и китайцы имѣютъ нѣкоторыя войска, обученныя и вооруженныя по-европейски, что они заказываютъ въ Европѣ и пушки и броненосцы, хотя и завели у себя адмиралтейство, держатъ дипломатическія миссіи, руководясь своимъ, выработаннымъ тысячелѣтіями, правиломъ дружиться съ отдаленными, чтобъ съ двухъ сторонъ напасть на ближайшихъ. Если прибавить къ этому, что китайцы на-дняхъ согласились допустить у себя постановку телеграфныхъ столбовъ, но не для себя, и будто подумываютъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, хотя еще недавно сняли рельсы съ крошечной линіи, построенной для опыта, то изъ всѣхъ этихъ начинаній еще нельзя вывести заключеній о судьбѣ китайскаго прогресса въ будущности, и я увѣренъ, что если бы Китай оставили въ покоѣ, отказались отъ того давленія, которымъ выбили его изъ прежней привычной колеи политической жизни, такъ онъ могъ бы и теперь точно также, попрежнему, заснуть сномъ праведника!

Китайцы являются отставшими въ образованіи, они игнорировали тѣ науки, которыя доставили другимъ народамъ такое превосходство, они отстали въ промышленности, въ искусствѣ, въ военномъ дѣлѣ. Во всемъ этомъ они должны если не опередить другіе народы, такъ, по крайней мѣрѣ, сравняться съ ними.

Однакожъ, не принимая въ разсчетъ этого сна, мы, конечно, должны задаться вопросомъ, въ чемъ же долженъ заключаться самый прогрессъ. Нѣкоторые потребуютъ, конечно, чтобы китайцы совершенно отреклись отъ своей самобытности, всецѣло усвоили себѣ европейское образованіе. Нѣкоторые усумнятся даже, чтобы для китайцевъ былъ возможенъ прогрессъ и при исполненіи этихъ условій; имъ покажется даже мало, если они будутъ только изучать классическіе языки, римское право, философскія системы Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Конта, имъ покажется мало даже парламентаризма и конституціи; только реформація и французская революція создали

по ихъ мнѣнію, превосходство Европы, всякая нація, неучаствовавшая въ этихъ великихъ двигателяхъ прогресса, никогда не дойдетъ до даннаго ими европейскому просвѣщенію превосходства.

Но это значило бы не знать китайской исторіи, чтобъ заявлять къ Китаю такія запоздалыя и излишнія требованія; частные факты возводить въ обязательные законы для жизни всего человѣчества.

Китай во время тысячелѣтій своей жизни прошелъ сквозь болѣе значительныя революціи и реформаціи, а все-таки теперь оказался и отсталымъ и непросвѣщеннымъ. Онъ до Р. Х. былъ знакомъ съ ученіемъ о коммунѣ, о непризнаніи собственности, онъ не разъ испытывалъ полную анархію, у него были свои нигилисты и террористы, въ самыхъ первыхъ школьныхъ книжкахъ сохранились у нихъ республиканскія антимонархическія идеи. Но все сгладилось.

Надобно знать китайскую литературу, чтобы видѣть какъ много китайцы разработали общечеловѣческіе вопросы, углублялись въ смыслъ каждой буквы тѣхъ книгъ, которыя ихъ затрогиваютъ. Гуманность, правда, порядокъ, развитіе умственныхъ силъ, честность — вотъ самые существенные вопросы китайскихъ теорій.

Если бы дѣло заключалось только въ принципахъ, то Китай могъ бы преспокойно игнорировать западное просвѣщеніе, потому что имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, въ которыя свободно на просторѣ обдумывалъ, что ему пригодно и что основано на правахъ человѣческихъ, на требованіяхъ здраваго смысла. Правда, нѣкоторые принципы находятъ осужденіе у иныхъ западныхъ мыслителей, таковъ напримѣръ, вопросъ о почтительности къ родителямъ, легшій въ основаніе всей китайской организаціи, начиная отъ семьи и восходя до общества и государства; мнѣ кажется, что не вышло бы для Китая большой бѣды, если бы онъ остался при этомъ принципѣ, несмотря на протестъ всѣхъ будущихъ его просвѣтителей...

По моему бѣда въ томъ, что Китай черезчуръ много занимается разработкой своихъ принциповъ, носясь въ заоблачныхъ пространствахъ, и не желая ниспуститься на землю, чтобъ осмотрѣться съ дѣй-

ствительными потребностями. Витая въ космополитическихъ идеяхъ, такъ какъ онъ долго воображалъ себя единственной просвѣщенной націей, онъ забылъ, что у него есть народъ, къ которому заявляютъ требованія другіе народы.

Что можетъ быть, напримѣръ, правильнѣе и возвышеннѣе китайскихъ взглядовъ на науку! Во всемъ остальномъ мірѣ нѣтъ въ принципѣ такого глубокаго къ ней уваженія. По китайскимъ понятіямъ только одной наукой и должно управляться государство. И дѣйствительно, мы знаемъ, что въ Китаѣ ни аристократическое происхожденіе, ни капиталъ, ни общественное положеніе и вліяніе не даютъ права на занятіе государственныхъ правительственныхъ должностей. Только докторская степень по строгому экзамену открываетъ путь къ занятію самой первой низшей ступени въ іерархической лѣстницѣ чиновъ. Но и эти экзамены совсѣмъ не то, что наши; у насъ нужно только знать данные предметы; въ Китаѣ не рѣдкость, что на провинціальные экзамены, которые еще не даютъ докторской степени, являются до 15 тысячъ экзаменующихся; всѣ они могутъ твердо и хорошо знать все, что требуется знать; но этого еще недостаточно, только одна, двѣ сотни, опредѣленное заранѣе по штату количество, получаютъ степень провинціальнаго баккалавра, съ которой онъ можетъ уже явиться въ столицу для полученія докторской степени. Тутъ опять та же процедура, изъ 20.000 экзаменующихся выбираютъ всего только сотни. Слѣдовательно, всѣ эти правительственные чиновники цвѣтъ учености, ученые изъ ученыхъ. И, Боже мой, какими обширными знаніями могли бы они обладать! Вѣдь на экзамены въ Китаѣ являются даже 80 и 90 лѣтніе старики; средній возрастъ получающихъ докторскую степень едва-ли не будетъ свыше 35 лѣтъ; слѣдовательно, чего, чего не могъ бы изучить до этого времени готовящійся. Вѣдь если правительство и теперь считаетъ каждаго изъ своихъ чиновниковъ—докторовъ способнымъ разбирать уголовныя и гражданскія дѣла, завѣдывать финансами, постройками, проведеніемъ каналовъ, командовать войсками, то они могли бы на дѣлѣ усвоить всѣ эти

нужныя знанія, какъ мы ихъ понимаемъ, въ какомъ состояніи они находятся у насъ. Китаецъ не откажется учиться чему бы то ни было, только была бы цѣль, а занимать государственную должность тамъ считается высшимъ почетомъ и цѣлью всей жизни.

Между тѣмъ, въ чемъ же заключается у китайцевъ эта высокочтимая наука? Правда, въ классическихъ книгахъ, которыя однѣ и изучаются всѣми и однѣ требуются на экзаменахъ, можно найти по-больше житейскихъ и государственныхъ вопросовъ, чѣмъ въ ведахъ, коранѣ или абидармахъ; съ виду они какъ будто и не имѣютъ сходства съ священными писаніями другихъ народовъ, но разъ они стали предметомъ долгаго тысячелѣтняго изученія, они стали непреложнымъ кодексомъ китайскаго міросозерцанія. И изъ китайскаго ученаго выходитъ не практическій дѣятель, а отвлеченный мыслитель и моралистъ.

Не надобно думать, чтобъ на экзаменахъ столичныхъ требовалось знаніе какихъ нибудь новыхъ предметовъ, отличныхъ отъ провинціальныхъ, а на этихъ отъ департаментскихъ. Нѣтъ, на всѣхъ экзаменахъ фигурируютъ все однѣ и тѣ-же классическія книги.

Немного нужно потратить словъ чтобъ охарактеризовать эти книги, это такъ называемыя: Четверокнижіе и пять Цизиновъ или каноновъ. Четверокнижіе состоитъ изъ 1) *Да се* — великаго ученія или ученія для взрослыхъ; это маленькій неоконченный трактатъ о томъ какъ государь проявляетъ свои доблести въ управленіи народомъ, въ привлеченіи иностранцевъ, въ доведеніи міра до высочайшаго совершенства; 2) *Чжунъ-юнъ* — сосредоточенность — также небольшой трактатъ, туманно объясняющій, какъ ученіе руководитъ природой, полученной отъ неба; 3) *Лунъ-юй* — сентенціи приписываемыя Конфуцію и его ученикамъ; 4) *Мэнъ-цзы* — порицатель непослѣдующихъ его конфуціанскимъ идеямъ.

Во главѣ каноническихъ книгъ стоитъ: 1) *И-цзинъ* — гадательная книга въ которой къ фигурамъ, составленнымъ изъ линій, приставлены безсвязныя фразы; и изъ нихъ-то ученые умудрились вывести всѣ

метафизическіе, физическіе и моральные законы: 2) *Шу-цзинъ*—разговоры и прокламаціи древнихъ, еще до Конфуція жившихъ, государей объ управленіи государствомъ; 3) *Ши-цзинъ*—стихотворенія, основанныя на народныхъ пѣсняхъ, оды, гимны. 4) *Чунь-цю*—коротенькая безсвязная лѣтопись, въ которой отыскали мистическій смыслъ, осужденіе и одобреніе государственныхъ дѣятелей. Наконецъ, 5) *Ли-цзи* — замѣтки о церемоніяхъ. Вотъ и все. Все это было составлено до Р. Х. Ни въ одной книгѣ нѣтъ даже внутренней связи, и китайцы приступаютъ къ изученію прямо безъ всякаго конспекта или катихизиса, который бы облегчилъ имъ изученіе. Но именно только въ преодолѣніи трудностей, заключающихся въ разбросанности и безсвязности изучаемыхъ книгъ, видятъ лучшее средство къ развитію талантовъ—мало этого—полагаютъ, что такое изученіе воспитываетъ характеръ и сердце. Экзамены состоятъ въ составленіи наизусть безъ всякихъ пособій сочиненій на заданныя темы изъ текста классическихъ книгъ. Экзаменующійся, конечно, погибъ, если онъ не только не припомнитъ этого текста но и обязательныхъ для знанія на него комментаріевъ. Это, конечно, дѣло памяти, равно какъ дѣломъ памяти будетъ и безошибочное письмо Но правильность и красота слога, удовлетвореніе обязательнымъ размѣрамъ сочиненія: чтобы оно не было ни очень коротко, ни очень многословно — это уже показываетъ будто степень нравственнаго воспитанія, присутствія генія. Дѣйствительно, экзаменующіеся отправляются предъ экзаменами молиться богу хрій. и сочиненія первыхъ докторовъ, читаемыя на расхватъ по всей имперіи, считаются чуть ненаравнѣ съ вдохновеннымъ откровеніемъ. И выходитъ, что эти китайскіе геніи не только не изучали ариѳметики (куда ужъ до алгебры и геометріи!), физики, естественной исторіи, но они не знаютъ систематически даже собственной исторіи и географіи и литературы своего языка.

Что-же, и теперь, когда правительство видитъ собственную слабость, народныя бѣдствія, думаете ли вы, что оно сознаетъ необходимость измѣнить свои взгляды на науку? Напротивъ, оно твердо увѣрено,

что все зло заключается въ томъ, что нынѣ развращенные нравы, отсутствіе морали, а упадокъ морали произошелъ оттого, что нынѣ не такъ усиленно учатся и потому всѣ заботы прилагаетъ къ увеличенію экзаменаціонныхъ строгостей!

Не думаю, чтобы и западный міръ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ однимъ богословамъ, философамъ или даже юристамъ. Но подите убѣдите вы китайцевъ, что истинное образованіе заключается, именно, въ изученіи матеріальнаго міра, что всѣ эти машины, желѣзныя дороги, свѣтъ и сила электричества и прочія открытія не дѣло случайности, а продуктъ опытныхъ реальныхъ наукъ! они никакъ не могутъ даже вообразить себѣ, что на свѣтѣ могутъ быть доктора такихъ спеціальностей, какъ физика, химія, механика. Все это, по ихъ мнѣнію, не больше какъ фокусничество. И этихъ взглядовъ держится вся нація, а не одна интеллигенція; мы говорили уже выше, какъ велико число являющихся на провинціальные экзамены, но еще больше учащихся, чтобъ получить первую ученую степень на департаментскомъ экзаменѣ. Нѣтъ семьи, въ которой бы не учились, и всѣ увѣрены, что наука заключается и должна заключаться въ томъ, чему учатся и учатъ. Кто же осмѣлится поднять голосъ, что это не наука—въ одинъ голосъ поднимется весь Китай и воскликнетъ: какъ, развѣ мы до сихъ поръ были невѣжды!

Это будетъ уже деспотизмъ націи, той народной воли, которой въ другихъ странахъ хотятъ подчинить правительства.

Я почитаю это однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію Китаемъ истиннаго прогресса.

Объясняютъ застой, отсталость и невѣжество государствъ и народовъ ихъ образомъ правленія. Не знаю, почему то принято считать китайскую форму управленія за самую деспотическую. Это представленіе фиктивное, ни на чемъ неосновательное на дѣлѣ. Напротивъ, по принципамъ, китайское правленіе едва ли не самое образцовое. Сейчасъ я говорилъ, что въ правители выбираются самыя даровитыя, самыя образованныя личности; можетъ ли въ народѣ явиться протестъ противъ такого по-

рядка? Никому и никогда не приходило въ голову сомнѣваться въ справедливости такой аксіомы, а это великое дѣло, когда народъ и правительство сходятся во взглядахъ; это порождаетъ довѣріе въ однихъ, увѣренность въ другихъ. Вслѣдствіе этого нигдѣ, какъ въ Китаѣ, правительство не выступаетъ съ такой откровенностью предъ народомъ и съ своей стороны нигдѣ правительство такъ не доступно народу. Чуть обиженный считаетъ себя неудовлетвореннымъ въ провинціи, онъ спѣшитъ въ столицу и нѣтъ прошенія, которое богдыханъ не велѣлъ бы разобрать, о чемъ и публикуется во всеуслышаніе. Въ Китаѣ нѣтъ цензуры, и всѣ повременныя изданія, памфлеты и книги издаются безъ всякаго просмотра; въ прошломъ столѣтіи былъ такой фактъ: появилось сочиненіе, направленное противъ владычества маньчжуръ, — самъ богдыханъ отвѣтилъ на книгу, книгой, заключавшей въ себѣ опроверженія и оправданія.

Въ Китаѣ, конечно, нѣтъ конституціи, какъ понимаютъ это слово въ другихъ странахъ, но едва ли не всѣ китайскіе законы подтверждаютъ эту конституцію на дѣлѣ; всякому служащему, а въ важныхъ случаяхъ и всякому подданному дано право обращаться къ богдыхану съ представленіями о тѣхъ мѣрахъ, которыя ему кажутся полезными для государства. Еще недавно въ пекинской газетѣ было напечатано разсужденіе какого то студента о томъ, какъ устроить и содержать армію. Богдыханъ всегда отдаетъ такія представленія на разсмотрѣніе высшихъ чиновъ; какъ самый проектъ, такъ и отвѣтъ на него всегда печатаются. Рѣдко, и то если представленіе было уже черезъ чуръ вздорно, богдыханъ прикажетъ бросить автору его бумагу-проектъ въ лицо, — но другого наказанія не полагается.

Мы знаемъ, что въ Китаѣ существуетъ обширный контроль, который наблюдаетъ за правильностью дѣйствій всѣхъ министерствъ и учрежденій. Не одни только цензора, но и другія должностныя лица могутъ возражать противъ распоряженій правительства, доносить дошедшіе до нихъ слухи о продѣлкахъ и злоупотребленіяхъ кого бы то ни было. Мало того, они могутъ вмѣшиваться въ жизнь самого богдыхана.

Извѣстно, что когда у Даугуана одна наложница, побитая имъ палкой, бросилась въ прудъ, то одинъ министръ вошелъ съ представленіемъ, чтобы богдыханъ по-меньше занимался сеpальными дѣлами. Когда покойному Тунъчжи во время его малолѣтства назначили учителя, то цензоръ сейчасъ указалъ, что этотъ ученый льстецъ. Наконецъ, не далѣе какъ въ прошломъ году одинъ академикъ представлялъ, что императрица-регентша стала мало заниматься государственными дѣлами. Богдыханъ никогда не считаетъ себя скомпрометированнымъ, если онъ утвердилъ мѣру, оказавшуюся вредной—отвѣчаютъ совѣтники. Богдыханъ не задумается предать суду провинившагося родственника. И все это дѣлается гласно, ничто не скрывается отъ публики.

Вотъ какъ понимаютъ въ Китаѣ принципъ сближенія народа съ тpономъ! И что же! ни народъ ни правительство при такихъ принципахъ, не находятъ что сказать другъ другу дѣльнаго и путнаго! Таково вліяніе абстрактныхъ наукъ.

Что мудренаго что Китай дошелъ въ свое время до полнаго униженія. Правительство тѣснило два съ половиной вѣка тотъ народъ, который и послѣ этого продолжительнаго застоя можетъ все-таки вынести его на плечахъ. Оно принимало всѣ мѣры держать его и себя въ невѣдѣніи о томъ прогрессѣ, который совершался въ матеріальной обстановкѣ другихъ странъ. Оно не позволяло своимъ подданнымъ отправляться въ чужія страны и для этого запретило даже измѣнять форму своихъ допотопныхъ судовъ; у него были обширныя незаселенныя мѣстности: Маньчжурія, Монголія, Туркестанъ, Тибетъ, а жителей собственнаго Китая, при возрастающемъ въ страшной пропорціи населеніи, заставляли умирать съ голоду на однажды отграниченномъ имъ пространствѣ,—это переселеніе и разселеніе, считалось не неизбѣжнымъ зломъ, а прямымъ преступленіемъ, — китаецъ, оставившій родину, не смѣлъ уже въ нее возвратиться и его вывозили какъ раба вмѣсто негровъ на плантаціи, въ Америкѣ. Вотъ гдѣ кроется тайна китайскаго застоя.

И, вотъ, подъ давленіемъ европейскаго превосходства китайское правительство должно было отказаться отъ своей вѣковой политики, но оно, кажется, еще не вполнѣ помирилось съ своими уступками; оно можетъ быть еще затаило мысль возвратиться къ старымъ порядкамъ, мстить своимъ притѣснителямъ. Такъ оно игнорируетъ еще европейскія науки, такъ большинство его войскъ все еще вооружены луками и стрѣлами. — Когда опасались непріязненныхъ дѣйствій со стороны Россіи, то въ Маньчжуріи набрали 10000 волонтеровъ и вооружили ихъ пиками и заржавленными саблями. Итакъ, правительство, кажется, не пришло еще къ убѣжденію, что самое лучшее мщенье наступитъ тогда, когда оно вполнѣ развяжетъ руки своему народу.

Теперь еще невозможно судить о степени того прогресса, до котораго можетъ достигнуть китайская нація. Не прошло еще и десяти лѣтъ съ полнаго замиренія Китая, еще менѣе со времени возстановленія владычества пекинскаго двора во всѣхъ принадлежавшихъ ему земляхъ — я разумѣю Туркестанъ и Цзюнгарію,— но посмотрите, что сдѣлано уже и за это время. Европейцы приневолили Китай открыть доступъ торговлѣ съ ними по всѣмъ приморскимъ гаванямъ, они проникли даже въ центръ Китая — въ Ханькоу; но китайцы успѣли уже за это время захватить въ свои руки торговлю европейскими товарами; въ самыхъ европейскихъ конторахъ сидятъ уже приказчиками китайцы. Китайцы не новички въ торговыхъ оборотахъ, они привыкли къ нимъ съ начала своего историческаго быта; — о скаредномъ купцѣ Лаосирѣ уже воспѣвается въ классическихъ книгахъ.—И, можетъ быть, не далеко уже то время, когда Китай не будетъ нуждаться въ европейскихъ товарахъ, какъ онъ сократилъ и ввозъ англійскаго опіума, добывая его у себя. Европейскіе товары проникли въ Китай благодаря дешевизнѣ машиннаго производства; но кто же станетъ отрицать возможность китайцевъ завести у себя фабрики и заводы? У нихъ множество капиталистовъ, ворочающихъ милліонами, у нихъ небывалая дешевизна рукъ, а народъ готовъ всѣмъ заняться, оказывается ко всему способнымъ.

Европейцы думали сначала, что они съ своими пароходами завладѣютъ всѣми водными путями, китайцы сами завели свои пароходы, управляемые туземными механиками и отбили уже хлѣбъ у европейцевъ. Великое дѣло это дешевизна рукъ и способности народа! Китайцамъ легко завести у себя самое машинное производство, строить желѣзныя дороги и все это будетъ у нихъ дешевле и лучше чѣмъ въ другихъ странахъ. И вынужденная сначала торговля съ европейцами приведетъ можетъ быть къ тому, что тѣ же товары, которые ввозятся теперь въ Китай, пойдутъ обратно изъ него къ иностранцамъ; вѣдь прежде вывозили же изъ Китая бумажныя матеріи, которыя теперь навязали ему.

Можетъ проявиться конкуренція и съ другой стороны. Въ Китаѣ нѣтъ такой неимовѣрной разницы въ оплатѣ за трудъ, какая встрѣчается у насъ, смотря по достоинству труда. Что бы ни говорили, а вѣдь и онъ имѣетъ свои артистическіе вкусы; онъ уважаетъ также живопись, скульптуру, пѣніе, музыку, театральныя представленія. Все это по нашему грубо, дико, а китаецъ восторгается и восторгается потому, что въ этихъ непонятныхъ намъ искусствахъ видитъ преодолѣніе трудностей. И они даются не даромъ китайскимъ артистамъ, они достигаютъ этого своего условнаго совершенства тоже долгимъ усидчивымъ трудомъ и упражненіемъ; они, можетъ быть, положили труда даже больше, чѣмъ наши артисты, потому что тамъ больше конкуренціи. — И что же? Тамъ самый лучшій лекарь получаетъ за визитъ не болѣе нашего асигнаціоннаго рубля, лучшій живописецъ готовъ работать у васъ за эту цѣну цѣлый день; портной шьетъ за столько же цѣлый китайскій костюмъ; фокусникъ, музыкантъ, пѣвецъ не выработаютъ въ сутки болѣе цирульника или оператора, который вымоетъ вамъ ноги, и обрѣжетъ мозоли и ногти. На весь Китай былъ въ свое время знаменитъ актеръ Чжанъ-эркуй, а и ему платили не болѣе двухъ рублей за цѣлыя сутки. Упомяну кстати, что и учителя тамъ недороги; недавно правительство возстановило школу для принадлежащихъ къ царской крови; каждому учащемуся, попавшему, въ штатъ, оно

положило выдавать на содержаніе по 3, а учителямъ по 5 ланъ.

И мнится мнѣ, что когда китайцы узнаютъ, какія у насъ получаютъ деньги Патти, Сарра Бернаръ, Коклэны и прочіе артисты, такъ онѣ скорѣе лопнутъ, а не перестанутъ учиться, чтобы сравниться съ ними!

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что для европейской торговли нѣтъ обезпеченнаго сбыта. Китайская жизнь и обстановка совсѣмъ другія, чѣмъ въ Европѣ, китаецъ и ѣстъ и пьетъ совсѣмъ не то что мы.—Не думаемъ, чтобы когда нибудь ему пришла фантазія уподобиться европейцамъ и по неприложимому по климату образу жизни. Можетъ быть, когда разовьется внѣшняя торговля, ему понадобится выписывать сырые матеріалы изъ за-границы, но для собственнаго обихода у него достаточно и хлопка и шерсти. Первый и прежде вывозился изъ Туркестана; степныя и горныя владѣнія лежатъ въ тѣхъ градусахъ широты, которые благопріятны для тонкоруннаго овцеводства. Извѣстно, какъ высоко цѣнятся на западѣ такъ называемые тибетскіе мѣха, но никому неизвѣстно, кажется, что въ свое время въ Нинся, неподалеку отъ горъ Алашанскихъ, чрезъ которыя проходилъ и г. Пржевальскій, выдѣлывались чрезвычайно дешевыя матеріи изъ козьяго пуха и тибетскіе караваны запасались ими на возвратномъ пути изъ Китая для отправки въ Индію. Неизвѣстно, вѣроятно, также, что бывшій г. губернаторъ Цзо-Цзунъ—танъ понялъ значеніе шерсти и уже основалъ первую суконную фабрику въ Китаѣ.

Не надобно забывать также, что во всемъ свѣтѣ не добывалось столько шелку, какъ въ Китаѣ; простыя ткани въ свое время продавались въ немъ немногимъ дороже бумажныхъ и если, въ настоящее время, не дошли до прежней цѣнности, такъ только потому, что пока не возстановлены вполнѣ тѣ плантаціи шелковицы, которыя были истреблены инсургентами.

Итакъ, Китай можетъ обойтись безъ иностраннаго привоза, можетъ освободиться отъ него, но большая часть свѣта не можетъ обойтись безъ китайскихъ про-

изведеній. Вотъ почему, когда Китай не зналъ страха и другіе боялись помѣряться съ нимъ силами, всѣ державы заискивали благосклонности пекинскаго двора. Переносили не только униженія, но даже оскорбленія; извѣстно, что еще при прежней династіи португальскій посланникъ получилъ пощечину отъ китайскаго пристава за то, что не вышелъ къ нему на крыльцо и не всталъ передъ нимъ на колѣни.

Можно, пожалуй, обойтись безъ китайскаго шелка, корицы, фарфора и прочаго, но можно ли будетъ обойтись безъ чаю? Вотъ предметъ, который будетъ долго еще господствовать на всемірномъ рынкѣ и который не замѣнитъ всѣ плантаціи Асама и Бразиліи. Китайскому правительству рано еще, конечно, поднимать чайный вопросъ, но оно не можетъ не понимать его значенія. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія западныя границы собственнаго Китая подвергались постояннымъ нападеніямъ со стороны тибетскихъ горцевъ, китайскія войска были неоднократно разбиваемы и не осмѣливались забираться въ горы. Какія же мѣры приняло правительство? Тогдашній губернаторъ (Наяньченъ) разставилъ во всѣхъ пограничныхъ проходахъ довольно сильные отряды, чтобъ защитить ихъ отъ нападенія и запретилъ отпускать чай, безъ котораго не могли обойтись привыкшіе къ нему тибетцы. Не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ они смирились, выслали аманатовъ, признали власть постановленныхъ надъ ними сотниковъ и тысячниковъ.

Конечно, для такой мѣры противъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ со стороны моря, надобно имѣть большую силу. Но когда эта сила явится, что тогда будетъ? Не воротятся-ли къ прежнимъ преданіямъ, что богдыханъ есть та неподвижная звѣзда, около которой вращаются прочія свѣтила! Не забудемъ, что никакая въ свѣтѣ держава не имѣетъ такихъ превосходныхъ данныхъ для созданія первой въ свѣтѣ арміи. Тамъ не къ чему производить насильственные или обязательные наборы; тамъ только бы открылась вакансія, на одну явятся нѣсколько охотниковъ, которые заранѣе приготовлялись и обучались всѣмъ военнымъ артикуламъ. Конечно, экзаменаціонныя тре-

бованія были до сихъ поръ смѣшны, но кто же мѣшаетъ измѣнить эти требованія. Не надобно забывать, что кромѣ 800.000-й арміи, набираемой изъ простыхъ китайцевъ, у правительства есть еще 24 гвардейскихъ корпуса, въ которыхъ числятся всѣ потомки помогавшихъ ему въ завоеваніи Китая маньчжуръ, монголовъ и предавшихся прежде китайцевъ. Къ этимъ корпусамъ принадлежатъ и потомки императорскаго дома, которыхъ теперь насчитываютъ до 100.000.

Говорятъ, китайцы трусы, да какъ же не быть трусомъ, когда встрѣчаешь непріятеля, вооруженнаго дальнобойнымъ оружіемъ, съ луками и стрѣлами! И здѣсь еще является вопросъ, сознало ли китайское правительство, что ему можно оставаться еще при своемъ міросозерцаніи, но мало того, чтобы запасаться по частямъ европейскимъ оружіемъ, заказывать за-границей милліонные мониторы, должно у себя водворить съ своей стороны вполнѣ военную науку, какъ она изучается на Западѣ. И какой отличный компромиссъ представляется ему уладить съ своимъ традиціоннымъ взглядомъ на старую науку. Пусть мирные граждане продолжаютъ наслаждаться изученіемъ своихъ моральныхъ авторовъ, а реальныя, техническія науки предоставлены будутъ на долю этихъ матеріалистовъ военныхъ. Этого требовала даже и политика. Мы сейчасъ упомянули о количествѣ гвардейскихъ корпусовъ; это единственно вѣрный оплотъ маньчжурскаго правительства, потому что съ нимъ тѣсно связаны ихъ интересы и судьба. Измѣнись династія, всѣ они не только останутся безъ куска хлѣба, но едва ли сохранятъ и жизнь. Давъ имъ новое образованіе, оно дало бы имъ возможность увеличить средства къ жизни.

Надобно замѣтить, однако, что главнымъ препятствіемъ къ увеличенію боевыхъ средствъ въ Китаѣ служитъ недостаточность бюджета и эта недостаточность возведена тоже въ своего рода принципъ. Запрещено, напримѣръ, добывать и разработывать серебряныя и золотыя руды. Въ Тибетѣ, Туркестанѣ, Монголіи, Маньчжуріи, всюду и теперь—по самымъ поверхностнымъ даннымъ, можно указать навѣрное, гдѣ онѣ находятся. Но правительство при всемъ своемъ недостаткѣ пока упорно игнорируетъ эти естественныя богатства, потому что высшіе мыслители

его выразились нѣкогда, что не въ презрѣнномъ металлѣ заключается истинное богатство, а въ трудѣ и въ добрыхъ нравахъ. Въ Китаѣ существуетъ строгій законъ, чтобы никто не осмѣливался входить къ правительству съ представленіемъ мѣръ, могущихъ увеличить государственные доходы; тамъ и понятія не имѣютъ о такихъ налогахъ, которые практикуются въ другихъ странахъ; тамъ ни купцы, ни лавки не платятъ ни гильдейскихъ повинностей, ни торговыхъ свидѣтельствъ. Тамъ нѣтъ акциза на вино, табакъ, сахаръ, чай и пр. Съ какой стати, говорятъ, оплачивать снова то, что получено изъ земли, за которую взятъ уже налогъ. Домохозяева всей столицы не вносятъ ничего на городское устройство; полиція не имѣетъ права приступить къ хозяину дома, чтобъ онъ поправилъ разрушившійся отъ дождей заборъ, починилъ тротуаръ, выставлялъ дворника. „Поправляй, чини сама“, — скажетъ онъ ей, если тебѣ это нужно. Все это можетъ быть хорошо и правильно; однако съ тѣмъ ограниченнымъ бюджетомъ (80 милліоновъ въ полномъ размѣрѣ, который никогда не поступаетъ вполнѣ) трудно справиться съ издержками, жертвуемыми другими государствами на военную часть. Правительство могло бы увеличить ввозные и вывозные пошлины, но оно связано иностранными договорами, а чтобъ освободить себя отъ нихъ нужна сила. Такъ и выходитъ, что одно связано съ другимъ. Однако же нельзя не упомянуть, что Китай едва ли не единственная въ мірѣ блаженная страна, которая не обременена еще ни внутренними, ни иностранными долгами.

Европейцы принуждали Китай силой открыть въ свою страну доступъ иностранцамъ — правительство ихъ не сгонитъ, но они недолго удержатся и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поселились, потому что китайцы начали отбивать у нихъ хлѣбъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе тѣхъ же насильственныхъ договоровъ, заставивъ китайское правительство снять запрещеніе своимъ подданнымъ выѣзжать изъ Китая, теперь сами договаривавшіеся, открывъ въ свои владѣнія доступъ китайцамъ, не знаютъ уже, какъ отъ нихъ отдѣлаться. Прежде, какъ мы видѣли, китайская раса, преобра-

женная въ варваровъ-номадовъ, двигалась на западъ; теперь она, снявъ маску, устремилась на востокъ и юго-востокъ, чтобы наполнить острова Восточнаго океана и западные берега Америки. Я не думаю, чтобъ гоненіе на китайцевъ могло долго продолжаться вслѣдствіе экономическихъ и политическихъ причинъ. Притомъ китайцы такъ терпѣливы и вкрадчивы, что сумѣютъ сдѣлать себя необходимыми. Мнѣ кажется чрезвычайно страннымъ и неестественнымъ это отступленіе образованныхъ націй отъ выработанныхъ ими же экономическихъ условій. За что гонятъ китайцевъ? За то, что они предлагаютъ въ чужой странѣ, нуждающейся въ рукахъ, дешевый трудъ. Это не евреи, которые неспособны производить, китаецъ готовъ приняться за всякую работу: трудиться ли въ рудникахъ, прорывать тоннели и каналы, строить дома и желѣзныя дороги; онъ оказывается отличнымъ мастеровымъ, швеею, даже прачкой. И во всѣхъ этихъ работахъ онъ беретъ цѣну вдвое, втрое меньше противъ существующей въ данной мѣстности. Какой же оттого вредъ, какой вредъ оттого, что онъ, сколотивъ своими мускулистыми руками нѣсколько десятковъ рублей, увезетъ ихъ на родину оставивъ на вѣчное время плоды своей дѣятельности? Это гоненіе можетъ представить отличный случай къ заступничеству и вмѣшательству китайскаго правительства. Уже и теперь достаточно китайцевъ на островахъ Восточнаго океана, чтобъ при сильномъ флотѣ сдѣлать его Китайскимъ моремъ. Недавнее участіе пекинскаго двора въ дѣлахъ Кореи показываетъ съ другой стороны, что оно не только можетъ со временемъ отыскать своихъ подданныхъ, гдѣ бы они ни жили, но что оно стремится возвратить свои права и на другія вассальныя земли: Кохинхину, Сіамъ, Бирманъ, Непалъ и Ладакъ. И какая дѣйствительно всемірная имперія можетъ представиться въ будущности отъ Алтая до новой Голландіи включительно!

Намъ кажется, что другія правительства не умѣютъ справляться съ приходящими къ нимъ китайцами такъ, какъ справлялись съ ними въ древности обитатели нынѣшней Монголіи. Имъ надо стараться ихъ

ассимилировать. Китаецъ нынѣ держитъ себя изолированно въ чужой землѣ и тѣмъ сохраняетъ свою національность потому, что туземцы его чуждаются и отталкиваютъ отъ себя. Онъ потому и думаетъ о возвратѣ на родину, что въ чужой землѣ нѣтъ у него подъ ногами твердой почвы. Онъ отъ природы земледѣлецъ, дайте ему клочекъ земли и онъ можетъ сдѣлаться сыномъ новой родины. Съ какой радостью будетъ онъ посылать своихъ дѣтей въ туземную школу, за какую честь почтетъ онъ для себя право служить. Это большая ошибка думать, что китаецъ неспособенъ превратиться въ туземца; онъ и на родинѣ готовъ былъ превратиться въ маньчжура, принялъ уже маньчжурскій костюмъ, сталъ было учиться маньчжурскому языку.

Превращая китайцевъ въ туземцевъ, можно только отпарировать будущую опасность со стороны собственнаго Китая; съ помощью этихъ перерожденцевъ можно ослабить его и политическое и производительное вліяніе.

Итакъ, изъ всего сказаннаго можно вывести только одно. Предъ нами показалась пока еще только заря китайскаго прогресса, но настанетъ ли послѣ нея ясный разсвѣтъ, будетъ ли безоблачный день для Китая и очень бурный для остального міра—это вопросъ будущности. Мы видимъ, что все будетъ зависѣть отъ китайскаго правительства, а ему представляется не мало затрудненій и мы не можемъ еще утверждать, что оно твердо рѣшилось итти по пути необходимыхъ реформъ.

Можно положительно утверждать, что Китай имѣетъ всѣ данныя, чтобъ достигнуть самой высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса. Его принципъ глубокаго уваженія къ наукѣ, стремленіе всего народа учиться съ необыкновеннымъ напряженіемъ, не стѣсняясь количествомъ лѣтъ, показываетъ, что тамъ можетъ вырости нація самая образованная въ свѣтѣ, что она можетъ создать ученыхъ, которые могутъ не только разработывать науку сообща съ остальнымъ міромъ, но даже не остановятся на общемъ уровнѣ. Китайская ученость стараго времени, хотя и неудовлетворительна, но она пріучила

ихъ къ критикѣ, къ глубокой тщательной разработкѣ предмета. Тысячелѣтнее существованіе націи, устроившей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственнымъ соображеніемъ, придумываніемъ, обѣщаетъ что и новѣйшія открытія другихъ народовъ по физическимъ предметамъ найдутъ въ нихъ усердныхъ продолжателей и изобрѣтателей.

Китайцы могутъ отличиться и въ артистическомъ и художественномъ отношеніи. Далѣе, нѣтъ ремесла, нѣтъ промысла, нѣтъ ни одной торговой вѣтви, въ которой за китайца можно бы бояться, что онъ отстанетъ отъ другихъ. И такъ какъ все это будетъ сдѣлано тщательно и дешево, то міръ можетъ быть заваленъ китайскими товарами. Можетъ дойти дѣло даже до того, что китаецъ захватитъ всѣ рынки и промыслы всего свѣта.

Рука объ руку, или даже идя впереди этого движенія, можетъ возрости до неимовѣрной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить всѣ находящіяся и теперь уже подъ властью Китая земли, какъ явится обширная имперія съ милліардомъ народа развитого и дѣятельнаго. Захвативъ богатѣйшія въ мірѣ острова Восточнаго океана, Китай въ одно и то-же время можетъ угрожать Россіи и Индіи, Америкѣ и западной Европѣ. При силѣ у него достигнетъ безсердечія вырѣзать всѣхъ непокорныхъ, хоть весь міръ. Весь міръ будетъ населенъ одними только китайцами—вотъ до чего можетъ разыграться фантазія будущаго возможнаго, которое теперь называется невозможнымъ.

Но не надобно забывать, мало ли что можетъ быть впереди, а мы знаемъ, что есть одинъ прогрессъ, въ которомъ сомнѣваться уже нечего, которымъ дѣйствительно китайцы удивили и перещеголяли весь міръ. Это невообразимый прогрессъ опіумокуренія. Прежде курили немногіе и то только въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ, нынѣ курятъ не только во всемъ Китаѣ, но даже въ Монголіи и Маньчжуріи; прежде курили тайкомъ, нынѣ гостю вмѣсто обычной чашки чаю предлагаютъ опіумную трубку. Прежде курили опіумъ, продаваемый одними англичанами, нынѣ разводятъ его не только по всѣмъ провинціямъ, начиная отъ

Бирмана до полуострова Шаньдуна, но и за великой стѣной. Когда нельзя подкупить начальство, которому предписывается истреблять опіумные посѣвы, то сѣютъ, чтобъ не замѣтили, между другими хлѣбами. И есть ли надежда, что это опіумокуреніе можно не только прекратить совсѣмъ, но хотя бы не дать ему распространиться? Пробовали же народы и правительства бороться въ свое время съ распространеніемъ табаку и оказались безсильными. Не дошло ли уже и теперь опіумокуреніе до тѣхъ размѣровъ, которыхъ достигъ въ Китаѣ табакъ. Тамъ курятъ не только мужчины, но и женщины, тамъ къ табаку привыкаютъ съ малолѣтства, потому что матери часто суютъ дѣтямъ, какъ заплачутъ, вмѣсто соски въ ротъ трубку. Но, конечно, если опіумъ и не распространился еще теперь до размѣровъ табака, то онъ современемъ превзойдетъ его. Отъ табака еще можно отвыкнуть, отъ опіума отстаютъ только со смертью, которая отъ него неизбѣжна. Можно жить съ потребителями табака и не привыкнуть; пожившн нѣсколько въ опіумной атмосферѣ, у самого является охота и позывъ. Извѣстно, что въ домѣ, въ которомъ живетъ опіумокуръ, не только онъ самъ совсѣмъ опускается предъ наступленіемъ позыва, но даже кошка, птица въ клѣткѣ и тѣ опускаютъ голову, мышь перестаетъ скрести подъ поломъ. И только показался дымъ отъ закуренной трубки, какъ все оживаетъ и кошка глядитъ весело, птица издаетъ радостныя трели, а самъ опіумокуръ наслаждается блаженными минутами упоенія.

Выше я говорилъ, какія огромныя жертвы унесла съ собой китайская инсургенція, но не будетъ ли опіумокуреніе истребительнѣе и продолжительнѣе самой кровавой междоусобной рѣзни. И невольно приходитъ на умъ, что не лучше ли ужъ предоставить азіатцамъ рѣзаться, чѣмъ развивать въ нихъ переходящую изъ поколѣнія въ поколѣніе смертоносную страсть. Вѣдь опіумокуреніе водворилось тоже подъ давленіемъ европейской державы, нашло себѣ покровительство въ пушечныхъ выстрѣлахъ высокопросвѣщенной и гуманной націи.

Который же изъ двухъ китайскихъ прогрессовъ восторжествуетъ?

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ * БИБЛИОТЕКА ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА